

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

кандидат экономических наук, доцент
Сергей Александрович Головихин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 14.08.2014 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 3006.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**Г.Е. Зборовский**

Об отношениях социологии и власти:
некоторые уроки прошлого
и настоящего 7

В.А. Нехамкин

Основные подходы
к решению глобальных проблем:
возможности и пределы 13

М.А. Ермаков

Социальная структура
информационного общества:
синтетическая модель 18

А.М. Орехов

«Каменный Интернет»:
о методологии философского дискурса
в свете негативной футурологии 25

Е.В. Грунт, Е.С. Елисева

Профессиональная культура
молодых преподавателей
российских вузов
в социологическом измерении 31

Н.Л. Антонова, М.В. Клейменов

Особенности взаимодействия
врача и пациента в системе
медицинского обслуживания на селе 37

ВЛАСТЬ**О.Ф. Русакова, А.В. Бочаров,**

Е.Г. Грибовод
Концептуальные основания
стратегии цветной революции:
теории soft power, управляемого
хаоса и медиатизации политики 42

Ю.Б. Перевозчиков

«Разбитые окна»
институциональных иерархий:
близкий конец
врождённого доминирующего стиля 48

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор,
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- Е.А. Неживенко* – доктор экономических наук,
доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

М.К. Жундубаев

Влияние Евразийского экономического
сообщества (ЕвразЭС)
и Таможенного союза (ТС)
на российско-казахстанское
приграничное сотрудничество 55

И.В. Халанский

Проблемы функционирования
политических систем
новых независимых государств
Центральной Азии 59

А.Ю. Щербаков

Становление региональной
идентичности Челябинской области:
проблема периодизации 65

Е.В. Алдошенко

Потенциал влияния
коммуникационных технологий
на политический дискурс 76

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ю.Г. Ершов

Правовой нигилизм:
меры противодействия 80

Е.В. Аббасова, В.А. Васильев

Конституционные основы
охраны труда в Российской Федерации ...85

И.И. Стрелкова

Термин «опасные объекты»
требует уточнения 90

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.В. Артёмова, М.Л. Чепурнова

Сравнительная оценка регионов
по уровню развития
отраслей специализации 95

С.А. Головихин

К новой стратегии повышения
конкурентоспособности региона
на основе развития наукоёмкого
машиностроения 103

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК)

журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,**

в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

КУЛЬТУРА

В.А. Ашимова

Герменевтика как попытка релевантного описания двойственности мира 109

Е.В. Омельченко, А.М. Обжорин

Расширение смысла понятия «патриотизм» в информационно-фасцинативном отклике на прощальное письмо Ю. Гагарина 114

А.А. Беляцкая

Текст как фактор социальной эволюции: лингвокультура и ценностный отбор 120

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

В.О. Лобовиков

Ядро диалектики – закон взаимопроникновения противоположностей и его моделирование в алгебраической системе формальной аксиологии 126

Н.В. Бряник

Правомерны ли абстрагирование от истории и «оцифровка» диалектического материализма 131

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

С.И. Абылкаликов

Миграции в России: актуальные вопросы, политика, источники информации 136

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy
 and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor
S.A. Golovihin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
 (Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophical Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 14.08.2014.

Format 70x108¹/₁₆
 Reference sheet area 8,75. Issues – 500.
 Order № 3006

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk,
 Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIUM

G.Y. Zborovskiy

About the Relationship of Sociology
 and Power: Some Lessons
 of the Past and Present..... 7

V.A. Nekhamkin

Basic Approaches to the Solution
 of Global Problems:
 Possibilities and Limits..... 13

M.A. Ermakov

The Social Structure of Information
 Society: Synthetic Model 18

A.M. Orekhov

«The Stone Internet»:
 about the Methodology
 of Philosophical Discourse in the Light
 of Negative Futurology..... 25

E.V. Grunt, E.S. Yeliseyeva

Professional Culture of Young
 Lecturers in Russian Universities
 at Sociological Aspect 31

N.L. Antonova, M.V. Kleymenov

Features of Interaction
 of a Doctor and a Patient
 at the System
 of Rural Medical Service..... 37

POWER

O.F. Rusakova, A.V. Bocharov,

E.G. Gribovod
 Conceptual Bases
 of Color Revolution`s Strategy:
 Theories of Soft Power,
 Controlled Chaos
 and Policy Mediatizing 42

Yu.B. Perevozchikov

«Broken Windows» of Institutional
 Hierarchies: the Imminent End
 of the Inherent Dominative Mode 48

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
E.A. Nezhivenko – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

M.K. Zhundubaev

The Effect of the Eurasian Economic Community (EurAsEC) and the Customs Union (CU) on the Russian-Kazakh Border Cooperation 55

I.V. Khalanskiy

The Problems of Functioning Political Systems of New Independent Countries in Central Asia 59

A.Yu. Shcherbakov

Formation of Regional Identity of Chelyabinsk Region: the Problem of Periodization 65

Y. V. Aldoshenko

Potential Effect of Communicative Technologies on Political Discourse 76

STATE AND LAW

Yu.G. Yershov

Legal Nihilism: Resistance Measures 80

E.V. Abbasova, V.A. Vasilyev

Constitutional Bases of Labor Protection in Russian Federation 85

I.V. Strelkova

The Term «Dangerous Objects» Requires More Precise Definition 90

ECONOMICS AND MANAGEMENT

O.V. Artyomova, M.L. Chepurnova

Comparative Assessment of Regions on Level of Branches of Specialization Development 95

S.A. Golovikhin

To the New Strategy Increasing Competitiveness of a Region on the Base of Development of High tech Machine Building 103

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

CULTURE

V.A. Ashimova

Hermeneutic as an Attempt of Relevant Description of the World's Duality 109

E.V. Omelchenko, A.M. Obzhorin

Extension of the Meaning of the Concept «Patriotism» at Informational and Fascinative Response to the Farewell Letter of Y. Gagarin 114

A.A. Belyatskaya

Text as the Factor of Social Revolution: Linguistic Culture and Value Selection 120

DISCUSSIONS AND DEBATES

V.O. Lobovikov

The Dialectical Law of Interpenetration of Opposites and its Representation in the Algebraic System of Formal Axiology 126

N.B. Bryanik

Are Abstraction from History and Digitalization of Dialectic Materialism Valid131

CRITICISM AND REVIEWS

S.I. Abylkalikov

Migration in Russia: Current Issues, Policies, Information Sources. About the Book «Migration in Russia. 2000–2012»..... 136

УДК 316

ОБ ОТНОШЕНИЯХ СОЦИОЛОГИИ И ВЛАСТИ: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Зборовский Гарольд Ефимович,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
профессор кафедры социологии
и социальных технологий управления,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются проблемы взаимоотношений между социологией и властью, характеризуются типы взаимодействий между ними, показываются их перспективы в различных обществах. Делается вывод о том, что оптимальным это отношение может быть только в гражданском обществе.

Ключевые понятия:

социология,
власть,
типы отношений,
гражданское общество.

Проблема отношений между социологией и властью всегда была одной из главных для социологической науки и практики. Начиная со времен О. Конта, социология испытывала на себе зависимость от властных структур, а ее стремление к самостоятельности с самых первых шагов существования означало не только «отпочкование» от «материнской» философии, но и попытку собственного, относительно автономного от власти развития. Именно поэтому практически все крупные представители социологической мысли на протяжении всей истории её существования, так или иначе, касались поставленной проблемы, причём у большинства из них не наблюдалось конформизма в отношениях с властью. Иначе социология была бы не в состоянии выполнить одну из своих основных функций – критическую.

В данной статье целью авторского исследования является анализ отношения социологии и власти в его российском контексте, причём речь пойдёт не только о характеристике самого этого отношения, но и об извлечении уроков из него – как на историко-социологическом, так и современном материале. Смысл и задача анализа состоит в том, чтобы показать стремление социологии быть «антивластной» по своей направленности только там и тогда, где и когда сама власть противоречит гражданскому обществу, мешает его становлению, не признаёт его сегментацию и структуру, а также право на самостоятельное существование. Методологическим основанием анализа является тезис о том, что социология идентифицирует себя с одним из элементов гражданского общества, оставаясь в то же время институциональным феноменом.

Охарактеризуем отношения между социологией и властью в России/Советском Союзе/России сквозь призму нескольких уроков, которые должны быть извлечены из этих отношений для их адекватного понимания и стремления не воспроизводить в будущем ошибок и просчётов ни для социологии, ни для власти.

Урок 1. Следует учитывать, что проблема отношений между социологией и властью всегда была и будет одной из центральных в российском/советском/российском обществе, учитывая специфику власти в нём, её постоянно недемократический характер и слабые перспективы глубоких трансформаций в этой сфере социальной жизни. Свидетельством тому является вся история развития отечественной социологии начиная со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней.

На разных этапах этой истории рассматриваемые отношения не отличались большим разнообразием, причём преобладали в них чёрные и серые тона. Характеризуя первый, дореволюционный этап (1861–1917 гг.), отметим, что в то время в России существовала дискриминация социологии как науки со стороны царского самодержавия, проявившаяся в стремлении последнего воспрепятствовать её развитию. Царское правительство рассматривало социологию как угрозу правящему режиму, поэтому вполне понятно, что уровень её институционализации был крайне низким [4, с. 238–239].

Говоря о втором этапе отечественной социологии, охватившем большую часть XX в. (1917–1991 гг.), следует отметить, что в его границах отношения с властью колебались – от борьбы социологии за своё существование и выживание (до 1930-х гг.) до полного запрета в условиях сталинской диктатуры (1930-е – середина 1950-х гг.) и затем – в период второго рождения (конец 1950-х – конец 1980-х гг.) – до стремления к самоутверждению под жёстким контролем партийной власти и партийной цензуры как её неотъемлемой части. Представляют интерес суждения Б.М. Фирсова о конфронтации двух типов развития социологии в нашей стране в послевоенный период (вплоть до 1980 г.) – естественного и подконтрольного (несвободного, разрешительного, регламентированного сверху). По его мнению, у нас господствовала неестественная форма управления социологией, знаменовавшая собой полную зависимость учёных и администраторов науки от институтов власти, прежде всего партийной и государственной [5, с. 432].

В этой связи привлекает интерес статья Б.А. Грушина «Учёный совет при Чингисхане», главная тема которой – соотношение социологической науки и власти (управления). Нормальным Грушин считал такое положение вещей, при котором «наука занимается наукой, управление – управлением, а связи между ними реализуются либо в разнообразных формах использования управлением научных данных... либо – что гораздо эффективнее – путём прямого и гарантированного включения науки в процессы управления, в том числе в механизмы принятия ответственных решений...». В СССР же «...на определённом этапе его истории произошла серьёзнейшая деформация, когда органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать всё, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду

с наукой, а на деле – в обход неё и даже без неё, вместо неё, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения...» [1, с. 297]. Как следствие, наука стала вызывать у представителей органов власти сплошные подозрения и нарекания, её отстранили от активного участия в жизни общества. Социология оказалась «...вроде учёного совета при Чингисхане. Будешь стоять на своём, говорить правду – не снесёшь головы, будешь угодничать, лгать – останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...» [1, с. 302].

Только в рамках современного этапа развития отечественной социологии – с 1991 г. до наших дней – в условиях происшедшей институционализации и существования её в качестве независимой, автономной, самодостаточной науки удалось добиться свободы (за счёт ликвидации жёсткого контроля и цензуры) и возможности работать в рамках понимания своих собственных научно-практических проблем. Решение этой задачи произошло в 1990-е гг. Конечно, главную роль в данном процессе сыграли запрет КПСС в 1991 г., отмена цензуры и широкая демократизация политической жизни в стране.

Однако в последние десять лет социология вновь стала ощущать усиливающееся давление, иногда прямое, чаще косвенное. Сегодня имеются достаточные основания говорить об ужесточении идеологического режима в стране. В рамках этого процесса следует рассматривать постоянные призывы к усилению консервативных традиций в России, в целом консерватизма как идеологического направления, равно как и стремление иерархов церкви к усилению православного фундаментализма. Всё больше представителей СМИ, научной и художественно-творческой интеллигенции начинают говорить о возвращении цензуры.

Это не может не сказываться и на процессах, происходящих в социологической науке. Именно в таком ключе следует расценивать появившуюся в ней линию на сотрудничество с православной церковью и объявление идеологическими устоями современной социологии православия, самодержавия и народности [2].

Урок 2. Как следствие из сказанного, нужно учитывать, что на протяжении всей истории развития отечественной социологии она испытывала и продолжает испытывать давление власти. При этом последняя до поры до времени может занимать позицию своеобразного стороннего наблюдателя в отношении социологии. Но как только её представи-

тели касаются проблем, прямо или косвенно затрагивающих интересы власти, наступают на её «мозоли», а также поднимают наиболее острые и болезненные вопросы социальной, экономической и политической жизни общества, так сразу же начинают ощущать жёсткое противодействие своей деятельности со стороны самых разных властных структур.

Урок 3. Отсюда следует, и этот урок обязательно должен быть учтён, что осознание зависимости социологии от власти в России заставляет конкретных представителей этой науки зачастую делать выбор в предпочтениях профессиональных интересов и проблемного поля для исследований не столько с точки зрения глубоких внутренних потребностей их авторов, сколько в плане выявления степени их свободы и независимости от властных структур в процессе осуществления научных поисков. Благо, что возможности для такого выбора имеются, поскольку социологическая наука предлагает большой диапазон востребованных (не связанных с властью и политикой) проблем, включая целые лакуны в её истории, логике и методологии социологического знания, методике и технологиях исследования, обработки полученного эмпирического материала и т. д.

Выбор, перед которым стоят социологи, касается не только стремления какой-то их части уйти от прямых и непосредственных отношений и взаимодействий с властью при осуществлении собственных исследований, но наоборот, включённости их авторов в эти отношения и взаимодействия в случае изучения проблем, привлекающих внимание властных структур, а зачастую и финансирование научных работ с их стороны.

Этот второй выбор оказывается ещё более сложным, чем первый, поскольку означает, с одной стороны, наличие двух крайних позиций, с другой – ряда промежуточных вариантов. Крайние позиции – это либо готовность полностью «лечь» под власть, выполняя роли и функции «продажной девки» и полностью соглашаясь на условия ангажированного «социального заказа», либо сохранение научного и независимого лица и готовность осуществить лишь объективный анализ поставленной в исследовании проблемы. Отметим сразу, что когда власть принимает вторую позицию, честь ей и хвала. Что касается промежуточных позиций, то они представляют собой разную степень компромисса между властными и социологическими структурами (либо отдельными социологами).

Урок 4. Из приведённых суждений вытекает, что отношения между социологией и властью в России могут быть охарактери-

зованы на основе выявленных их типов. Следует различать две типологии отношений – между социологией и властью и социологами и властью. Вторая типология носит более дробный характер, чем первая, и конкретизирует её.

Рассмотрим типы таких отношений между социологией и властью с учётом описанной ситуации.

Первый тип. Власть в стране характеризуется господством демократических институтов, и социология в этом случае развивается в свободном и независимом от неё режиме. Научная, преподавательская, практическая деятельность в сфере социологии может быть вообще вне связи с политическим режимом и реагировать лишь на те действия власти и её институтов, которые противоречат существующим нормам, ценностям, традициям и затрагивают интересы конкретных групп людей.

Второй тип. Власть в стране не имеет выраженного демократического вектора и определяется давлением авторитарного (или тоталитарного) режима. В этом случае социология и её представители оказываются перед выбором: идти на сотрудничество с властью, поддерживать её на разных уровнях, выполнять заказы (в том числе ангажированные, требующие в ряде случаев поступаться научной совестью), оказывать содействие режиму через систему преподавания, либо стремиться к проведению объективных и независимых исследований, подвергать критическому анализу деятельность властей, способствовать созданию и поддержке структур гражданского общества, включаться в их деятельность.

Названные два типа, как это видно, противостоят друг другу по основным позициям и их вектору в отношениях с властью. Но, помимо двух крайних типов, есть и промежуточные, точнее говоря, их конкретизирующие. Первый из них – стремление дистанцироваться от власти, работать в таких проблемах, которые находятся весьма далеко от непосредственных интересов властных структур. Это может быть достаточно абстрактный уровень теоретизирования, имеющий мало общего с реальными социальными проблемами. Скажем, речь идёт о социологии науки или социологии знания и исследовании природы и особенностей того или иного вида (типа) знания. Это тот уровень, который можно определить как эпистемологический и который, чаще всего, не имеет прямого выхода к реальной проблематике повседневной, тем более социально-экономической и общественно-политической жизни.

В рамках намечающегося приближения к этой ситуации и, соответственно, власти, её создающей, имеет смысл говорить о ещё одном – втором типе социологической деятельности, который принято называть моделью (эпистемологией) абсолютного наблюдателя [3, с. 15]. Суть её в том, чтобы лишь наблюдать, фиксировать, отражать совокупность социальных фактов. Позиция социолога в этом случае не влияет на объект, она нейтральна и свободна от ценностей. Теория противопоставлена практике, поскольку они представляют различные сферы деятельности. В данном случае социолог даже не интерпретирует ситуацию, а просто её наблюдает и описывает. Конечно, и в этом случае социология не свободна полностью от воздействия власти, поскольку в самом факте наблюдения и описания также можно обнаружить определённое отношение к ней. Но всё же социологическое знание и направленность социологического мышления отделены от социальной реальности (включая социально-политическую ситуацию), противопоставлены в чём-то ей и лишь представляют (репрезентируют) её.

Третий тип социологической деятельности относительно имеющейся власти состоит в значительно меньшем (чем во втором) дистанцировании от неё. Он связан с интерпретацией наблюдаемых социальных фактов, которые рассматриваются в оптике социологии, её представлений и суждений, а также понятий и теорий, ею используемых. Эта интерпретация выводит социологию на возможность почти прямого взаимодействия с властью, но лишь в том случае, если последняя сама обратит внимание на исследовательскую позицию и проявит к ней интерес. Последний может иметь три вектора – позитивный, негативный и нейтральный. Это значит, что социологическая интерпретация воспринимается властью либо как соответствующая её интересам, либо как противоречащая им, либо как не имеющая практического значения для принимаемых властных решений.

Четвёртый тип социологической деятельности характеризуется как создание перформативной модели (перформативной эпистемологии). Происходит отказ от разделения субъекта и объекта познания. Социология активно включается в сеть отношений с властными структурами. «И здесь речь должна идти уже не просто о публичной социологии, которая репрезентирует свои репрезентации обществу, а о перформативной социологии, которая встроена в общество и активно участвует в его исполнении» [3, с. 20].

Весь вопрос в том, в какое общество, в какой властный режим должна быть встро-

ена социология и в каком – должна активно участвовать в его деятельности. Конкретизируя этот вопрос, сформулируем ещё один: должна ли она встраиваться в авторитарный (тоталитарный) режим власти, и если да/нет, что это означает на практике? Ответ на этот вопрос можно дать лишь в процессе анализа перспектив отечественной социологии и её деятельности относительно властного режима.

Общение (взаимодействие) социологии (её конкретных представителей) с публикой (обществом) в той или иной форме требует определённой смелости и гражданского мужества, особенно когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. По нашему мнению, это – одна из разновидностей так называемой публичной социологии, сам термин и развёрнутая трактовка которого принадлежит американскому социологу М. Буравому [6, с. 4–28]. Гражданская и научная позиция (их не следует разделять в данном случае, поскольку они тесно взаимосвязаны и представляют собой некое единство) нужна и в противостоянии так называемой ангажированной социологии, представители которой (в угоду заказчикам соответствующих исследований, в том числе и власть имущим) готовы пойти на фальсификацию и искажение объективных данных.

В связи с этим возникает важная проблема взаимоотношений социологии, власти и бизнеса, точнее говоря, тех аспектов их взаимоотношений, которые благодаря социологии приобретают (или могут приобрести) публичный характер. И здесь появляется такое место их встречи, о котором нужно сказать особо, – регион.

Для социологии в регионах, где её представители достаточно известны и находятся под «аудио» и «видеонаблюдением», такая публичность иногда может дорого стоить. Конечно, отношения между социологией и властью в регионе (на местах) время от времени могут быть достаточно нейтральными и строиться по принципу «не трогать друг друга». Но не нужно забывать и о том, что в ряде случаев существует, помимо политического и идеологического интереса, финансовая сторона названных отношений, поскольку власть может оказаться заказчиком (и плательщиком) исследований.

Целесообразно выделить условия, определяющие возможность публичной социологии в регионе. В качестве таковых назовём: 1) стремление социологов быть активными и его реальные проявления в деле внедрения публичной социологии; 2) понимание ими тех

сложностей, которые могут возникнуть на этом пути и затронуть их лично; 3) позиция власти – региональной и муниципальной, её отношение к социологии, готовность /неготовность сотрудничать с её представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и деятельности самой власти); 4) позиция СМИ, их отношение к социологии, готовность /неготовность сотрудничать с её представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и самих СМИ); 5) отношение различных социальных групп к власти, её деятельности, к СМИ, к социологическим исследованиям, наличие выраженного общественного мнения, уровень и характер его изучения в регионе; 6) уровень активности населения, в том числе протестной.

Урок 5. Из сказанного следует необходимость определить, что российскую социологию в её отношении к власти устраивает, а что – нет (с учётом характера самой власти). Устраивает, прежде всего, признание самой социологии, её права на институционализацию. Устраивает стремление властных структур к нормальному, цивилизованному, без давления, без ангажирования отдельных социологических структур и социологов, взаимодействию с социологией. Устраивает стремление власти прибегать к выявлению экспертного мнения социологов (и в целом к изучению общественного мнения) по основным проблемам жизни общества. Устраивают заказы власти и органов управления на исследование наиболее актуальных проблем. Устраивают действия власти, направленные на реализацию рекомендаций социологов и предложенных ими социальных проектов и технологий управления. Устраивает приглашение социологов со стороны власти к диалогу. Устраивает уважительное отношение к социологам. Устраивают позитивные, подкреплённые конкретными шагами, действия властей, направленные на развитие социологического образования.

Что не устраивает социологию в её отношении к власти? Строго говоря, всё то, что было сказано выше, только с обратным знаком. Это равнодушное, незаинтересованное (а иногда и недружественное) отношение власти к социологии, оказание на неё давления с целью получения необходимого результата в исследовании. Не устраивает отсутствие заказов и финансирования исследований, нежелание использовать социологов для экспертизы при принятии практически всех значимых решений, имеющих социально-экономическую и социально-политическую направленность. Не устраивает

снижение интереса к социологическому образованию, проявляющееся в сокращении бюджетных мест на бакалавриат, в магистратуру и аспирантуру.

Теперь поставим вопрос «с другой стороны» и попробуем предположить, что устраивает и не устраивает власть в отношениях с социологией, имея в виду все её уровни – федеральный, региональный, муниципальный.

В отличие от социологов, которые порой достаточно откровенно и зачастую нелюбимо характеризуют своё отношение к власти и с властью, последняя не стремится открыто демонстрировать и громко провозглашать свои взгляды на социологию и её представителей. Она это делает скорее не словами, а делами, либо приглашая к сотрудничеству, либо – что чаще – стараясь не обращать внимания на результаты работы социологов. Но, поскольку не всегда есть возможность «замолчать» эти результаты и они, так или иначе, часто довольно болезненно затрагивают власть, ей приходится реагировать на «выпады» социологов своими «контрвыпадами», часто сводящимися к стремлению каким-то образом дезавуировать выступления (публикации) социологов. В отдельных случаях давление приобретает довольно грубые формы, как это имело место в 2013 г. в отношении Левады-центра, от которого потребовали признать себя «иностранным агентом» в соответствии с печально известным законом о некоммерческих организациях.

В порядке вывода, с учётом высказанных выше соображений следует отметить, что существует реальное противоречие между стремлением социологии к максимальной независимости, неангажированности и объективности собственного знания и теми социальными, экономическими и политическими условиями, в которых её представителям приходится проводить исследования и доводить их результаты до широких слоёв населения, т.е. превращаться в публичную социологию.

В странах с отсутствующим гражданским обществом, в которых имеют место авторитарные и тоталитарные режимы, социологическое знание не может развиваться аутентично, что показал опыт и царской России, и Советского Союза. В известной степени это касается и современной России. Там, где господствует вертикаль власти, где отсутствуют реальные институты гражданского общества, социологическое знание не пользуется достаточной поддержкой и полным институциональным признанием. Чтобы всё это пришло, необходимо появление реального гражданского общества. В противном случае социология будет лишь частью

государственного истеблишмента, каковой, собственно, и наличествует сегодня в России. По существу, её независимость как науки – на грани дозволенного властью статуса.

Что же должна исследовать социология, живая по своей природе наука, если общество, которое по определению является её объектом, в стране реально отсутствует, будучи заменено государством? Ведь общество – это не пассивный и молчаливый объект управления и манипулирования властью, а многообразные формы связей, объединений, ассоциаций людей, совокупность (взаимосвязь) независимых от государства социальных общностей (в том числе некоммерческих организаций, различных партий, движений и т.д.), то есть того, что принято называть гражданским обществом, не включающим отношения господства и подчинения, «вертикаль» власти. Краткий ответ на поставленный вопрос: социология должна создавать знание о реальных путях формирования гражданского общества, а в его рамках правового государства, которое будет обеспечивать, реализовывать интересы членов этого общества.

1. Грушин, Б.А. Учёный совет при Чингисхане [Текст] // Открывая Грушина. Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 440.

2. Добренков, В.И. Ценностные ориентиры современной социологии [Текст] // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 108–115.

3. Дудина, В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии [Текст] // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 13–21.

4. Зборовский, Г.Е. История социологии [Текст] / Г.Е. Зборовский М.: Гардарики, 2007. 608 с.

5. Фирсов, Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. [Текст] / Б.М. Фирсов СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 476 с.

6. Burawoy, M. For Public Sociology [Текст] // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. № 1. P. 4–28.

References

1. Grushin B.A. Uchjonyj sovet pri Chingishane [Academic Council under Genghis Khan]. *Otkryvaja Grushina (Grushin's Reveal)*. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2010, pp. 440 (in Russian).

2. Dobren'kov V.I. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 8, pp. 108–115 (in Russian).

3. Dudina V.I. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2013, no. 10, pp. 13–21 (in Russian).

4. Zborovskij G.E. *Istorija sociologii* [History of sociology]. Moscow, Gardariki, 2007, 608 p. (in Russian).

5. Firsov B.M. *Istorija sovetskoj sociologii: 1950–1980-e gody* [History of soviet sociology: 1950–1980 years]. St.Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012, 476 p. (in Russian).

6. Burawoy M. *American Sociological Review*, 2005, vol. 70, no. 1, pp. 4–28 (in English).

UDC 316

ABOUT THE RELATIONSHIP OF SOCIOLOGY AND POWER: SOME LESSONS OF THE PAST AND PRESENT

Zborovskiy Garold Yefimovich,

Ural Federal University
named after the First Russian
President B.N. Yeltsin,
Professor of the Chair of Sociology
and Social Management Sciences,
Doctor of Philosophy, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian
Federation,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Annotation

The author analyses the problem of the relationship between sociology and power, characterizes types of relations between them and describes their prospects in different societies. It concludes that the best this relationship can be only in civil society.

Key concepts:

sociology,
power,
types of relations,
civil society.

УДК 008.2+327.7

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Москва, Россия.

E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к решению глобальных проблем. Демонстрируется их научный и практический потенциал.

Ключевые понятия:
глобальные проблемы,
Римский клуб,
власть,
подходы к решению
глобальных проблем.

Во второй половине XX в. человечество осознало, что столкнулось с новым видом угроз – глобальными проблемами, которые могут быть решены исключительно народами Земли вместе, а не по отдельности. Список указанных проблем, их классификация постоянно изменялись. Автор опирается на типологию В.В. Загладина и И.Т. Фролова [3], предусматривающую выделение следующих групп глобальных проблем: 1) **интерсоциальных**, касающихся отношений основных социальных общностей человечества (общественных систем, государств, классов, наций и т.д.); 2) **антропосоциальных** (проблемы отношений человека и природы); 3) **природно-социальных** (проблемы отношений человека и общества). К интерсоциальным относятся проблемы: войны, мира и разрушения; мирового социального и экономического развития; преодоления отсталости, разрыва в уровне экономического и культурного развития различных государств.

Конечно, в нынешнем динамичном мире перечень глобальных проблем носит открытый характер.

Глобальные проблемы разнообразны не только по видам: со временем изменяется их иерархия. Например, в середине 80-х гг. степень актуальности глобальных проблем виделась учёным следующим образом: предотвращение мировой термоядерной войны; социальное развитие и экономический рост в мире; преодоление экономической отсталости отдельных стран; выработка и реализация активной демографической политики и т.д. [13, с. 94]. В конце XX – начале XXI вв. на первый план, по мнению западных учёных, политиков (А. Гор и др.), выходят экологические проблемы [9, с. 561]. Такая динамика, предполагающая смену иерархии глобальных проблем, на мой взгляд, сохранится и в будущем.

Поскольку глобальные проблемы существуют, острейшим становится вопрос о способах их решения. Логично предположить, что эту роль может играть «самоорганизация» как важный элемент развития общества. Сначала данный механизм «настраивала» природа. Например, в Средние века, как отмечал Э. Ладьюри, «четыре фактора – война, чума, эпидемии и голод – играли гораздо большую роль (в регулировании рождаемости – В.Н.), чем упадок экономики» [5, с. 163].

Затем, при капитализме, – рыночная форма организации хозяйственной жизни. Так, в концепции «ночного сторожа» А. Смита (XVIII в.) утверждалось, что государство не должно вмешиваться в экономическую

жизнь общества, а рынок сам рано или поздно найдёт пути выхода из любой кризисной ситуации.

В XX в. понятие «самоорганизация» получает серьёзную теоретическую основу. Оно становится центральным в синергетике И. Пригожина. Здесь любой порядок «спонтанно» возникает из хаоса через специальное переходное состояние: «точку бифуркации». Причём, в синергетике допускается, что система всегда способна прийти этим путём к положительной динамике.

Насколько применима концепция самоорганизации для решения глобальных проблем? Во-первых, нынешнее общество – гораздо более сложная социальная система, чем его предшествующие типы. Отсюда надеяться только на её саморегуляцию для решения возникающих проблем – наивно. Во-вторых, современный социум – глобален, его элементы стали в большей степени, чем раньше, зависеть друг от друга. Полагаться, что их свободное взаимодействие всегда обусловит положительные для человечества результаты, – опасно. Утопичность надежды на механизмы саморегуляции рынка стали особенно очевидны после Великой Депрессии 1929–1933 г. Именно первоначальный отказ государств (прежде всего – США) от вмешательства в экономику и сделал кризис столь глобальным, разрушительным, а активное государственное регулирование – исправило положение. К тому же страны, как и люди, эгоистичны. Надеяться, что они из чистого альтруизма будут стремиться к «благу для всех» в собственных действиях на глобальном уровне, – наивно вдвойне.

При отказе от самоорганизации как универсального пути решения глобальных проблем, возникают два фундаментальных вопроса: «что следует изменить?» и «как это сделать?» Поиски ответа на первый – породили особую дисциплину, глобалистику; возникшую в 1968 г. транснациональную организацию учёных (Римский клуб), стремившуюся предложить на теоретическом уровне модели развития мира и варианты решения глобальных проблем. Последние находили выражение в знаменитых «докладах Римского клуба», над каждым из которых, как правило, трудилась группа учёных из разных стран. Перечислим наиболее известные доклады с указанием руководителей коллективов: «Пределы роста» (1972 г., Д. Медоуз); «Человечество у поворотного пункта» (1974 г., М. Месарович, П. Пестель); «Цели для человечества» (1977 г., Э. Ласло).

На базе Римского клуба и глобалистики оформилось теоретическое направление в решении глобальных проблем. В его рамках группы учёных создавали универсальные модели прошлого, современного состояния дел в какой-то «проблемной» сфере, давали прогноз, предлагали собственные варианты преодоления возникшей или потенциальной кризисной ситуации. Затем через средства массовой информации эксперты и организатор Римского клуба (итальянский предприниматель А. Печчеи) активно привлекали внимание широкой общественности к данному докладу.

Однако сторонники теоретического направления решения глобальных проблем столкнулись с существенной трудностью. Люди, облечённые властью, в 70–80-е гг. просто не хотели их слушать. Сильнейшей критике со стороны политиков подвергся доклад «Пределы роста», авторы которого предлагали Западным странам ограничить уровень собственного потребления ради дальнейшего спасения человечества. Особенно циничный и прагматичный ответ «теоретики» получили в 1976 г. от канцлера ФРГ Г. Шмидта: «Никто не должен позволить заразить себя тому учёному из Римского клуба, который вещал, что мы все снова должны вернуться к простой жизни. На это мы не пойдём, и не для этого мы трудимся» [цит. по: 4, с. 54]. Следовательно, на практике национальный эгоизм оказывался сильнее тревоги за судьбу человечества, мешал решению глобальных проблем.

Тогда становился актуальным второй вопрос: как заставить политическую элиту делать позитивные шаги для достижения данной цели? Отсюда возникло другое – прагматическое направление, сторонники которого стремились выявить не только теоретические, а реально осуществимые на практике пути решения глобальных проблем. Данное (малоизученное) направление, на мой взгляд, целесообразно разделить на следующие подходы: регулятивно-институционалистский и морально-нормативистский.

Регулятивно-институционалистский подход предполагает, что целенаправленными мерами (через ряд международных организаций) можно усилить степень управляемости мирового сообщества. Это позволит преодолеть национальный эгоизм, введёт различия государства в рамки «умеренного» потребления, заставит каждую страну в сфере финансов «скинуться» на решение общих проблем в интересах выживания человечества. Поскольку в нынешнем мире множество

«соперничающих участников и неуправляемых факторов» [6, с. 7], постольку нейтрализовать данное негативное разнообразие может только более совершенная организация. Следовательно, как отмечает А. Вебер, «ключ к решению глобальных проблем – в повышении уровня организованности и управляемости мирового сообщества» [1, с. 17]. Если довести данную позицию до логического завершения, то придём к идее мирового правительства, выступающего тем глобальным институтом, который станет регулировать развитие человечества, позволит реально решать глобальные проблемы. Существующая же ныне в мире иерархия национальной и транснациональной власти далека от требуемой, противоречива. Данную мысль высказывает экономист Дж. Стиглиц: «К сожалению, у нас нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации... Вместо этого у нас есть система, которую можно назвать глобальным управлением без глобального правительства, в которой кучка институтов – МВФ, ВТО – и кучка игроков – министерства финансов, ... торговли ... – доминируют на сцене, но при этом огромное большинство, затрагиваемое их решениями, остаётся почти безгласным» [11, с. 41].

Сторонники регулятивно-институционалистского подхода правы в том, что появление транснациональных полномочных институциональных структур помогло бы решению глобальных проблем. Однако остаются опасности: их малой эффективности, полного отрицания национальных интересов, алчности «глобальных чиновников», стремящихся исключительно к личной выгоде, и т.п., которые ограничивают возможности использования указанных мероприятий. Слабость подхода и в том, что само по себе перераспределение власти от национальных к транснациональным структурам – не гарантия решения глобальных проблем.

Альтернатива регулятивно-институционалистскому подходу – морально-нормативистский. Его сторонники исходят из того, что первичное условие решения глобальных проблем лежит не в материальной (институциональной), а в идеальной, ментальной сфере. Пока люди не осознают наличие данных проблем, свою ответственность за их решение, никакое «мировое правительство» ничего не сделает.

В данном подходе, на мой взгляд, прослеживаются два течения: экологическое и волонтаристическое. Сторонники первого (вслед за Ж.Ж. Руссо) призывают

людей путём смены императивов поведения снова вернуться «назад, к природе». Так, М.В. Гусев выдвинул идею замены господствующего в современном обществе «антропоцентризма» на «биоцентризм». Отсюда вытекают следующие меры регулирования: «необходимость ограничения роста производства и потребления», чёткое определение человеческих потребностей, чтобы они не становились чрезмерными (в данном пункте видится определённая перекличка с докладом «Пределы роста»). Наконец, запрет на употребление в пищу животных, «у которых есть проблески сознания» [2, с. 75]. Цель подобных мероприятий – создание у человека установки, что он «не имеет право поднять руку на то, что создано не им, а природа – не наша безраздельная вотчина» [2, с. 74].

Н.Н. Моисеев сформулировал особый «экологический императив» и утверждает: «чтобы человечество смогло обеспечить своё будущее, ему необходима смена принципов поведения» [7, с. 95]. Стратегия развития человеческой цивилизации «непрерывно должна быть согласована со стратегией природы» [7, с. 91].

Экологическое течение внутренне противоречиво. Нельзя вернуться к природе, не ущемив интересов современного человека, его уровня потребления. Уже предложение Гусева перейти от антропоцентризма к биоцентризму путём отказа от употребления в пищу живых существ с «проблесками сознания», т.е. близких к человеку, говорит о недостаточной обоснованности данной позиции. Суждение Моисеева тоже далеко не бесспорно. Сказать «надо» – одно, сделать – другое. Необходим некий институт, властный орган, который позволит воплотить «экологический императив» в практику. Однако он в данной позиции не предусмотрен. Кроме того, вызывает скепсис и попытка согласовать «стратегии» человеческой цивилизации и природы. Первая в состоянии сознательно обозначить свои ориентиры, вторая же на это не способна, а значит, не сможет быть правильно «услышана» людьми, даже если они захотят.

Волонтаристическое течение исходит из принципиально иной установки, чем экологическое. На природу «оглядываться» не стоит. Пока человечество не осознает свою «руководящую и направляющую» силу в мире, глобальные проблемы решены не будут. Так, по мнению А. Печчеи, «нынешний глобальный кризис – прямое следствие неспособности человека подняться до уровня, соответствующего его

могучей роли в мире, осознать свои новые обязанности и ответственность в нём» [10, с. 73]. Политическая элита и обычные люди должны сформировать у себя «человеческие качества», т.е. осознать собственное господствующее положение в мире. Это «вынуждает его (человека – В.Н.) взять общие регулирующие функции» [10, с. 71] мировым развитием.

Печчи не указывал конкретные формы, в которых реальные люди смогут проявить «человеческие качества», реализовать глобальные управленческие функции. Это сделал Э. Тоффлер в работе «Шок будущего» (1970 г.). Если обобщить его позицию, то можно увидеть следующие меры.

1. Создание «центров воображения», где обычные люди могли бы свободно моделировать будущее, предлагать собственные варианты решения глобальных проблем. [12, с. 506].

2. В политической (властной) сфере традиционную демократию должна сменить «предварительная (т.е. предвещающая будущее) демократия». Суть последней такова: «Давайте созовём в каждой стране, каждом городе, каждой местности демократические правомочные ассамблеи, поручив им... определить и назначить приоритеты специфических социальных целей на остаток века» [12, с. 521], т.е. до 2000 г. В результате появится новая форма государственного управления, которая априори окажется совершеннее предыдущих.

Короче говоря, Тоффлер предлагает заняться поисками решения глобальных проблем всем людям, а не отдельным учёным, экспертам международных организаций или имеющим власть политикам, государственным органам.

С одной стороны, «демократизация» поиска вариантов решения глобальных проблем заманчива. С другой стороны, вопросов к такой позиции много. Во-первых, расширение количества лиц не приведёт автоматически к эффективности данного процесса, т.к. у них отсутствуют специфические знания.

Во-вторых, у людей, собирающихся регулярно в «центрах воображения», нет реальной политической власти, чтобы претворить свои фантазии в реальность.

В-третьих, Тоффлер под именем «предварительной демократии» воссоздаёт её исходную, существовавшую в античных полисах Др. Греции, форму, когда каждый гражданин государства мог непосредственно участвовать в принятии политических решений в Народном собрании.

Современная же демократия выступает как представительская, при которой лишь некоторые избираемые в ходе голосования люди (депутаты парламента, Президент и т.д.) могут вырабатывать и принимать обязательные для страны решения. Такая ситуация закономерна, ибо современный социум насчитывает гораздо больше людей, чем античные полисы, а потому требует иной, «опосредованной» системы управления. Поэтому «предварительная демократия», как способ решения глобальных проблем, носит утопический характер.

В итоге волюнтаристическое течение пытается для решения глобальных проблем заставить «простого» человека взять на себя управленческие функции в социальном развитии (Печчи), но как это сделать на практике – не знает (что видно из модели «предварительной демократии» Тоффлера). Однако и «волюнтаристы» и «экологи», по сути, идеалистичны. Их логика проста. Достаточно поменять ментальные (мировоззренческие) установки человечества, и оно тут же возьмёт на себя управленческие функции. Такая позиция наивна уже на уровне исходных посылок.

Нормативистский подход и его сторонники правы в следующем: 1) нынешнее человечество живёт в глобальном мире, где прежние эгоистические нормы, правила поведения по отношению государств друг к другу и человека к природе, перестают работать; 2) без изменения мышления людей, осознания важности для них данных вопросов, глобальных проблем не решить; 3) требуется коэволюция общества и природы, иначе неограниченное человеческое потребление способно уничтожить природную среду. Нормативизм для своей эффективности должен быть дополнен, синтезирован с институционализмом. Только опираясь на полномочные международные институты, можно приступить к решению глобальных проблем. Однако их нынешние варианты (подобные МВФ, МБРР, Международному трибуналу в Гааге и т.д.) отвечают и обслуживают эгоистические интересы западных стран. Выражаясь философским языком, «дух» («человеческие качества», т.е. осознание необходимости глобального управления в интересах всех жителей Земли) оторван «от материи» (социальных институтов), даже противоположен ей. Преодоление этого состояния сделает решение глобальных проблем по-настоящему продуктивным, эффективным процессом, нейтрализует противостояние глобалистского и антиглобалистского менталитета на мировом уровне [8].

1. Вебер, А. Быть или не быть... Глобальное управление как мировая проблема [Текст] / А. Вебер // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4. С. 16–29.

2. Гусев, М.В. От антропоцентризма к биоцентризму [Текст] / М.В. Гусев // Вестник МГУ. Серия «Философия». 1992. № 5. С. 71–76.

3. Загладин В.В. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты [Текст] / В.В. Загладин, И.Т. Фролов. М.: Международные отношения, 2002. 238 с.

4. Ильин, В.В. Мир GLOBO. Вариант России [Текст] / В.В. Ильин. Калуга: Полиграф Информ, 2007. 252 с.

5. Ладюри, Э.Л. Застывшая история [Текст] / Э.Л. Ладюри // THESIS. 1993. № 2. С. 153–172.

6. Мушакодзи, К. Политическая и культурная подоплека конфликтов и глобальное управление [Текст] / К. Мушакодзи // Политические исследования. 1991. № 3. С. 3–27.

7. Моисеев, Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизации [Текст] / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 84–95.

8. Нехамкин, В.А. Глобалистский и антиглобалистский менталитет [Текст] / В.А. Нехамкин // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 147–165.

9. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология [Текст]. М.: Academia, 1999. 640 с.

10. Печчи, А. Человеческие качества [Текст] / А. Печчи. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

11. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции [Текст] / Дж. Стиглиц. М.: Мысль, 2003. 302 с.

12. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2002. 557 с.

13. Философский словарь [Текст] / М.: Политиздат, 1986. 590 с.

References

1. Weber A. Mirovaya yekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 1993, no. 4, pp. 16–29 (in Russian).

2. Gusev M.V. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992, no. 5, Series Philosophy, pp. 71–76 (in Russian).

3. Zagladin V.V., Frolov I.T. Globalnye problemy sovremenosti: nauchni i socialni aspekti [Global problems: the scientific and social aspects]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002, 238 p. (in Russian).

4. Il'in V.V. Mir Globo: variant Rossii [World GLOBO: Variant Russia]. Kaluga, Poligraf Inform, 2007, 252 p. (in Russian).

5. Ladyuri E.L. THESIS, 1993, no. 2, pp. 153–172 (in Russian).

6. Mushakodzi K. Politicheskie issledovaniya (POLIS), 1991, no. 3, pp. 3–27 (in Russian).

7. Moiseev N.N. Obshestvennye nauki i sovremennost', 1992, no. 5, pp. 84–95 (in Russian).

8. Nekhamkin V.A. Istoricheskaya psihologiya i sociologia istoriya, 2013, no. 1, pp. 147–165 (in Russian).

9. Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologia. [New post-industrial wave in the West. Anthology]. Moscow, Academia, 1999, 640 p. (in Russian).

10. Peccei A. Chelovecheskie kachestva. [Human Quality]. Moscow, Progress, 1985, 312 p. (in Russian).

11. Stiglitz J. E. Globalizaciya: trevozhnie tendensii [Globalization and its Discontents]. Moscow, Misl', 2003, 302 p. (in Russian).

12. Toffler E. Shok budushhego [Future Shock]. Moscow, AST, 2002, 557 p. (in Russian).

13. Filosofskiy Slovar [Philosophical Dictionary]. Moscow, Politizdat, 2002, 590 p. (in Russian).

UDC 008.2+327.7

BASIC APPROACHES TO THE SOLUTION OF GLOBAL PROBLEMS: POSSIBILITIES AND LIMITS

Nekhamkin Valeriy Arkadyevich,

Bauman Moscow

State Technical University,

Professor of the Chair of Philosophy,

Doctor of Philosophy, Professor,

Moscow, Russia.

E-mail: nechamkin@rambler.ru

Annotation

Various approaches to solving global problems are considered in the article. The author demonstrates their scientific and practical potential.

Key concepts:

global problems,
the Club of Rome,
power,
approaches to the solution of global
problems.

УДК 316.44

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СИНТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Ермаков Михаил Александрович,

Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет,
ассистент кафедры социологии
и политологии,
г. Пермь, Россия.

E-mail: sociovampire@mail.ru

Аннотация

Исследуется процесс становления новой социальной структуры, характерной для информационного общества. Произведён анализ ключевых тенденций трансформационного процесса. Как основная идея статьи – обострение противоречий между информационной властью «новых профессионалов» и «информационной бедностью» отдельных регионов и страт информационного общества.

Ключевые понятия:

информационное общество,
социальная структура,
сфера обслуживания,
информационное неравенство,
статус.

На сегодняшний день социологическая теория насыщена разноплановыми попытками предоставить наиболее доказательный конструкт, описывающий закономерность трансформационных изменений социальной реальности. В качестве обобщающего для разных точек зрения может быть сформулирован тезис, что современная «миро-система» (в терминах И. Валлерстайна) утратила актуальность и нуждается в определении возможных альтернатив. Ссылаясь на позицию И. Валлерстайна, мы отмечаем, что незначительные воздействия в точках бифуркации приводят к масштабным изменениям, в то время как последствия бифуркации непредсказуемы [1, с. 5]. Тем самым подчёркивается, что для современного общества, переживающего ряд бифуркационных метаморфоз, исследование текущих закономерностей развития столь важно, сколь велики могут быть последующие изменения, ими спровоцированные. Анализ данных закономерностей позволит смоделировать образ постиндустриального общества, так как данные воздействия приобретают системную характеристику, становясь фундаментом новой конструкции, стремящейся к восстановлению состояния равновесия.

Трансформационный процесс как системное преобразование должен быть, в первую очередь, рассмотрен с точки зрения анализа изменений в социальной структуре общества. Именно социальная структура является своеобразным индикатором, аккумулирующим в себе результаты процессов, трансформирующих систему. Ввиду этого оценки тенденций изменения социальной структуры могут быть использованы для описания перспектив развития современного общества, уже не индустриального, но и ещё не постиндустриального – информационного.

В среде футурологов сложились две противоположные друг другу точки зрения касательно вопроса обобщённого описания социальной структуры информационного общества.

В первой из них, согласно позиции Й. Масуды, информационное общество приобретёт характеристику бесклассового, то есть социальная структура «нового» общества будет преимущественно гомогенной [5, с. 151]. Данный тезис Масуда мотивирует тем, что общество будет основано на согласованных и общезначимых интересах и целях, достигаемых посредством совместной деятельности. Индивидуализм как таковой будет нехарактерной моделью поведения

личности. Следовательно, подобное обобществление социальной организации способствует гармонизации и гомогенизации социальной структуры. Оптимизм в целом является сильной стороной данной гипотезы, но в ней можно выделить элементы утопии.

Также утопичными, на наш взгляд, являются предположения, что информация, как основополагающий элемент информационного общества, является наиболее демократичным ресурсом, позволяющим каждому жителю «общества всеобщего благоденствия» приобщиться к общественному богатству. В действительности новые средства производства, в первую очередь сопряжённые с информационными ресурсами, обладают значительно большей дифференцирующей силой, чем это было в индустриальном обществе. Вне зависимости от того, какую теорию структурирования общества брать за основу, классовую или стратификационную, – информационное общество будет отличаться не только меньшим числом каналов для вертикальной мобильности, но и более чёткой (ярко выраженной) социальной структурой, чем общество индустриальное.

В альтернативном понимании социальной структуры М. Кастельсом для обозначения новой формы устройства используется термин «информациональный капитализм» [2, с. 40]. «Информациональная глобальная экономика является капиталистической, фактически более капиталистической, чем любая другая экономика в истории» [2, с. 497]. Собственность на средства производства в условиях информационного общества не становится общественным достоянием, собственники-буржуа сохраняют своё доминирующее положение в системе производства будущего как класс-антагонист в отношении к новому, обладающему сильной внутренней сегментацией, классу наёмных рабочих.

Чтобы синтетическая гипотеза не страдала от излишней абстрактности, исследуем наиболее общие характеристики современного этапа развития общества. Экономика постиндустриального общества, согласно Д. Беллу, приобретает характер не столько производящий, сколько обслуживающий, т.е. основной упор от производства вещей сместится в сторону производства услуг.

Достоверность данного тезиса не вызывает сомнения, но для более чёткого разграничения 2-х стадий развития общества очень важно, на наш взгляд, раскрыть смысл «обслуживающей экономики» более

конкретно. Сфера услуг, доминирование которой в экономике, по Беллу, становится отличительной особенностью информационного общества, является многосоставным элементом. К ней относятся направления юридических и финансовых услуг, услуги информационные и транспортные, бытовые услуги и общепит. При этом реальное значение, позволяющее делать выводы о сколько-нибудь весомых системных сдвигах, могут иметь изменения в сферах, включающих в себя информационную составляющую, базирующихся на креативном, творческом типе действий участников производственного процесса.

Этот вывод подводит нас к мысли, что для более точного теоретического анализа необходимо проводить различия в терминологии, выделяя следующие моменты:

– так называемую «традиционную» сферу обслуживания, к которой мы, прежде всего, относим продавцов, бухгалтеров, сотрудников кадровых служб, секретарей и некоторые другие профессии. Специфика работы этих профессий связана с выполнением шаблонной деятельности, включает набор операций, во многом являющийся рутинным для функционирования организации;

– «инновационную» сферу обслуживания, где деятельность специалистов касается области приоритетных направлений современной экономики и основывается преимущественно на творческой составляющей, ориентирована на создание инноваций. Причём в данном случае речь идёт не только о новых специальностях, непосредственно сопряжённых с информационной сферой, информационным типом труда, но и о ряде профессий, ранее считавшихся вполне традиционными: преподаватели, учителя и медики высших квалификаций. Следует выделить здесь также ряд направлений деятельности, характерных для индустрии текущего состояния развития: трейдеры, экономисты, редакторы, журналисты и многие-многие другие. Объединяющим для них всех является то, что деятельность данных специалистов не систематизирована какими-либо априорными образцами (шаблонами), во многом ситуативна, она подчинена креативности и на выходе предполагает создание какого-либо нового продукта. В данную категорию попадают и такие направления деятельности, ставшие неотъемлемым атрибутом системы производства уже к моменту периода развитого индустриализма, как маркетинг и менеджмент в наиболее общем понимании.

Большой теоретической проблемой исследования вопроса производства услуг является зачастую невозможность проведения чёткого водораздела между различными направлениями сферы услуг, так называемыми «приоритетными» и «не приоритетными». Дифференциация между ними имеет более глубинную характеристику, она затрагивает внутреннюю неоднородность каждого направления деятельности. Данная неоднородность основана на различных требованиях к работникам: к ролям, которые приписаны должности работника, его уровню квалификации, подготовке, уровню образования и так далее. Так, например, направление финансовых услуг вмещает в себя одновременно такие профессии, как бухгалтер и кассир, которые относятся к «традиционной» сфере обслуживания. Однако брокер и аудитор, в труде которых значительное место занимает элемент творчества, труд которых обладает повышенной экономической значимостью и требует высокой степени подготовки, то есть относимые нами к «инновационной» сфере обслуживания, – это та же финансовая сфера.

Аналогичным образом следует различать работников, попадающих по нормам индустриальной терминологии под условное обозначение «белые воротнички» (т.н. «офисный планктон»), разделяемых по принадлежности к «традиционной» и «инновационной» сферам обслуживания.

Необходимо подчеркнуть, что особенность положения наёмного работника в социальной структуре проявляется в следующих характеристиках: социальная и экономическая значимость труда работника и его «незаменимость», своего рода, то есть затратность и сложность замены работника в случае возникновения таковой потребности. Данные характеристики являются квинтэссенцией, олицетворяющей новую позицию наёмных работников в информационном обществе. Подбор наёмных работников является затратным с точки зрения как материальных средств, так и времени: образование и подготовка работника (к условиям и особенностям работы внутри конкретного предприятия), восстановление его уникального опыта, полученного в результате труда, в том числе и основанного на творчестве. Так, если учесть не только прибыль, но и сверхприбыли, приносимые наиболее успешными работниками, то вопрос о целесообразности его замены (а иногда и о возможности замены вообще) становится чрезвычайно проблематичным. Всё

вышесказанное, в свою очередь, способствует повышению статуса работника. Подобная закономерность вызвана возникновением определённой степени зависимости собственника от труда наёмного работника, что для работодателя трансформируется в осознание того факта, что наиболее эффективным для него является улучшение условий работы и уровня вознаграждения работника, взамен перспективы его потери.

Следующий тезис, демонстрирующий изменчивость социальной реальности современности, является следствием индустриализации и бурного научно-технического прогресса XX и XXI веков. Возможность практически безграничного роста производственных мощностей, сопряжённых со снижением себестоимости производства, в том числе и за счёт автоматизации производства, способствуют выделению двух основных сегментов в меняющейся структуре рынка:

– с одной стороны, это появление спроса на группы высококвалифицированных специалистов и инженеров, работающих со сложными и высокотехнологичными устройствами, а также работников, способных использовать информационные средства труда. Труд данных специалистов основан на креативной составляющей, сопряжён с трудоёмким процессом подготовки и обладает повышенной социальной и/или экономической значимостью. В качестве примера отмеченных групп можно обозначить категорию «белых воротничков», относимых к «инновационной» сфере обслуживания, например, лётчиков гражданской авиации или работников сферы промышленности, чья деятельность сопряжена с инновационными компьютерными технологиями и системами коммуникации (к примеру, операторов автоматизированных производственных комплексов). Сюда же входит ряд других профессий, унаследованных от индустриального этапа. Это занятые в различных направлениях инженерной деятельности конструкторы, химики, биологи и пр., значимой составляющей труда которых является не воспроизводящая, а инновационная деятельность. Данную категорию мы будем называть «новые профессионалы»;

– с другой стороны – происходит формирование целого кластера специальностей, не требующих многосложной подготовки и высшего образования. Сюда мы можем отнести весь пласт специалистов «традиционной» сферы обслуживания; целый ряд рабочих профессий (слесари, электрики, механики,

металлурги, горняки и тому подобное); а также труд разнорабочих и низкоквалифицированные профессии (грузчики, официанты, дворники и так далее). Представленная категория работников будет нами обозначаться как «информационные бедняки».

Наконец, вполне резонно должен быть поставлен вопрос о судьбе класса собственников в обществе информационного этапа (то есть обладающих собственностью на средства производства и использующих её для извлечения прибыли). Нами уже была выше озвучена позиция, предполагающая, что в посттрансформационном периоде класс буржуазии не только не теряет своих позиций, а лишь упрочит их, ещё более оторвавшись в социальной иерархии от наёмных работников, точнее от их мало-квалифицированной, но многочисленной части («информационные бедняки»). При этом необходимо признать, что внутренне данный класс также должен быть дифференцирован. Мы предполагаем, что отличным положением в социальной структуре будут обладать собственники новой формации, имеющие в распоряжении средства производства, так или иначе сопряжённые с созданием или переработкой информации, например, компании «инновационной» сферы услуг, IT-компании.

Принимая во внимание отмеченные нами ключевые изменения в модели переходного состояния общества, претерпевающего бифуркационные изменения, мы предприняли попытку свести воедино критерии описания социальной структуры общества в стратификационной и классовой моделях (см. табл. 1). Подобный синтез, как нам кажется, может считаться наиболее адаптивным для визуализации модели общества, которое утрачивает черты индустриального, стремясь завершить трансформацию в информационной стадии.

Вдобавок к описанной в наиболее общем виде синтетической модели социальной структуры информационного общества, прототип которой мы можем фиксировать при анализе текущих тенденций изменений структуры, необходимо выделить несколько системообразующих нюансов.

Учитывая специфику института высшего образования и появление (в условиях информационного общества) у института высшего образования специфического лимитирующего свойства, выступающего агентом структурирования общества (сравнимого с собственностью на средства производства), можно спрогнозировать формирование многочисленного слоя на-

селения (или даже целых отдельных государств, что возможно в обстановке процессов глобализации), чей доступ к получению высшего образования ограничен и, стало быть, отсутствуют явные возможности для осуществления вертикальной мобильности. В таком контексте стратификационное индустриальное общество предоставляет большие возможности мобильности, осуществление которой зависит не только и не столько от образования в сравнении с обществом постиндустриальным. Данный массовый слой, представленный индивидами, не имеющими реального доступа к образованию, способует формированию значительной конкуренции, в том числе и за низкостатусный труд, и, как следствие, отсутствие рыночных механизмов, способных стимулировать наёмных работников такого типа в большем объёме, чем минимально необходимый. Данное явление нами предлагается называть информационным неравенством.

Положение подобного типа работника может быть встроено в систему марксистского понимания категории «рабочая сила». «Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а, следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли» [3, с. 181]. Иными словами, естественная цена наёмных работников, относимых к категории «информационные бедняки», определяется минимальным набором предметов необходимости и других благ, которые, в соответствии с особенностями каждой отдельной страны и населённого пункта (стоимость потребительской корзины, состав и стоимость которой, в свою очередь, определяется географическим положением территориальной единицы, экологической обстановкой, уровнем развития инфраструктуры, спецификой культуры с включёнными в неё особенностями моделей поведения, традиций), необходимы для поддержания жизнедеятельности работника.

Положением, вытекающим из особенностей вышесказанного, является характеристика информационного неравенства и провоцируемой им информационной бедности как преимущественно наследственной (социально наследуемой). Слой работников низкостатусного труда не способен обеспечить должный уровень образования ни себе, ни следующему поколению, что затруждает возможности вертикальной мобильности и для потомков слоя «новых бедняков». Таким образом,

Социальная структура информационного общества

Страта	Класс	Обозначение	Сфера деятельности	Специфика труда	Профессии
Высший слой	Собственники	Информационные собственники	Собственность на информационные средства производства		
		Индустриальные собственники	Собственность на индустриальные средства производства		
Средний слой	Наёмные работники	«Новые профессионалы»	Топ-менеджеры предприятий и организаций различных направлений деятельности / Политические деятели высшего уровня государственного управления		
			«Инновационная сфера» обслуживания	Использование «информационных» средств производства	Трейдера; Экономисты; Редакторы, Журналисты, Маркетологи; Менеджеры (в том числе и госслужащие); Работники PR и так далее
			Сфера искусства и культуры	Высокая квалификация, труд обладает повышенной социальной и/или экономической значимостью	Преподаватели; Учителя; Врачи; Юристы; Лётчики гражданской авиации, Военные, Полиция и так далее
			«Инновационная сфера» промышленности	Использование компьютерных технологий и средств коммуникации	Операторы автоматизированных производственных комплексов; Инженеры; Химики; Биологи и так далее
Социальное дно / Низший слой		Информационные бедняки	«Традиционная сфера» обслуживания	Выполнение шаблонной деятельности	Продавцы; Бухгалтеры; Сотрудники кадровых служб; Секретари и так далее
			«Традиционная сфера» промышленности	Выполнение рутинных операций, труд, не требующий значительной подготовки	Слесари; Электрики; Механики; Металлурги; Шахтёры; Разнорабочие и так далее
			Сфера неквалифицированного труда		Грузчики; Официанты; Дворники; Уборщики и так далее

явление передачи статуса по наследству характерно для информационного общества в значительно большей степени, чем для индустриального. Конечно, это утверждение в первую очередь касается категории населения «информационные бедняки». Однако и наёмные работники нового типа, обладая значительно более высоким социальным положением в обществе, имеют возможность передавать по наследству свой статус, обеспечивая доступ для собственных детей к образованию, – основному дифференцирующему критерию.

Чтобы модель социальной структуры информационного общества была полной, её необходимо дополнить характерными особенностями *интеллектуального труда* «новых профессионалов» (прежде всего относящихся к сфере обслуживания).

Во-первых, положение подобного работника предполагает априорную немассовость, что обусловлено крайне высокими затратами на подготовку работника, способного обрабатывать информационные средства производства, извлекая из них прибавочную стоимость, а также соображениями целесообразности, которые связаны с характерной особенностью данного вида капитала. Повышение норм выработки прибавочной стоимости напрямую не зависит от увеличения количества работников; и в целом, извлечение прибыли не обязательно (но возможно!) коррелирует с размерами организации (предприятия).

В связи с этим можно спрогнозировать плановое увеличение роли института образования при формировании социальной структуры общества. Речь идет непременно об элитарном образовании, в полной мере реализующем дифференцирующую функцию в отношении к жителям информационного общества. Таким образом, сегментация общества будет производиться в значительной степени на основе неравного доступа к образованию: через обладание особой теоретической информацией и умение ею овладеть с созданием многосторонних навыков не только использования, но и управления ею. Речь идёт о так называемых ЗУВ-ах, «знания-умения-владение», выступающих критериями успешности образования в ходе современной реформы образования в России.

Во-вторых, специфика подобного типа работы заключается в повышении ценности работника на основе характеристики труда, предполагающей высокий уровень подготовки и творческий характер деятельности

(личный вклад), что выливается в ограничение возможности безболезненной замены. Повышение ценности наёмного работника отражается на принципиально ином подходе к процессу возмещения его затрат на труд. Всё это напрямую влияет на следующую, третью особенность – изменение характера отчуждения труда.

Отчуждение труда – неотъемлемое свойство капиталистической формации, характерное для работника наёмного типа. Отчуждение не исчезает как таковое и с наступлением формации информационной. Это является следствием того, что информационное общество сохраняет черты экономики, характерной для капиталистической системы, так как работник информационного периода является наёмным рабочим, следовательно, его труд также возмещается вознаграждением в виде заработной платы, то есть цены рабочей силы, а продукт труда отчуждается в пользу собственника. При этом ситуация с отчуждением труда в общем всё же оказывается существенно отличной от аналогичной для наёмного работника капиталистической формации. Отчуждение, пусть не полностью, но в некоторой степени нивелируется у работника нового типа. Это характеризуется принципиально иным положением работника в организации, сопряжённым с прямым непосредственным признанием ценности работника, вознаграждением труда – с возможностью участия работника в получении доли прибыли, и спецификой процесса труда, его творческим характером.

Прямое признание наёмного работника, взамен опосредованного отношением к средствам производства как к своим (с позиции собственника) или как к чужим (с позиции наёмного работника), несмотря на трудности вертикальной мобильности, практически сводит «на ноль» диспропорцию прав касательно реальных преимуществ, получаемых в процессе труда. Речь идёт исключительно о категории «новые профессионалы». Если в рамках капиталистической формации право на получение доли общественного богатства, определяемой местом в иерархии собственников, фактически не совпадало с иерархией не-собственников, то сегодня эти две иерархии сливаются в одну с помощью глобальной «бетономешалки»: неформального преобразования своих способностей в могущество, реализуемое с помощью института образования.

Наконец, исходя из сформулированной нами модели социальной структуры

информационного общества, мы можем сделать вывод, что она является потенциально конфликтной, даже более конфликтной, чем модель общества индустриального. Прогнозируемая кризисность информационного общества вызвана возрастающей диспропорцией в социальной структуре. Антагонистами информационного общества становятся уже не просто классы – буржуазия и пролетариат, – а более сложноорганизованные социальные общности, по-разному адаптированные к использованию обновлённых «информационных» средств производства. «Выход из глобального кризиса (вызванного протекающим процессом трансформации. – Примеч. авт.) возможен через систему образования: страна, предложившая новую модель образования ... быстрее всего выйдет из кризиса и создаст новую модель общественного устройства (тем самым став обладателем привилегированного положения относительно других стран. – Примеч. авт.). Это проблема не двух-трёх лет, а нескольких десятилетий» [4, с. 7–8].

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века [Текст] / И. Валлерстайн / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.

2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

3. Маркс, К. Капитал. Т. 1 [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 907 с.

4. Стегний, В.Н. Прогностический подход к образованию [Текст] / В.Н. Стегний // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 10. С. 5–10.

5. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society [Text] / Y. Masuda. Wash.: World Future Soc., 1983. 171 p.

References

1. Vallerstajin I. *Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka* [The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first century]. Moscow, Logos, 2004, 368 p. (in Russian).

2. Kastel's M. *Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, GU VShJe, 2000, 608 p. (in Russian).

3. Marks, K. *Kapital*. T. 1 [Capital. Volume I]. Moscow, Politizdat, 1960, V. 23, 907 p. (in Russian).

4. Stegnij V.N. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie nauki*, 2011, no. 10, pp. 5–10 (in Russian).

5. Masuda, Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Wash.: World Future Soc., 1983, 171 p. (in English).

UDC 316.44

THE SOCIAL STRUCTURE OF INFORMATION SOCIETY: SYNTHETIC MODEL

Ermakov Mikhail Aleksandrovich

Perm National Research Polytechnic University,
Assistant of the Chair of Sociology and Political Science,
Perm, Russia.
E-mail: sociovampire@mail.ru

Annotation

The article explores the process of new social structure establishment in information society. The key trends of transformation process are analyzed. The main idea of the article is aggravation of contradictions between «new professionals» information power and «information poverty» of the single regions and strata of the information society.

Key concepts:

information society,
social structure,
service sector,
information inequality,
status.

УДК 140.8

«КАМЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ»: О МЕТОДОЛОГИИ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В СВЕТЕ НЕГАТИВНОЙ ФУТУРОЛОГИИ

Орехов Андрей Михайлович,

Российский университет
дружбы народов,
доцент кафедры
социальной философии,
доктор философских наук,
г. Москва, Россия.

E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена методологии философского дискурса в рамках «негативной футурологии». Негативная футурология, в противовес позитивной футурологии, отказывается от использования экстраполяции как основного метода познания будущего.

Будущее с точки зрения негативной футурологии невозможно познать инструментами уже существующих знаний. Негативная футурология также рассматривает нашу современную эпоху не как эпоху «пост-», а как эпоху «до-» чего-то; с позиций этого подхода, наша эпоха является первой эпохой – эпохой «Каменного Интернета» – на пути к эпохе «Золотого Интернета».

Ключевые понятия:
«Каменный Интернет»,
негативная футурология.

Все мы живём в настоящем и одновременно хотим знать будущее. Существует целая наука (или, если быть совсем точным, *междисциплинарная научная область исследований*), которая занимается изучением (точнее, научным предвидением и прогнозированием) будущего, и она называется «футурология» (лат. futurum – будущее). Футурология может быть успешной, если её предсказание и прогнозирование будущего совпадают с реальным ходом истории, либо неуспешной, если результаты предсказаний расходятся с наступающими событиями. *Результат – это главный критерий истинности того или иного конкретного футурологического прогноза.*

На наш взгляд, всю футурологию можно разделить на *позитивную* и *негативную*. Первым и самым существенным признаком позитивной футурологии является использование для футурологических прогнозов особого логико-гносеологического приёма (или метода) – *экстраполяции*, или, точнее, особого вида экстраполяции – *прогнозной (прогностической) экстраполяции*, *суть которой заключается в переносе на будущее знаний о настоящем**.

Метод экстраполяции, точно так же как и метод аналогии, – это метод, апеллирующий к *единообразию мира*. Исследователь как бы изначально предполагает, что в какой-то иной, ему недоступной или им неизученной, сфере реальности мир будет устроен примерно по таким же принципам, что и в области, ему известной. В некотором аспекте у познающего субъекта здесь работает модель «опережающего отражения» – он как бы заранее старается предвидеть то, что он ещё не знает: он как бы «верит», что и иная, будущая реальность будет устроена по уже известным ему законам:

«Для мысленного конструирования будущего, по-видимому, в науке нет иных средств, кроме экстраполяции уже известных законов на неизвестные ... Познавательная неопределённость экстраполяции в предвидении будущего неизмеримо больше, чем в случае экстенсивного распространения знаний на объекты настоящей и исторической ретроспекции в силу отсутствия материального объекта [будущего] или хотя бы его следов» [1, с. 85].

Негативная футурология, в противовес позитивной футурологии, отказывается от использования экстраполяции как основного

*Прогнозная (прогностическая) экстраполяция – это экстраполяция, где осуществляется перенос уже известных знаний о настоящем на ещё непознанное будущее, или, более точно, распространение на будущее результатов мониторинга за достаточно большой промежуток времени, включая настоящее.

метода познания будущего. Будущее с точки зрения негативной футурологии невозможно познать инструментами уже существующих знаний. *Будущее принципиально непознаваемо с точки зрения настоящего*, однако эту позицию следует заявить не как агностицизм, а как скептицизм в познании будущего. Негативная футурология сомневается не в том, что будущее познаваемо в *принципе*, а только в том, что будущее познаваемо инструментами настоящего, и именно в этом пункте пролегает рубежное разделение негативной и позитивной футурологии.

Негативная футурология имеет давнюю историю. Например, как мы полагаем, одним из первых представителей «негативной футурологии» был немецкий философ И. Кант. Он постоянно подчёркивал, что *наличный эмпирический человеческий опыт никогда не даёт полного представления о конечной цели истории*, а «всемирно-гражданское состояние», к которому, как предполагал И. Кант, направляется история, в его, кантовское, время существует пока только в зачаточной, фактически ещё неизвестной форме. Для Канта также категорически была неприемлема всякая *логическая экстраполяция* как способ познания будущего, т.е. Кант не пытался *непосредственно* перенести знание о настоящем на знание о будущем, – потому И. Канта вполне можно рассматривать как «негативного футуролога».

В частности, в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» немецкий мыслитель рассуждал о некоем «тайном плане природы», цель которого – реализовать «совершенное государственное состояние», в котором будут полностью реализованы «все задатки человечества».

«Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение *тайного плана природы* [курсив мой – А.О.] – осуществить внутреннее и для этой цели также внешне совершенное государственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество» [3, с. 18–19].

Что это за «тайный план природы», о котором рассуждал И. Кант? Если отбросить всякую мистику или прямую теологию, следует предположить, что немецкий мыслитель имел в виду все *положительные качества*,

заложенные непосредственно в человеке как природном и как социальном существе. *Потенциал человека* как творящего и морально-го субъекта, в принципе, необычайно высоко оценивается И. Кантом. Но в какой степени этот субъект раскрыл все свои позитивные качества в саму кантовскую эпоху, в конце XVIII века? О чём говорит непосредственный, взятый как бы из жизни, наличный опыт эпохи Просвещения, – эпохи Канта?

И. Кант так отвечал на этот вопрос:

«Вопрос только в том, открывает ли опыт что-нибудь о таком исполнении цели природы. Я отвечаю: *немногое*, ибо этот круговорот требует, по-видимому, для своего завершения столько времени, что из-за *малой части, которую человечество прошло в этом направлении* [курсив мой – А.О.], нельзя вполне уверенно составить себе представление обо всём пути» [3, с. 19].

В своём ответе немецкий философ предельно ясен: *человечество прошло слишком малую часть пути, и с позиций этого небольшого отрезка ещё нельзя судить обо всём пути*. Иными словами, наши знания о существующей траектории развития человеческой цивилизации слишком бедны и убоги, и их нельзя экстраполировать на весь путь.

В качестве одного из самобытных представителей *современной негативной футурологии* можно рассматривать, например, американского экономиста Н. Талеба с его бестселлером «Чёрный лебедь: под знаком непредсказуемости» [5].

В своей книге Н. Талеб обсуждает вопрос о так называемом «Чёрном лебеде», под которым он понимает всякое непредсказанное негативное социальное явление, обрушивающееся на наше современное общество (экономический кризис, экологическая катастрофа и т.п.)*. Главные признаки «Чёрного лебедя» – это его неожиданность, непредсказуемость, катастрофичность. Все попытки предсказать «Чёрного лебедя», основанные на экстраполяции уже известных событий, не проходят: в отношении этого феномена гораздо важнее наше незнание, чем наше знание:

«Логика *Чёрного лебедя* делает то, чего вы не знаете, гораздо более важным, чем то, что вы знаете. Если вдуматься, то многие Чёрные лебеди явились в мир и потрясли его именно потому, что их никто не ждал» [5, с. 12].

*Талеб подчеркивает относительно природы «Чёрного лебедя»: «Событию недостаточно быть редким или каким-то из ряда вон выходящим, чтобы обрести статус Чёрного лебедя, - оно должно быть неожиданным, выходящим за рамки нашего представления о наборе вероятностей. В отношении него вы должны быть лохом. Многие редкие события обладают неким набором составляющих, всё же доступных для изучения: не просто рассчитать вероятность сенсационного происшествия, но можно получить общее представление о возможности с таковым столкнуться. То есть мы можем, так сказать, превратить этих Чёрных лебедей в Серых лебедей, смягчить драматизм неприятной неожиданности. Человек, готовый к возможности подобных событий, переходит в категорию «не-лохов»» [5, с. 344].

Далее Н. Талеб обсуждает свою концепцию двух миров – «Среднестана» и «Крайнестана». «Среднестан» – это средний статистический мир среднего индивида, в котором будущее оптимистично, предсказуемо и не содержит в себе никаких «Чёрных лебедей»:

«Если вы живете в Среднестане, проблема Чёрного лебедя либо не существует, либо малозначима» [5, с. 98].

Другое дело – «Крайнестан». Люди, живущие в этом мире, осознают возможность прихода «Чёрного лебедя» в любой момент времени и всегда готовы принять такое событие. С их точки зрения, знание о настоящем даёт очень мало в отношении будущего (или вообще ничего не даёт), а само будущее пессимистично и непредсказуемо. Но таких людей, по мнению Н. Талеба, очень мало; большинство людей живёт именно в «Среднестане».

Чем же вызвано такое невнимание к «Чёрным лебедям»?

Н. Талеб здесь указывает на следующие причины:

«а) мы выхватываем сегменты из общей картины увиденного и путём их обобщения делаем выводы о невидимом: это ошибка подтверждения;

б) мы морочим себя историями, которые утоляют нашу платоническую страсть к чётким схемам: это искажение нарратива;

в) мы ведём себя так, как будто Чёрного лебедя не существует: человеческая природа не запрограммирована на Чёрных лебедей;

г) то, что мы видим, может оказаться не всем, что есть на свете. История прячет от нас Чёрных лебедей и подсовывает нам ошибочное представление об их вероятности, это проблема скрытых свидетельств;

д) мы «туннелируем»; иными словами, мы сосредотачиваемся на нескольких ясно очерченных зонах неопределённости, на слишком узком круге Чёрных лебедей (игнорируя тех, о существовании которых не так легко догадаться)» [5, с. 98–99].

Далее Н. Талеб делает следующий важный вывод:

«Современный мир, являясь Крайнестаном, целиком зависит от редких, – крайне редких, – событий. В нём Чёрный лебедь может появиться после тысяч и тысяч Белых. Потому нам следует воздерживаться от суждений гораздо дольше, чем нам свойственно» [5, с. 115].

Мы бы слегка поправили и дополнили этот вывод: *знание, полученное нами в рамках современной эпохи, не даёт нам возможности предсказать наступление всех возможных событий в будущем; потому нам*

следует воздерживаться от предсказания будущего с позиций настоящего.

Следующее важное отличие негативной футурологии от позитивной заключается в том, как последняя пользуется такими концептами, как «горизонт прогнозирования» и «сценарий прогноза».

Для позитивной футурологии эти концепты вполне конкретны и осязаемы: горизонт прогнозирования указывает на максимально возможную временную прогноза, после которой данный прогноз теряет всякий смысл, а сценарий прогноза – это конкретная траектория будущего исторического развития, разработанная в рамках определённой социальной теории или концепции. Как правило, всякий прогноз в рамках позитивной футурологии предполагает наличие, во-первых, горизонта прогноза (например, 30, 40, 50 лет и т.п.) и нескольких (двух, трёх и более) сценариев развития (сценариев прогноза).

Негативная футурология подходит совсем иначе к данным концептам. Горизонт прогнозирования для неё – это число, так сказать, отрицательное, а отнюдь не положительное, как в случае позитивной футурологии.

Горизонт прогнозирования для негативной футурологии – это временной горизонт, начиная с которого всякий прогноз начинает не терять свой смысл, а лишь приобретать его и увеличивать вероятность наступления какого-либо события.

Приведём пример. Я прогнозирую наступление «Чёрного лебедя» – мирового экономического кризиса в 2024 году, т.е. горизонт прогнозирования – 10 лет. Согласно позитивной футурологии, если мировой экономический кризис в 2024 году не наступил, то прогноз потерял всякий смысл. Но мнение негативного футуролога должно быть принципиально иным: если кризис не наступил, то вероятность его наступления в следующем, 2025 году, только увеличивается. Горизонт прогнозирования в данном случае должен выражаться в вероятности наступления какого-либо события; увеличение этой вероятности демонстрирует «насыщенность», «облачность» горизонта прогнозирования.

Примерно такой же подход предполагается и в отношении «сценария прогноза»: он конструируется по типу «то, чего не может быть, но что, тем не менее, может произойти в любой момент». *Сценарий прогноза для негативной футурологии – это программирование в будущем исключительно редких (или даже совершенно невероятных событий (или даже их цепочки), – в первую очередь, не имевших место в прошлом или вообще доселе нам неизвестных.*

Естественно, программировать такие события или их цепочку – дело крайне непростое: ведь здесь мы не можем опереться на уже известное нам знание или историческое событие: *мы должны предполагать наступление чего-то ранее нами невиданного или неизвестного*. Возможно, в этом случае, и сам научный прогноз должен приобретать, к примеру, «художественную», «литературную» оболочку и даже должен извлекать некоторые идеи из научной фантастики.

Подведём итоги сравнительного анализа позитивной и негативной футурологии в таблице 1.

Теперь попытаемся сформулировать позицию негативной футурологии в отношении современной и предполагаемой периодизации всемирной истории, которая представлена различными типами классификаций: по общественно-эко-

Концепция «постиндустриального общества» – ныне, пожалуй, самая популярная концепция среди всех социальных учёных. Постиндустриальное общество можно определить как общество будущего, в котором знания и информация будут играть роль основного экономического ресурса. Рыночная система в постиндустриальном обществе включает в себя своим компонентом и науку. Как отмечал японский исследователь Й. Масуда, пределы знания и пределы рынка совмещаются между собой, *«граница познанного становится потенциальным рынком»*, а знание и информация становятся основным товаром, предназначенным для обмена в рыночной системе.

Что же категорически не устраивает негативную футурологию в этой, столь популярной среди учёных и философов, концепции? Не устраивает, в первую очередь, то, что наше современное общество фигу-

Таблица 1

Сравнительный анализ позитивной и негативной футурологии

Критерий сравнения \ тип футурологии	Позитивная футурология	Негативная футурология
Отношение к экстраполяции	Позитивное: экстраполяция может быть инструментом познания будущего	Негативное: экстраполяцию нельзя использовать как инструмент познания будущего
Горизонт прогнозирования	Осязаем, конкретен и положителен, выражается в определенном числе лет	Выражается в вероятности наступления какого-либо события; увеличение этой вероятности демонстрирует «насыщенность», «облачность» горизонта прогнозирования.
Сценарий прогноза	Конкретная траектория будущего исторического развития, разработанная в рамках определенной социальной теории или концепции	Программирование в будущем исключительного редких и даже совершенно невероятных событий, – в первую очередь, не имевших место в прошлом или вообще доселе нам неизвестных

номическим формациям, историческим эпохам и т.п.

Наиболее известная из этих классификаций – это выделение в развитии общества трёх основных «стадий общества»: доиндустриальной (традиционной), индустриальной и постиндустриальной (информационной). Чаще всего этот подход характеризуют как концепцию «постиндустриального (информационного) общества».

рирует здесь с приставкой «пост-»: мы есть «после-чего-то», мы есть «высшая стадия чего-то», мы есть «пик» и «вершина» чего-то (в данном случае – «индустриализма»).

Именно такая точка зрения, на наш взгляд, и способствует тому узкому и поверхностному мировоззрению, которое Н. Талеб обозначал как «Среднестан», когда *будущее оптимистично, предсказуемо и не содержит в себе никаких «Чёрных лебедей»*. Потому первый шаг от «Среднестана» в направле-

*Согласно нашему подходу, их следовало бы наиболее точно назвать «экономическими эпохами», поскольку они исходят в основном из экономических характеристик: см. подробно: [4, с. 200–239].

нии «Крайнестана» – это построение новой историко-футурологической периодизации, в которой наша современная («постиндустриальная», так сказать!) эпоха будет рассматриваться как *первая ступень* движения в направлении отдалённого будущего, пусть даже обрисовываемого весьма туманно и аморфно. Подобная историко-футурологическая периодизация – хотя вряд ли поможет нам эффективно предсказывать наступление того или иного «Чёрного лебедя» – но позволит хотя бы изменить методологию нашего футурологического дискурса и сделать непознаваемые элементы нашего будущего более доступными к *критическому* или, лучше сказать, к *скептическому* обсуждению.

В качестве главного критерия такой классификации мы предлагаем взять всемирную Глобальную паутину – Интернет, – и обозначить нашу эпоху как эпоху «Каменного Интернета», а три последующие эпохи – как

эпохи «Медного Интернета», «Серебряного Интернета» и «Золотого Интернета».

Названия эти чисто условные, и их нельзя прямо связывать с изменениями Интернета: в данном случае это названия исторических эпох, и сам Интернет выступает лишь в качестве методологической единицы классификации по историческим эпохам,

Тогда, если классифицировать все четыре будущие эпохи по «Интернету», то общая картина принципиально новой историко-футурологической периодизации в общих и пунктирных набросках может выглядеть примерно следующим образом (табл. 2).

Увы, как мы ни пытались взять в расчёт будущих «Чёрных лебедей», наша картина будущей социальной реальности также получилась чересчур розовой и оптимистичной. Но в данном случае это не так важно, важно иное: мы объявили нашу современную эпоху эпохой «до-» и «пред-» чего-то,

Таблица 2

Классификация исторических эпох по «Интернету»

Тип эпохи \ Параметр	Государство	Социальная структура	Деньги, финансы	Люди, семья	Культура
«Каменный Интернет» (первая половина XXI века)	Разделение на «Первый» и «Третий мир», локальные вооруженные конфликты	Разделение на богатых и бедных, классы, классовая борьба	Наличные деньги, кредитные карточки	Моногамная семья	Массовая культура
«Медный Интернет» (вторая половина XXI века?)	Сближение «Первого» и «Третьего» мира, ликвидация войн	Сближение классов и стратов, постепенное выравнивание доходов	Прекращение хождения наличных денег, перевод их в электронные «деньги»*	Стагнация моногамной семьи, развитие новых форм семьи (гей-семьи, виртуальные семьи и т.п.)	Массовая культура – переход к виртуальным мирам
«Серебряный Интернет» (?)	«Электронное государство», ликвидация межгосударственных границ	Господство среднего класса	Деньги как симулякр, как фикция	Распад традиционной семьи	Массовая культура – реальная и виртуальная
«Золотой Интернет» (?)	«Всемирное электронное государство»	«Коммунизм», неограниченный доступ каждого индивида к материальному богатству в разумных пределах, главный вид богатства – интеллектуальное богатство	Полное исчезновение денег	Полное исчезновение традиционной семьи	Сингулярная культура в реальных и виртуальных мирах, индивидуальное творение социального мира

* По мнению некоторых экономистов в США к 2100 г. «хождение наличных денег будет прекращено окончательно» [2, с. 297]

и «золотой век», который многие мыслители и учёные связывают с «постиндустриальным обществом», или «обществом постмодерна», оказался отодвинут далеко вперёд – в эпоху «Золотого Интернета». В конечном счёте, сами названия последующих эпох – это лишь кальки, обёртки, не обязательно напрямую связанные с тем или иным металлом...

Подведём итоги. Используя инструменты и методы негативной футурологии, мы попытались доказать, что нашу современную эпоху следует рассматривать лишь как первую ступеньку движения к некоему гипотетическому будущему – эпохе «Золотого Интернета», и её скорее следует именовать не каким-то мистическим «постиндустриальным», или «информационным», обществом, а эпохой Каменного Интернета (the Stone Internet) со всеми вытекающими отсюда логическими последствиями.

Человечество на современном этапе – это лишь неандертальцы (или, если угодно, кроманьонцы), выделяющее примитивные каменные орудия (типа Microsoft Office или Apple) и с ними последовательно и постепенно толкающие себя и своё общество в новый, «медный век», эпоху «Медного Интернета» (хотя найдена ли ещё та «медь» вообще?). Но когда эта эпоха наступит и когда она сменит нашу эпоху «Каменного Интернета», пока сказать ничего нельзя.

1. Андрусенко, В.А. Методология научного познания [Текст] / В.А. Андрусенко, Д.В. Пивоваров. Оренбург, 1995. 95 с.

2. Бекуит, Б. Восемь прогнозов для банковской системы США [Текст] / Б. Бекуит // Впереди XXI век. М., 2000. С. 282-303.

3. Кант, И. Сочинения в шести томах [Текст] / И. Кант. Москва, 1966. Т. 6. 743 с.

4. Орехов, А.М. Социальная философия: предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века [Текст] / А.М. Орехов. М., 2011. 268 с.

5. Талеб, Н. Чёрный лебедь: под знаком непредсказуемости [Текст] / Н. Талеб. М., 2009. 525 с.

References

1. Andrusenko V.A., Pivovarov D.V. *Metodologija nauchnogo poznanija* [Methodology of scientific study]. Orenburg, 1995, 95 p. (in Russian).

2. Bekuit B. *Vosem' prognozov dlja bankovskoj sistemy SShA* [Eight predictions for US bank system]. *Vperedi XXI vek* (XXI century ahead). Moscow, 2000, pp. 282–303 (in Russian).

3. Kant I. *Sochinenija v shesti tomah* [Opuses in six volumes. Volume 6]. Moscow, 1966, 743 p. (in Russian).

4. Orekhov A.M. *Social'naja filosofija: predmet, strukturnye profili i vyzovy na rubezhe XXI veka* [Social philosophy: subject, structure profiles and challenges at XXI century]. Moscow, 2011, 268 p. (in Russian).

5. Taleb N. *Chernyj Lebed': pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow, 2009, 525 p. (in Russian).

UDC 140.8

«THE STONE INTERNET»: ABOUT THE METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE IN THE LIGHT OF NEGATIVE FUTUROLOGY

Orekhov Andrey Mikhaylovich,

People's Friendship University of Russia,
Associate Professor

of the Chair of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy,

Moscow, Russia.

E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the methodology of philosophical discourse in the context of «negative futurology». Negative futurology, to counterbalance positive futurology, refuses use of extrapolation as a main method of study of the future.

The future, from the point of view of negative futurology, can not be studied by instruments of existing knowledge.

Negative futurology considers our contemporary epoch not as the epoch of «post-» but as «pre-» something. From this point of view our epoch

is the first epoch, – the epoch of «the Stone Internet», – on the way towards the epoch of «the Gold Internet».

Key concepts:

«the Stone Internet»,
negative futurology.

УДК 316.7: 378.126

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Грунт Елена Викторовна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
профессор кафедры
прикладной социологии,
доктор философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Елисеева Екатерина Сергеевна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
магистр социологии,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: Ekaterina-elisee@bk.ru

Аннотация

В статье даётся теоретический анализ понятия «профессиональная культура», рассматривается социологическое содержание данного понятия. Авторы предлагают кластерный анализ для рассмотрения профессиональной культуры молодых преподавателей в современной России.

Ключевые понятия:

профессия,
культура,
профессиональная культура,
профессиональная культура молодых
преподавателей вузов,
кластерный анализ,
типология.

Введение в исследовательскую проблему

В период серьёзных трансформаций российского общества особое внимание обращает на себя реформирование высшего профессионального образования. С момента подписания Россией Болонской конвенции происходит процесс переосмысления общественной значимости и анализ качества деятельности социально-профессиональной группы молодых преподавателей высшей школы. В России на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация: при всей необходимости и значимости высшего образования мы наблюдаем падение престижа профессии преподавателя, которое обусловлено снижением престижа института образования в обществе, недостаточным уровнем профессиональной подготовки преподавателей и очень низким уровнем материального благосостояния преподавателей высшей школы. В динамично меняющихся социальных условиях трансформируются жизненные ориентиры и устремления людей, происходит смена смыслов, ценностей, также изменилась и профессиональная структура общества, и иерархия социальных предпочтений. В итоге на сегодняшний день мы видим, что профессия преподавателя высшей школы неожиданно оказалась на периферии социальных интересов, потеряла статус одной из самых престижных в обществе и достойно оплачиваемых профессий. Сегодня всё меньше выпускников высших учебных заведений изъявляют желание работать в вузе после его окончания. Данный процесс сопровождается также изменениями и в преподавательском корпусе: естественным его старением, оттоком наиболее динамичных и квалифицированных преподавателей в другие, более престижные отрасли и сферы деятельности [8, с. 37]. В связи с этим всё меньше выпускников вузов остаются верны желанию связать свою дальнейшую жизнь с преподавательской деятельностью. Всё это отражается довольно ярко как, на общей картине положения профессии преподавателя в современной России, так и на его профессиональной культуре.

Теоретические основания исследования

Прежде чем говорить о профессиональной культуре молодых преподавателей вузов, рассмотрим понятие «профессиональная культура». Проблема профессиональной

культуры личности возникает в контексте отношения человека к профессии. Появление этого понятия – процесс неизбежный. Однако при столь значимости данного понятия оно ещё не определено в социологической науке. Сложность его определения связана с тем, что оно состоит из двух самостоятельных научных категорий – «профессия» и «культура». Мы не станем рассматривать имеющиеся в социальной науке подходы к понятиям «профессия» и «культура», так как их анализ не входил в задачи нашего исследования. Однако при этом считаем необходимым дать свою точку зрения на эту проблему. Под профессией мы понимаем исторически возникшие формы деятельности, необходимые обществу, для выполнения которых человек должен обладать суммой знаний и навыков, иметь соответствующие способности и профессионально-важные качества. Культуру мы рассматриваем как меру развития социальных сил личности в процессе её жизнедеятельности. Определившись с данными понятиями, перейдём к анализу профессиональной культуры личности.

Понятие культуры – родовое по отношению к анализируемому нами центральному понятию. Так как источником культуры является общество, общественные процессы, взаимодействие, выражающиеся в различных видах социальной (и профессиональной) деятельности, то культура и её виды соотносятся между собой как целое и части, а также имеют определённые черты сходства и некоторые различия.

Профессиональная культура является особым видом подсистемы общей культуры, чем и определяется её взаимосвязь с культурой. Как элемент, включённый в систему более масштабную, профессиональная культура отражает основные характеристики общей культуры и обладает некоторым структурным подобием.

Понять сущность профессиональной культуры и дать её точное определение довольно сложно. Это связано прежде всего с её междисциплинарным характером. Во-вторых, сложность обусловлена и многозначностью самого феномена «профессиональная культура».

Проблемы профессиональной культуры личности, а также различных социально-профессиональных групп привлекают интерес учёных и исследователей по различным направлениям: исследуют проблемы социологи и философы, педагоги и психологи, и т.д. [1, с. 35–38; 2, с. 22–29; 4, с. 3–7; 6, с. 32–45; 10, с. 64–68]. Каждый специалист, связанный с изучением феномена професси-

ональной культуры, склонен дать своё определение, исходя из собственной специфики изучения социальных явлений [7, с. 18]. Мы не станем рассматривать все имеющиеся подходы к анализу профессиональной культуры, остановимся лишь на некоторых из них.

Например, по мнению Г.Н. Соколовой, профессиональная культура является одним из компонентов культуры труда и выражает степень овладения человеком «достижений научно-технического и социального прогресса и полноту реализации данного опыта в трудовой деятельности» [9, с. 34]. Мы видим, что автор рассматривает профессиональную культуру как субъективную сторону, сторону личностно ориентированного аспекта культуры труда, как реализацию опыта личности в трудовой деятельности.

Несколько другую точку зрения по этому вопросу высказывает Т.В. Бочкарёва. Она рассматривает профессиональную культуру и культуру труда как родственные понятия и вводит дополнительное понятие «профессиональная культура труда» [3, с. 42]. Недостаток подхода Т.В. Бочкарёвой связан с тем, что исследователь отождествляет эти понятия. На наш взгляд, культура труда является более широким понятием, включающим профессиональную культуру личности.

Другой автор, Г.М. Кочетов, рассматривает профессиональную культуру как элемент модели личности специалиста с высшим образованием и считает её характеристиками три основных момента: 1) знание свойств продукта и запрос потребителя; 2) способность прогнозировать специалистом последствия своих действий; 3) ответственность за свои действия [5, с. 73–77]. Мы считаем, что данное определение совершенно не раскрывает содержание понятия профессиональной культуры, к тому же автором в данном подходе учитываются лишь работники, имеющие высшее образование. Между тем, мы считаем, что профессиональная культура присуща всем субъектам, принимающим участие в трудовой деятельности и входящим в ту или иную социально-профессиональную группу. А образование может лишь служить элементом, помогающим оценить качественный уровень профессиональной культуры. Да и то это не всегда. Например, рабочий, не имеющий высшего или среднего профессионального образования, может быть мастером своего дела, а следовательно, обладать высоким уровнем профессиональной культуры. В свою очередь, человек, окончивший вуз и учившийся в нём ради получения диплома, об-

ладает высшим образованием, не обладая при этом профессиональной культурой.

На наш взгляд, так же следует рассмотреть подход к определению профессиональной культуры А.Н. Лымарь. Профессиональная культура, по её мнению, – это взаимодействие работника и профессиональной среды на основе представленных в ней высших образцов трудовой деятельности, обеспечивающих необходимое социуму качество выполнения работниками производственных обязанностей, обусловленное сочетанием объективных и субъективных факторов [7, с. 24]. Мы полагаем, что данное определение является более приемлемым, так как, во-первых, учитывает взаимодействие работника с профессиональной средой, во-вторых, данное взаимодействие обусловлено действием объективных и субъективных факторов. Однако остаётся неясным, что представляют собой высшие образцы трудовой деятельности и кто их должен формировать.

К сожалению, рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся подходы к профессиональной культуре в научной литературе. Проведённый нами анализ имеющихся определений, позволяет уточнить социологическое содержание данного понятия. Его можно определить как взаимодействие работника с профессиональной средой на основе интериоризированных профессиональных знаний, умений, норм и ценностей, обеспечивающих ему достижения и продвижение в профессиональной деятельности, обусловленное действием объективных и субъективных факторов.

Качественным своеобразием профессиональной культуры во всей её полиморфности является такая особенность, которая заключается в конкретизации профессиональной деятельности. Это проявляется в тех способах, которыми личность посредством своей предметной деятельности определяет свою профессиональную среду. Данный вид культуры выступает формой осознания и регулирования деятельности социально-профессиональной группы, поддержания её целостности. В ней признаются и действуют выработанные данной группой правила, нормы, ценности, законы социального взаимодействия и осуществляется обмен профессиональным опытом и информацией.

Она также есть результат взаимодействия внешних (объективных) факторов, побуждающих профессионала к достижениям в его профессиональной деятельности, и внутренних (субъективных) факторов, которые воздействуют на специалиста на личностном уровне – потребностей,

мотивов, установок и т.д. на достижения в профессии. С этих позиций мы в дальнейшем будем анализировать профессиональную культуру молодых преподавателей вузов.

Методология исследования

Методологическую базу исследования составили:

- Системный подход (позволил нам раскрыть феномен профессиональной культуры, определить её место в системе культуры как целого, рассмотреть взаимосвязи между её элементами).

- Аксиологический подход (позволил выявить ценностную составляющую профессиональной культуры молодых преподавателей высшей школы).

- Структурно-функциональный подход (с помощью структурно-функциональной парадигмы нами была рассмотрена структура профессиональной культуры). Согласно подходу Л.Н. Когана, нами выделено три блока: когнитивный, поведенческий и праксеологический. Этот подход позволил также выявить функции и дисфункции профессиональной культуры молодого преподавателя высшей школы.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования, проведённого авторами в октябре – декабре 2013 года в ряде вузов г. Екатеринбурга. Методами сбора первичной информации выступали: анкетный опрос, экспертные интервью с руководителями подразделений, полуструктурированные интервью с молодыми преподавателями вузов, а также анализ документов, содержащих сведения относительно количества преподавателей по всем должностям в Уральском федеральном университете в 2013 году. В ходе исследования было опрошено 400 молодых преподавателей на основе квотного отбора. Квотным признаком выступал возраст респондента. Всего методом экспертного интервью опрошено 15 человек. В рамках полуструктурированных интервью состоялись беседы с 7 молодыми преподавателями. Также осуществлён вторичный анализ результатов исследований других авторов по данной проблеме.

Основные результаты исследования

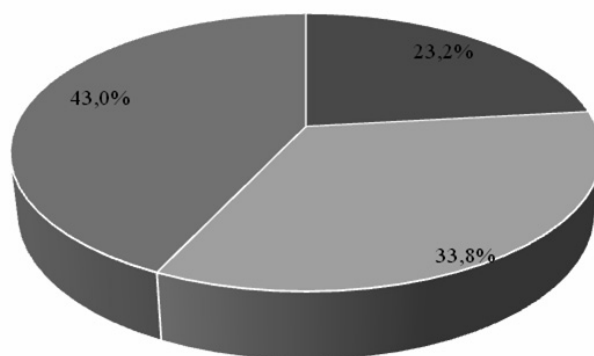
Для анализа профессиональной культуры молодых преподавателей вузов нами был избран метод кластерного анализа. Он поз-

волил выделить сущностные характеристики, особенности профессиональной культуры молодых преподавателей вузов с точки зрения наличия (интериоризации ими) профессиональных норм – ценностей и ролевого поведения в профессии; помог рассмотреть многообразие проявлений профессиональной культуры молодых преподавателей вузов в современных условиях; воспроизвести и описать некоторые из её измерений. Конечно, мы понимаем, что сконструированная нами типология в рамках кластерного анализа не даёт исчерпывающего представления о данном социальном феномене.

Применив кластерный анализ на основе интериоризированных профессиональных ценностей-норм респондентов и ролевого поведения, мы выделили три группы молодых преподавателей вузов – носителей профессиональной культуры (См. рис. 1).

танутся ли они в профессии в дальнейшем. На наш взгляд, данный набор профессиональных ценностей легко проинтерпретировать тем, что молодые преподаватели, только вступившие в профессиональную деятельность и поставленные перед необходимостью «вливаться в профессиональную группу», осваивая различные новые роли, предпочитают больше прислушиваться к старшим коллегам, нежели самостоятельно принимать какие-либо решения. Молодые преподаватели в младшей возрастной группе чувствуют неуверенность в себе и преимущественно придерживаются стратегии «послушания». Как видим, молодые преподаватели, входящие в этот тип, скорее характеризуются пассивной позицией как при взаимодействии с коллегами, так и при взаимодействии со студентами.

Возрастная группа от 26 до 30 лет, со стажем 4–5 лет, подразделяется на два кластера:

■ Профессиональные активисты ■ Переходный тип ■ Разведчики

Рис 1. Типы ролевого поведения молодых преподавателей вузов

Таким образом, в кластер 1 (мы назвали его «Разведчики») вошло около 43% респондентов. Данный кластер представлен младшей возрастной группой среди опрошенных молодых преподавателей вузов (22–25 лет), со стажем от 1 до 3-х лет в преподавании.

В ходе исследования выявлено несколько качественных показателей, которые характеризуют данный тип профессиональной культуры молодых преподавателей вузов. Для данной группы характерна ориентация на такие ценности, как исполнительность, коммуникабельность и дисциплинированность. Также они задумываются о своём саморазвитии. Однако часть из них не уверена в том, ос-

Кластер 2 мы назвали «Переходным» типом. Данный кластер представлен 33,8% респондентов.

Для данной группы респондентов характерна исполнительность, но уже в гораздо меньшей степени, чем для младшей группы. Среди наиболее значимых характеристик представителей этого типа – наличие профессионализма и ориентация на уважение студентов, а также взаимное уважение коллег. В данной группе следует обратить внимание на постепенно возрастающую уверенность молодых преподавателей в себе благодаря приобретению опыта. Представители данной группы больше нацелены на завоевание авторитета со стороны студентов и коллег, нежели

только на взаимодействие с ними и исполнительность. Данным молодым преподавателям в большей степени свойственна интериоризация профессиональных ценностей – норм по сравнению с представителями первого типа. Однако, если сравнивать с представителями следующего типа, то среди них гораздо больше сомневающихся в выборе профессии (практически каждый третий респондент указал на это), больше неудовлетворённых своей профессиональной деятельностью. Как правило, все они занимаются научной работой – написанием диссертации. Исследование зафиксировало: для трети из них диссертация является некой ступенькой для построения дальнейшей карьеры, не связанной с высшим образованием и с преподавательской деятельностью. Как видим, это – наиболее уязвимый и неустойчивый тип, требующий наиболее пристального внимания со стороны вузов. Таким образом, треть респондентов до сих пор не определилась с тем, останутся ли в дальнейшем они в профессии или нет, что негативно сказывается на их профессиональной культуре.

Кластер 3 представляют молодые преподаватели, которых мы назвали «Профессиональные активисты». К сожалению, таких респондентов значительно меньше – около 23% от числа опрошенных. Исследование зафиксировало, что между первыми двумя и последним типом профессиональной культуры имеется больше различий по ряду параметров.

В данном типе уже ярко выражена ориентация на творчество и саморазвитие как важные профессиональные ценности преподавателя. Для них гораздо более важен профессионализм, чем для представителей кластеров, описанных выше. Также они стремятся расширять свою эрудицию, немаловажным для них является взаимное уважение коллег и такая ценность, как порядочность. Также в ходе исследования нами была выявлена ориентация на самореализацию в профессиональной деятельности.

Таким образом, представителей третьего кластера можно рассматривать как уже в большей степени сформировавшихся специалистов, для них уже не столь важна исполнительность, как для представителей первых двух кластеров, в противовес этому они ориентированы на постоянное пополнение профессиональных знаний, стремление расширять свой кругозор и применение творчества в профессиональной деятельности. Всё это говорит о том, что им в большей степени свойственна интериоризация про-

фессиональных норм, ценностей и интеграция в профессию, что является важным показателем их профессиональной культуры.

Выводы исследования

Представленная типология позволяет выявить существенные характеристики, особенности профессиональной культуры молодых преподавателей вузов, степень ролевого профессионального поведения. Выделенные типы профессиональной культуры респондентов не исчерпывают всех возможных её вариантов. Безусловно, при выборе направления развития профессиональной культуры молодой преподаватель оценивает требования, предъявляемые к нему социально-профессиональной группой, ориентиры, предъявляемые к нему ею, собственный опыт.

В результате исследования мы установили, что у молодых преподавателей чаще всего проявляются два типа профессиональной культуры: первый тип (самый многочисленный), «разведчики» и «переходный». Это позволяет сделать вывод о преобладании негативных тенденций в развитии профессиональной культуры молодых преподавателей вузов над позитивными (слабая интеграция в социально-профессиональную группу, отсутствие ценности творчества, профессионализма у значительной части преподавателей и пр.).

Исследование зафиксировало, что преобладающим в профессиональной культуре молодых преподавателей высшей школы является знаниевый компонент (над ценностным и нормативным). Прежде всего, это обусловлено тем, что для педагога знаниевый компонент охватывает своим действием практически все стороны педагогической деятельности. Как показывают исследования других авторов, знаниевый компонент профессиональной культуры преобладает для представителей всех возрастов данной социально-профессиональной группы [7, с. 43]. Между тем, несмотря на это, половина молодых преподавателей указала на недостаток знаний для осуществления их успешной профессиональной деятельности.

Решение проблем развития и формирования профессиональной культуры молодых преподавателей вузов в современных условиях, по нашему мнению, лежит не столько в реформировании системы высшего образования, сколько в решении фундаментальной проблемы – повышения престижа профессии преподавателя, его статуса в российском обществе.

1. Амбарова, П.А. Профессиональная культура офицеров в условиях трансформации российского общества [Текст] / П.А. Амбарова. Екатеринбург. 2002. 158 с.
2. Бенин, В.Л. Педагогическая культура: постановка проблемы [Текст] / В.Л. Бенин // Человек-общество, культура. Екатеринбург, 1993. С. 22–29.
3. Бочкарёва, Т.В. Социализм и культура труда: возможности и реальности [Текст] / Т.В. Бочкарёва: дис. ... к. филос. Свердловск, 1989. 164 с.
4. Бромлей, Ю.В. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии [Текст] / Ю.В. Бромлей, О.И. Шкартан // Социология. № 4. С. 3–7.
5. Кочетов, Г.М. Механизмы процесса социализации [Текст] / Г.М. Кочетов. Томск, 1975. 190 с.
6. Лиственцева, Е.А. Профессиональная деятельность государственных служащих: культурологический подход [Текст] / Е.А. Лиственцева // Социология власти. 2001. № 1. С. 32–45.
7. Лымарь, А.Н. Профессиональная культура педагогов высшей школы: социологический анализ [Текст] / А.Н. Лымарь: дис. ... к. соц. наук. Екатеринбург, 2008. 165 с.
8. Новожилова, Т.И. Проектные условия становления молодого педагога высшей школы [Текст] / Т.И. Новожилова: дис. ... к. пед. наук: 13.00.08. Краснодар, 2006. 140 с.
9. Соколова, Г.Н. Культура труда в социальном развитии рабочего класса: опыт социологического исследования [Текст] / Г.Н. Соколова // Минск: Наука и техника, 1984. 160 с.
10. Соколова, Г.Н. Труд и профессиональная культура [Текст] / Г.Н. Соколова. Минск, 1980. 115 с.

References

1. Ambarova P.A. *Professional'naja kul'tura oficerov v uslovie transformacii rossijskogo obschestva*. [Professional culture of the officers in the conditions of transformation of Russian society]. Ekaterinburg, 2002, 158 p. (in Russian).
2. Benin V.L. *Pedagogicheskaja kul'tura: postanovka problem* [Pedagogical culture: problems definition]. *Chelovek. Obschestvo. Kul'tura* (Person. Society. Culture). Ekaterinburg, 1993, pp. 22–29 (in Russian).
3. Bochkareva T.V. *Socializm i kul'tura truda: vozmozhnosti i real'nosti* [Socialism and labor culture: possibilities and reality. Diss. Kand. Philos. science]. Sverdlovsk, 1989, 164 p. (in Russian).
4. Bromley Yu.V., Shkaratan O.I. *Socis*, 1978, no. 4, pp. 3–7 (in Russian).
5. Kochetov G.M. *Mechanizm processa socializacii* [The mechanism of socialization process]. Tomsk, 1975, 190 p. (in Russian).
6. Listvinceva E.A. *Sociologija vlasti*, 2001, no. 1, pp. 32–45 (in Russian).
7. Lymar' A.N. *Professional'naja kul'tura pedagogov vysshei shkoly: sociologicheskij analiz* [Professional culture of high school professor's: sociological analysis. Diss. Kand. Soc. science]. Ekaterinburg, 2008, 165 p. (in Russian).
8. Novozhilova T.I. *Proectnye uslovija stanovlenija mladogo pedagoga vyshei shkoly* [Design conditions of the formation of high school professors. Diss. kand. ped. Science: 13.00.08]. Krasnodar, 2006, 140 p. (in Russian).
9. Sokolova G.N. *Kul'tura truda v social'nom razviii rabochego klassa: opyt sociologicheskogo issledovanija. Nauka i tehnika* [Labour culture in the process of social development of working class]. Minsk, 1984, 160 p. (in Russian).
10. Socolova G.N. *Trud i professional'naja kul'tura* [Labor and professional culture]. Minsk, 1980, 115 p. (in Russian).

UDC 316.7: 378.126

PROFESSIONAL CULTURE OF YOUNG LECTURERS IN RUSSIAN UNIVERSITIES AT SOCIOLOGICAL ASPECT

Grunt Yelena Viktorovna,

Ural Federal University
named after the First Russian
President B.N. Yeltsin,
Professor of the Chair
of Applied Sociology,
Doctor of Philosophy,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Yeliseyeva Yekaterina Sergejevna,

Ural Federal University
named after the First Russian
President B.N. Yeltsin,
Master of Sociology,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: Ekaterina-elisee@bk.ru

Annotation

The article presents theoretic analysis of the «professional culture» notion. Sociological substance of the concept is considered. The authors use cluster analysis method to study professional culture of young lecturers in modern Russia.

Key concepts:

profession,
culture,
professional culture,
professional culture of young university lecturers,
cluster analysis,
typology.

УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА В СИСТЕМЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА СЕЛЕ

Антонова Наталья Леонидовна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Институт социальных
и политических наук,
кафедра теории и истории социологии,
доктор социологических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: n-tata@mail.ru

Клейменов Михаил Вячеславович,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Институт социальных
и политических наук,
магистр социологии,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: k-mihaell@mail.ru

Аннотация

В статье на основе результатов
социологического исследования,
проведённого в Далматовском районе
Курганской области, представлены
модели взаимодействия врача
и пациента.

Опираясь на идеи Р. Витча, авторами
выделены четыре модели
взаимодействия: коллегиальная,
патерналистская, инженерная
и контрактная. Лидирующие позиции
в оценках селян занимает коллегиальная
модель взаимодействия, основанная
на партнёрских отношениях между
пациентом и врачом.

Ключевые понятия:

взаимодействие,
медицинское обслуживание,
село,
пациенты,
врачи.

Исследования российской сельской глубинки актуализируются на фоне активной глобализации урбанизированных стран, к которым относится и Россия. Немаловажным является и анализ состояния сельского здравоохранения. В условиях реструктуризации и реформирования российского здравоохранения мерилом состояния системы медицинского обслуживания села становится отношение сельских жителей к медицинским работникам, непосредственно занятым в медицинской практике – врачам, фельдшерам, медсёстрам.

К сожалению, следует признать, что социологических исследований, объектом которого становятся жители сельских поселений, немного. В этом ряду следует отметить работы И.В. Гололобова, Н.К. Долгушкина, И.Е. Ильина, В.Г. Новикова, Е.В. Серовой, В.И. Старовойрова, Т.В. Тихоновой. Что касается анализа взаимодействия селян с медицинскими работниками, то он практически не представлен в современной социологической литературе. Несмотря на то, что социология медицины как отрасль социологического знания в России начала активно развиваться с 90-х гг. прошлого столетия, она включает в предметное поле исследований в основном проблемы здравоохранения больших городов, вопросы сельской медицинской помощи находятся на периферии исследовательского пространства и не получили должного внимания в эмпирико-прикладном векторе социологического анализа.

Современное село отличает ряд особенностей, отмеченных Л.В. Бондаренко [3, с. 72]. Это естественная убыль населения, закрытие учреждений образования и медицины, разорение коллективных сельских хозяйств, безработица, девиации. Автор указывает, что для современного сельского сообщества характерны низкая самоорганизация и неразвитость коллективных действий, что «свидетельствует и об определённых свойствах менталитета (замкнутость, скрытность, некоммуникабельность), и слабости местного самоуправления». Вместе с тем сельчане могут действовать и действуют сообща в тех случаях, когда занимаются благоустройством села и оказывают помощь соседям в трудной ситуации. На наш взгляд, эти признаки свидетельствуют о социальных связях, которые выражены в локальных сетях поддержки.

Повседневные практики жителей сельского социума отличает и особый тип взаимодействий, в котором нормы, стандарты и ценности трансформируются в условиях

иной, по сравнению с городом, социокультурной среде, где значительно уменьшена социальная дистанция между индивидами – представителями разных поколений, социальных групп и общностей. Эта особенность касается и системы медицинского обслуживания, в которую включены жители села: так, сельский житель, получающий медицинскую помощь, выступает одновременно и соседом/другом врача, осуществляющего приём.

Организация системы медицинского обслуживания на селе имеет уровневую структуру, которая обусловлена особенностями сельского расселения, в том числе невысокой плотностью и удалённостью населённых пунктов друг от друга. Суть организационной структуры заключается в том, что медицинская помощь, которая не может быть обеспечена на уровне сельского поселения, оказывается на муниципальном (районном) и региональном уровнях. В небольших сельских поселениях функционируют фельдшерско-акушерские пункты (ФАПы), помощь в которых, как правило, имеет профилактическую направленность, и её оказывает медперсонал со средним медицинским образованием. Для получения медицинского обслуживания, требующего внимания специалиста с высшим медицинским образованием, пациент обращается в центральные районные больницы (ЦРБ) или её филиалы, которые расположены в более крупных сельских поселениях. На уровне субъекта РФ действуют областные (краевые, республиканские) медицинские учреждения, медпомощь в которых оказывается тем сельским жителям, которым требуются диагностика, лечение, а также консультации специалистов, не представленных на иных уровнях.

Объектом эмпирико-социологического исследования, проведённого летом 2013 года, выступили пациенты филиала ЦРБ, расположенного в селе Кривское Далматовского района Курганской области. Всего было опрошено 200 человек – пациентов, которые в момент опроса пришли в медицинское учреждение для получения медицинской помощи. Структура опрошенных воспроизводит половозрастной состав населения исследуемого района, все респонденты проживают в с. Кривское.

Каждый третий опрошенный обращается за получением медицинской помощи в среднем один раз в месяц, при этом в структуре видов врачебной помощи представлены как врачи широкого (35%), так и узкого профиля (9%). Такая частота обращений обусловлена, на наш взгляд,

особенностями сельского поселения, для которого характерны высокая плотность социальных связей субъектов, близкая социальная дистанция [6, с. 1–12] и доминирование персонифицированных контактов. Например, в исследованиях, объектом которого выступали жители г. Екатеринбурга (2005–2008), средняя частота обращений составляла один раз в год. Мы считаем, что социальная близость между жителями села в повседневных бытовых практиках влияет на частоту посещения медучреждения. В основе целевых установок визита к врачу селянами – не только диагностика и лечение, но и реализация коммуникативных потребностей (желание поговорить, пообщаться). Так, больше половины респондентов (60%) считает, что целью врачей является не только физическое устранение заболеваний, но и духовная поддержка, снижение напряжения и общение.

В предметное поле нашего исследовательского интереса включены особенности взаимодействия пациентов и медперсонала в сельской системе медицинского обслуживания. В современной научной литературе представлен целый ряд моделей взаимоотношений врача и пациента, при этом в их основу исследователи-медики закладывают, как правило, деонтологические принципы [4, с. 143; 5, с. 29–31]. Наиболее широкое распространение получили модели взаимодействия, предложенные Р. Витчем, который выделил четыре типа: инженерный, патерналистский (пастырский), коллегиальный, контрактный [4, с. 135–143]. Заложив в концепцию нашего исследования идею Р. Витча, обратимся к тем моделям взаимодействия, которые выделены респондентами в процессе опроса.

Коллегиальная модель взаимодействия характерна для 70,5% пациентов. По мнению респондентов, сельский врач в процессе выполнения профессиональных функций проявляет эмпатию (95%), умеет строить беседу (94%) и убеждать (94%). 93% пациентов отметили умение слушать врача, принимая участие в обсуждении и выполняя предписываемые им действия. Коллегиальная модель строится на равенстве отношений между врачом и пациентом, при этом задача первого состоит в доступном информировании о состоянии здоровья, последствиях заболевания и т.п. Представители разных профессиональных групп сельского сообщества непосредственно взаимодействуют в бытовых практиках, по сути, они воспроизводят эти практики и в других сферах. В нашем случае речь идёт о реализации селянами социальных ролей врача и пациента в про-

цессе медицинского обслуживания. Нормы взаимодействия, характерные для селянина, воспроизводятся и в практике взаимодействия между пациентом и врачом.

Патерналистскую модель взаимодействия выбирают 23,5% опрошенных. Врач в такой модели выступает в роли утешителя (97,5%), поскольку пациент не обладает медицинскими знаниями (88,5%), принимает всю информацию врача «на веру» (88%) и нуждается в «душевных» беседах (73%). Патерналистская модель схожа с характером взаимодействия родителей и детей, в которой первые проявляют заботу и внимание, а вторые (в силу отсутствия опыта и знаний) должны подчиниться и дисциплинированно выполнять все указания. Эту модель в научной литературе представляют как взаимоотношения духовного наставника и послушника.

Патерналистская модель взаимодействия господствовала не одно десятилетие в советском здравоохранении под лозунгом «обо мне заботится бесплатная медицина». Ответственность пациента при этом минимизируется, и он превращается в объект врачебных манипуляций. Формирующийся российский рынок медицинских услуг предъявляет новые требования к пациенту. В этих условиях востребован автономный тип личности, умеющий принимать решения в отношении своего здоровья. В сельской глубинке такая личность пока остаётся за пределами села. Причиной этого, по нашему мнению, является воспроизводство традиционных норм и ценностей сельского уклада, который включает и отношение селян к медицинским работникам (врачам, фельдшерам, медсёстрам), наделённым особыми, сакральными знаниями о лечении заболеваний и сохранении здоровья.

Инженерную модель взаимодействия используют 4,5% респондентов. Медицинский персонал в этой модели обладает высоким уровнем ответственности (95%) и независимостью от мнения пациента (78%). Пациенты очень терпеливы (98%) и выполняют предписания медработника (88%). Медицинское знание в такой модели – ценностно-нейтральное, врач выступает в роли «механика», которому нужно починить сломавшийся механизм. Выбор методов и средств диагностики и лечения не зависит от желаний, потребностей и уровня информированности самого пациента, а также личностных предпочтений и интересов врача. Выбор объективированных схемами, принятыми в практике врачевания, стандартизирован, упорядочен и нор-

мативен. Мнение пациента мешает врачу при выборе тактики лечения, оно ненаучно и не заслуживает внимания.

Универсализация лечебных практик ведёт к деперсонализации отношений врач-пациент, а взаимодействие выстраивается на механистических основаниях: врач предпочитает иметь дело с данными обследований, с результатами анализов, а не с самим пациентом. По мнению А.П. Зильбера, технизация лечебного и диагностического процессов имеет как позитивные, так и негативные последствия, одним из которых выступает снижение психологического контакта «между врачом и больным, потому что даже собирание анамнеза нередко сводится к заполнению больным или его родственниками распространяемой заранее анкеты, данные которой вводятся в компьютер, нередко минуя их осознание врачом» [5, с. 22]. Известный американский кардиолог Б. Лаун писал: «За время, отведённое на составление истории болезни, необходимо не только отметить наиболее важные моменты состояния здоровья больного, но и заглянуть в его внутренний мир» [7, с. 26].

И, наконец, последняя модель взаимодействия – контрактная: лишь 1,5% опрошенных селян полагают, что именно данная модель типична при получении медицинской помощи. Контрактная модель предполагает, что пациент выбирает в качестве основы взаимодействия договор как индикатор своей свободы и независимости, контракт выполняет символическую функцию, он не закреплён в данном случае юридически и не имеет правовых оснований. Контракт – это договор (гласный / негласный) между врачом и пациентом, в рамках которого основная цель взаимодействующих сторон – достижение понимания в процессе взаимодействия для решения главного вопроса – процедуры лечения, цель которого – выздоровление.

В этой модели пациент устанавливает границы отношений с врачом и становится партнёром по взаимодействию, готовым к обсуждению методов и средств диагностики и последующего лечения. По мнению Р. Витча, это наиболее реалистичный тип модели в отличие от коллегиальной, поскольку учитывает разность статусов и информационную асимметрию.

Анализ результатов показал, что для данной модели очевидным выступает следующее противоречие. С одной стороны, пациенты ориентированы на контрактный тип, выбирая свободу и самостоятельность в выборе лекарственных средств (92%)

и отказываясь от приобретения медицинских препаратов, рекомендованных врачом (76,5%), поскольку высока потребность в обсуждении их достоинств и побочных действий, однако, с другой стороны, сами врачи не желают использовать подобную модель в своей практике. Возможно, это связано с определёнными рисками для сельского врача, которые заключаются в нивелировании своей социальной роли в оценках пациентов как главного источника медицинской информации, поскольку пациент может установить слишком широкие границы контрактных отношений.

А.Н. Бартко и Е.П. Михаловска-Карлова [2, с. 97–98], критикуя контрактную модель взаимодействия за минимальные обязательства со стороны врача как поставщика медицинских услуг, предлагают ввести договорную модель взаимодействия, которая включает согласие или понимание между врачом и пациентом относительно роли каждого из них. Авторы рассматривают контрактные отношения как опосредованный (через формальный контракт) тип взаимодействий, границы которого четко определены соглашением между поставщиком и потребителем медицинских услуг. Такое жесткое понимание, по нашему мнению, ограничено, и предлагаемая авторами договорная модель уже в своём названии – договор – содержит формальные обязательства между субъектами взаимодействия. «Игра в слова» в данном случае не привносит в типологию никакой новизны и научного смысла, суть контрактной (Р. Витч) или договорной (А.Н. Бартко, Е.П. Михаловска-Карлова) моделей взаимодействия заключается в обозначении социальных ролей субъектов взаимодействия, которые значительно шире, чем предписывает договор/контракт, и который определяют сами субъекты.

Особенности медицинской помощи и характер взаимодействия медицинских работников и сельского населения обусловлены рядом объективных факторов: длительное пребывание на свежем воздухе, сезонность сельскохозяйственных работ, контакт с водой и землёй сельских жителей и большой территориальный радиус деятельности медицинского персонала. Кроме того, сегодня в системе сельского медицинского обслуживания наблюдается изношенность материально-технической базы, слабая укомплектованность медицинскими кадрами, большая доля врачей предпенсионного и пенсионного возраста, а также практически отсутствие платной медицины.

Эти факторы, по нашему мнению, повлияли на столь малую долю выбора пациентами контрактной модели взаимодействия.

Анализ влияния половозрастных характеристик на представленные выше модели демонстрирует следующую ситуацию. Молодёжь примерно в равных долях представлена в патерналистской, коллегиальной и контрактной моделях взаимодействия; селяне средней возрастной группы выбирают в большинстве случаев коллегиальную модель, а пожилые и старые люди останавливаются на инженерной и патерналистской моделях. Такая ситуация вполне объяснима: молодёжь ещё находится в поисках оптимальной модели взаимодействия, представители средней возрастной группы ориентированы на партнёрские отношения с медперсоналом, поскольку представляют активный трудоспособный слой сельчан, а пожилое население впитало нормы патерналистской медицины советской эпохи, поэтому останавливается на патерналистской модели, а также выбирает инженерный тип взаимодействия, что связано, скорее, с жизненным опытом, который «подсказывает» им необходимость обращения к объективным показателям состояния здоровья (результаты анализов, обследований и т.п.).

Обращаясь к оценкам респондентов медицинского персонала как ключевой фигуры первичной медико-санитарной помощи в сельской медицине, отметим, что в структуре показателей удовлетворенности пациентов взаимодействием с ним лидирующие позиции занимают возможность вызова врача на дом (82%), своевременное оказание медицинской помощи (76%), информирование пациента о заболевании (62%). Большая часть опрошенных (95%) признаётся, что доверяет лечащим его медицинским работникам, взаимодействие выстраивается таким образом, что после посещения медицинского учреждения у 85% респондентов появляется оптимизм. Доверие к врачу выступает важным компонентом диагностического и лечебного процессов. В этой связи следует вспомнить эффект плацебо: врачи могут воздействовать на пациента без применения лекарственных средств. В целом пациенты дали высокую оценку профессиональной деятельности медицинских работников – 4,28.

Таким образом, модернизация современной российской системы здравоохранения предъявляет новые требования к характеру взаимодействия пациентов и врачей, и существующие модели будут трансформироваться. Уже сегодня высокодоходные группы населения крупных

городов выбирают контрактную модель, обращаясь к платной медицине. Кроме того, неформальная оплата медицинских услуг может стать основой для формирования смешанных/промежуточных моделей [1, с. 64–71; 8, с. 19–39]. Несмотря на воспроизводство традиционных норм и ценностей селянами, село также меняется, и необходимы дальнейшие исследования моделей взаимодействия врача и пациента как показатель трансформационных процессов.

1. Антонова, Н.Л. Неформальная оплата медицинских услуг: социологическое осмысление [Текст] / Н.Л. Антонова // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 57. С. 64–71.

2. Бартко, А.Н. Биомедицинская этика: Теория, принципы и проблемы. Ч. 2. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики [Текст] / А.Н. Бартко, Е.П. Михаловска-Карлова. М., 1999. 238 с.

3. Бондаренко, Л.В. Сельская Россия в XXI веке (социальный аспект) [Текст] / Л.В. Бондаренко // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 69–77.

4. Введение в биоэтику [Текст] / Под ред. Юдина Б.Г., Тищенко П.Д. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

5. Зильбер, А.П. Этюды медицинского права и этики [Текст] / А.П. Зильбер. М.: МЕДпресс-информ, 2008. 848 с.

6. Зиммель, Г. Большой город и духовная жизнь [Текст] / Г. Зиммель // Логос. 2002. № 3. С. 1–12.

7. Лаун, Б. Утерянное искусство врачевания [Текст] / Б. Лаун. М.: Крон-Пресс, 1998. 272 с.

8. Шишкин, С.В. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет [Текст] / С.В. Шишкин, Г.Е. Бесстремьянная, М.Д. Красильникова, Л.Н. Овчарова В.А. Чернец, А.Е. Чирикова, Л.С. Шилова. М.: Независимый институт социальной политики, 2004. 196 с.

References

1. Antonova N.L. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 57, pp. 64–71 (in Russian).

2. Bartko A.N., *Mihalovska-Karlova E.P. Biomeditsinskaja jetika: Teorija, principy i problemy. Ch.2. Principy i osnovnye problemy biomeditsinskoj jetiki* [The Biomedical ethics: theory, principles and problems. Part 2. The principles and problems foundation of biomedical ethics]. Moscow, 1999, 238 p. (in Russian).

3. Bondarenko L.V. *Sociologicheskij zhurnal*, 2005, no. 4, pp. 69–77 (in Russian).

4. *Vvedenie v biojetiku* [The introduction of bioethics]. Moscow, Progress-Tradicija, 1998, 384 p. (in Russian).

5. Zil'ber A.P. *Jetjudy medicinskogo prava i jetiki* [The etudes of the medical rights and ethics]. Moscow, MEDpress-inform, 2008, 848 p. (in Russian).

6. Zimmel' G. *Logos*, 2002, no. 3, pp. 1–12 (in Russian).

7. Laun B. *Uterjannoe iskusstvo vrachevanija* [The lost art of healing]. Moscow, Kron-Press, 1998, 272 p. (in Russian).

8. Shishkin S.V., *Besstremjannaja G.E., Krasil'nikova M.D., Ovcharova L.N., Chernec V.A., Chirikova A.E., Shilova L.S. Rossijskoe zdruvoohranenie: oplata za nalichnyj raschet* [The Russian healthcare: a cash payment]. Moscow, Nezavisimyj institut social'noj politiki, 2004, 196 p. (in Russian).

UDC 316.4

FEATURES OF INTERACTION OF A DOCTOR AND A PATIENT AT THE SYSTEM OF RURAL MEDICAL SERVICE

Antonova Natalya Leonidovna,

Ural Federal University
named after the First Russian President
B.N. Yeltsin,
Institute of Social and Political Sciences,
the Chair of Theory and History
of Sociology,
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: n-tata@mail.ru

Kleymenov Mikhail Vyacheslavovich,

Ural Federal University
named after the First Russian President
B.N. Yeltsin,
Institute of Social and Political Sciences,
Master of Sociology,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: k-mihaell@mail.ru

Annotation

The article presents the model of a doctor and a patient interaction. This model is based on the results of sociological study in Dalmat district of Kurgan region. The authors, guided by R. Veatch ideas, allocate four models of interaction: collegial, paternalistic, engineering and contract. The leading position, according to villagers opinion, is at collegial model, based upon partner interaction of a doctor and a patient.

Key concepts:
interaction,
medical service,
village,
patient,
doctor.

УДК 327.8 + 329 (100-87)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРИИ SOFT POWER, УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА И МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права УрО РАН,
доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Бочаров Алексей Васильевич,

медиа-холдинг «Регионы России»,
директор департамента,
г. Москва, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: alexbos@bk.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права УрО РАН,
аспирант, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: gribovod_kate@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу концептуальных основ стратегии цветной революции: концепция soft power («мягкой» силы), теория управляемого хаоса, теория медиатизации политики. Авторы рассматривают цветную революцию как стратегию, направленную на изменение политического режима посредством организации как извне, так и изнутри протестных движений, выступающих в интересах центров геополитического влияния. Дается описание концепции soft power, а также теории управляемого хаоса как концептуальных основ стратегии цветной революции. Раскрываются основные черты теории медиатизации политики, значимые в реализации цветных революций.

Ключевые понятия:

цветная революция,
soft power,
smart power,
управляемый хаос,
медиатизация политики.

Политические страсти и информационные битвы, развернувшиеся вокруг событий в Украине, вновь заставили политических аналитиков обратиться к феномену цветной революции (в настоящей статье данное понятие используется без кавычек), а точнее – к ее концептуальным основаниям. О практической значимости данных теорий свидетельствует серия цветных революций, проведенных в последние годы на территории бывшего СССР (Грузия, Украина, Киргизия), а также – в ряде стран Северной Африки (Тунис, Египет, Йемен, Ливия).

В современной литературе можно встретить самые различные толкования термина «цветная революция». Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой данное понятие представляет собой либо метафору, либо политологический конструкт, применяемый для обозначения некоего суррогата революции. Иначе говоря, те явления, которые обозначаются термином «цветная революция», по мнению ряда авторов, на самом деле революциями не являются, а представляют собой симулякр, имитационный образ, который лишь претендует на звание революции [5]. При этом нередко используется новейший язык СМИ и блогосферы, где цветные революции обозначаются как «фейковые» (то есть, фиктивные) революции [2].

Отказ «цветным революциям» в революционной подлинности проистекает также из соображений [5], что данные проекты носят искусственный, сугубо прикладной геополитический характер. Они ненастоящие ещё и потому, что инициированы извне, что является способом реализации стратегий вестернизации и американизации, а также связаны с неolibеральным проектом модернизации [4].

Вместе с тем, сегодня уже невозможно отрицать, что цветные революции при всей своей «искусственности» на практике приводят к реальным политическим переворотам и сменам режимов. Иначе говоря, «внешний фактор» вполне действительно срабатывает, поскольку приводит к существенным изменениям как внутриполитической ситуации, так и расклада геополитических сил.

Представление о важной роли внешнего фактора, а точнее – причин, связанных с интересами определенных геополитиче-

*Статья подготовлена при поддержке гранта в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований, выполняемых по программам тематических отделений РАН. Грант № 12-У-6-1002.

ских субъектов, в происхождении и иницировании цветных революций нашло своё отражение, к примеру, в выступлении Президента РФ В.В.Путина на заседании Совета Безопасности РФ 22 июля 2014 г. Согласно доводам главы государства против стран, которые «стоят на пути чьих-то интересов», применяются дестабилизирующие «так называемые цветные революции, а если называть вещи своими именами, – просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне».

Отмечая принципиальное значение геополитических устремлений в «запуске» цветных революций, В.В. Путин сделал, на наш взгляд, важное замечание о том, что в реализации цветных революций «упор делается на проблемы внутри стран», особенно в «нестабильных» и «несостоявшихся» государствах, с применением радикальных лозунгов национализма, неофашизма, фундаментализма [11].

Следует также отметить, что в ряду основных внутренних причин цветных революций исследователи называют коррупцию, экономическую напряженность, этнические конфликты, недовольство населения своим положением и др. [7, с. 8].

Рассмотрим только три концепции, которые, на наш взгляд, составляют теоретический фундамент стратегии цветной революции. Это концепция *soft power*, или «мягкой» власти, концепция управляемого хаоса или контролируемой нестабильности и концепция медиатизации политики.

В современном мире одним из главных способов борьбы за влияние становится «мягкая» власть (*soft power*). Использование инструментов *soft power* – важная характерная особенность цветных революций.

Концепция *soft power* в последние годы получила широкое распространение в академических и политических кругах. Её ведущим разработчиком является американский политолог, специалист в области международных отношений Джозеф Най [9]. Под *soft power* Дж. Най и его многочисленные последователи подразумевают инструменты ненасильственного влияния одних стран на другие, к которым относят стратегии по созданию привлекательных образов стран, формирующиеся в результате их успешной деятельности в различных сферах (экономической, гуманитарной, культурной, политической и т.д.).

В основе теории *soft power* лежит идея необходимости включения в ресурсную базу политики влияния инструментов влас-

тования, альтернативных силам принуждения и давления, которые обозначаются понятием *hard power* («жесткая» сила или власть).

В отличие от «жесткой» власти *soft power* не воспринимается в качестве силы, которая действует извне. «Мягкая» власть – это власть, которая реализуется в форме коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое извне поведение воспринимается как собственный свободный и добровольный выбор. «Мягкая» сила страны возрастает, когда она привлекает все больше людей в мире своей культурой, идеалами, ценностями, программами.

Концепция *soft power*, взятая на вооружение США и странами Запада, предполагает, что в состав инструментов «мягкого» международного влияния следует включить такие ценностные аттракторы, как либеральная демократия и высокоразвитая рыночная экономика. Наиболее быстрым и эффективным способом «мягкого» внедрения данных ценностей является цветная революция.

К важнейшим инструментам «мягкой» силы относятся технологии конструирования привлекательных образов посредством дискурсивных средств. Посредством дискурса *soft power* реализуется власть вдохновляющих смыслов и знаков, позитивно заряженных интерпретаций и названий, привлекательных образов и брендов, развлекательных шоу и культурных акций, общественных перформансов и гуманитарных практик [12].

Одним из дискурсивных способов создания привлекательного образа цветной революции является нейминг, или выбор названия. Важно, чтобы название революции транслировало положительный эмоциональный заряд и ассоциировалось с символическими образами добра, любви, счастья и благополучия. Как правило, революции назывались в соответствии с теми знаками (цветовыми, образными), которые использовались в качестве их главных символов. При выборе названия особо популярной оказалась цветочная символика с её романтической аурой: «революция роз» в Грузии (2003 г.), «революция тюльпанов» в Киргизии (2005 г.), «васильковая революция» (так предполагалось назвать цветную революцию в Белоруссии). Цвето-цветочный дискурс, собственно, и лег в основу видового понятия «цветная революция».

Определенным теоретико-методологическим продолжением разработки кон-

цепции *soft power* стало представление о том, что современное искусство политической коммуникации и управления состоит в комбинировании и диалектическом соединении двух типов власти – жесткой (*hard power*) и мягкой или гибкой (*soft power*). Сегодня данное диалектическое единство, превращенное в конкретную политическую стратегию, обозначается понятием *smart power* («умная» сила) [15].

Определенные элементы стратегии «умной» силы продемонстрированы властями России в ходе так называемой «Русской весны» в Крыму: на территории полуострова, удивив общественность и журналистов, появились загадочные «вежливые зеленые человечки» без опознавательных знаков, хорошо вооруженные, немногословные и внимательные к нуждам граждан. Впоследствии образ «вежливого человечка» стал символом удачного соединения мягкости в обращении с военной мужественностью.

«Русская весна» стала ответной протестной реакцией на Евромайдан. Возникновение феномена «Русской весны» для западных стратегов было незапланированным событием. Развернувшееся со стороны России и ряда регионов Украины (Крым, Юго-Восток) активное сопротивление новой власти, в отношении которой Запад демонстрировал всяческую поддержку, вызвало своеобразный шок у западных партнеров, уверовавших в эффективность апробированных ранее сценариев цветных революций. Выход из сложившейся непредвиденной ситуации был найден в реформатировании стратегии *smart power* в направлении такой перегруппировки инструментов «мягкой» и «жесткой» силы, которая характерна для ярко выраженной политики двойных стандартов.

Логика двойных стандартов получила широкое применение в дискурсе новых властей Украины. Так, например, американский политолог Джастин Раймондо отмечает: «Когда лидеры протеста в Украине помогли свергнуть президента, который широко признавался коррумпированным, они стали героями баррикады. Но, заняв места в новом правительстве страны, некоторые из них сталкиваются с неудобными вопросами о своих собственных ценностях и ассоциациях, это не в последнюю очередь предполагаемые связи с неофашистскими экстремистами» [16].

Наряду с концепциями *soft power* и *smart power* теоретическим основанием стратегии цветных революций является

концепция управляемого хаоса или контролируемой нестабильности. Данная теория получила свою политологическую разработку в американских научных кругах, однако её истоки отчётливо можно обнаружить в работе И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. В книге хаос рассматривается как следствие динамической неустойчивости сложных систем [10].

Кроме того, исходные политические интенции концепции управляемого хаоса уходят своими глубинными корнями в политические практики различных исторических эпох. Так, в одном из исследований генезиса теории управляемого хаоса, говорится, что уже в эпоху Римской империи полководцы целенаправленно создавали военно-политический и социально-экономический хаос в будущих провинциях Рима. «Похожие примеры можно обнаружить и в политике империй Чингизидов и Тимуридов в отношении владений русских князей, азиатских султанов, индийских махараджей. Ещё более явным было использование концепции управляемого хаоса в эпоху колониальных империй Нового времени, а также в периоды последних мировых войн» [1].

В североамериканской политической мысли традиционно сильна идея миссионерства. Её составными элементами являются, во-первых, представления о США как о международном лидере сил мирового общественного прогресса, лидере глобализации; во-вторых, убежденность в необходимости форсированного внедрения демократических начал в иные государственно-политические системы, пребывающие в стадии авторитаризма; в-третьих, рассмотрение системы американских ценностей в качестве универсальных принципов общественного жизнеустройства и обоснование стратегии глобальной американизации [4]. Парадигма миссионерства идеологически оплодотворяет концепцию управляемого хаоса, разработанную американскими специалистами Стивеном Манном и Джином Шарпом.

В своих работах Стивен Манн, эксперт по СССР, России и современному постсоветскому пространству, предлагает отказаться от методологии классического стратегического мышления, которое описывает социальный конфликт в линейных, причинно-следственных терминах, упрощая сложные ситуации, сводя их к нескольким основным вариантам. Нелинейность

означает, что многочисленные политические игроки, вступая во взаимодействие, могут изменять правила игры, что влечёт за собой состояние хаоса. Ситуация хаоса может стать контролируемой, если встать на позиции новой стратегической культуры, опирающейся на теорию нелинейных динамических систем. Динамические системы – это системы с большим количеством подвижных компонентов. Внутри динамических систем существует неперiodический порядок.

Традиционные подходы, оперирующие категориями стабильности, по мнению Манна, не позволяют создать динамичную модель процесса распада советской системы. Распространённые в литературе такие понятия, как «сдвиг тектонических плит», «ельцинские популисты», «горбачёвские реформаторы и консерваторы» и т.п. не дают адекватного представления о многообразии факторов расщепления системы. Напротив, применяя методологию самоорганизующей критичности, можно обнаружить огромное разнообразие акторов процесса дестабилизации советской системы [8].

Накопление хаоса, согласно Манну, создаёт благоприятную почву для распространения вируса демократии, что, в свою очередь, позволяет внешним силам, заинтересованным в «заражении» такого рода, эффективно управлять конфликтами в нестабильной системе. В глобальном расширении пространственных границ передачи вируса дестабилизации Манн усматривает стратегическое преимущество положения США по обеспечению собственной безопасности и условие усиления американской мессианской мощи.

В работах Джина Шарпа, известного американского теоретика цветных революций, концепция управляемого хаоса перерастает в учение о технологиях осуществления ненасильственного государственного переворота. Наиболее популярные книги Шарпа – «От диктатуры к демократии» (*From Dictatorship to Democracy*) и «198 методов ненасильственных действий» (*198 Methods of Nonviolent Action*) – переведены на десятки языков и нередко используются в качестве методических пособий по свержению действующей власти [14]. Сам Джин Шарп лично организовывал и консультировал оппозиционные движения на постсоветском пространстве: «Саюдис» в Литве, «Кмара» в Грузии, «Пора» в Украине, «КелКел» в Киргизии и «Зубр» в Белоруссии. Благодаря усилиям этих ор-

ганизаций был ускорен процесс выхода из состава СССР Литвы в 1991 г., произошло свержение правительства Э. Шеварднадзе в 2003 г., приведён к президентской присяге В. Ющенко в Украине в 2004 г., свергнуты президенты Киргизии А. Акаев (2005 г.) и К. Бакиев (2010 г.).

Шарп утверждает, что рекомендуемая им «ненасильственная борьба намного сложнее и разнообразнее, чем насилие. И народ, и общественные институты используют психологическое, социальное, экономическое и политическое оружие – протесты, забастовки, бойкоты, отказ от сотрудничества, выражение недовольства... В отличие от насилия политическое неповиновение... перекрывает эти источники власти» [14, с. 34].

Отечественные критики концепции управляемого хаоса, в основном, исходят из представлений о разрушительном характере инструментов практического применения данной теории: «Фактически без объявления и широкой огласки была организована нового типа мировая война, в которой применялись средства создания в национальных экономиках и социальной сфере управляемого хаоса...» [6, с. 70].

Представленные выше идейные платформы, составляющие теоретическое ядро стратегии цветной революции, следует, на наш взгляд, дополнить ещё одним направлением: концепцией медиатизации политики.

Без установления определённого медийного режима, благоприятного для распространения дискурсов протеста, переустройства общественной жизни, приобщения масс к новым ценностям, без создания позитивного имиджа новых лидеров любая цветная революция обречена на провал.

В основе концепции медиатизации политики лежит представление о медиатизации как о властном ресурсе, посредством которого конкурирующие политические силы оказывают влияние на массовое сознание, распространяя идеологическую продукцию в виде медийных образов и текстов [13, с. 151].

Медиадискурсы, функционирующие в политическом пространстве, формируют особую сетевую ткань информационно-символической политической среды. В точках взаимодействий и столкновений различных медиадискурсов создается эффект «медиатизации политики».

Английский исследователь Джон Б. Томпсон был первым, кто стал использовать термин «медиатизация» для обозначения

ния роли медиа как социального института, транслирующего не просто информацию, а образцы культуры, формирующие современное массовое общество [17, р. 46].

В начале 90-х годов XX века российский аналитик масс-медиа И.И. Засурский ввёл в понятийный аппарат политической науки и коммуникативистики термин «медиазация политики», под которым подразумевается «процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации» [3, с. 29].

В ситуациях политического конфликта и усиления политической нестабильности резко возрастает роль активных акторов, вовлечённых в процесс медиазации. Как сценарии, так и контрсценарии революционных изменений общества, независимо от того, называются ли они цветной революцией или «Русской весной», стремятся к таким формам медиазации, которые максимально способствуют утверждению в массовом сознании той политической картины мира, которая соответствует ожиданиям, идеалам, исторической культуре и ценностным ориентирам определённых субъектов революционного движения.

В качестве итогового вывода заметим, что феномен цветной революции не уйдёт в прошлое до тех пор, пока, с одной стороны, мировое политическое пространство будет оставаться конкурентным, и, с другой, – пока не исчезнет соблазн монополизации управления глобальным порядком. Идея цветной революции останется актуальной, пока будут востребованы концепции экспорта демократии и государственных переворотов, стратегии «благотворного» вмешательства извне посредством «мягкой» силы, инструменты организации хаоса и технологии информационно-медийных войн. Вполне вероятно, что в скором времени мы станем свидетелями зарождения новых, концептуально и технологически усовершенствованных моделей внешнего управления революционными политическими процессами.

1. Бялый, Ю.В. Управляемый хаос. Глобальный радикальный ислам в энергетических и транспортных войнах XXI века [Электронный ресурс] / Ю.В. Бялый // ИНТЕЛРОС. 05.02.2011. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8441-upravlyaemyj-chaos.html (дата обращения: 29.04.2014).

2. Ваджра, А. Фейковая хунта развязала фейковую гражданскую войну [Электронный ресурс] / А. Ваджра // Одесса Антимайдан. 17.04.2014. URL: [http://odessa-antimaydan.com/fejkovaya-xunta-](http://odessa-antimaydan.com/fejkovaya-xunta-razvyazala-fejkovuyu-grazhdanskuju-voynu/)

[razvyazala-fejkovuyu-grazhdanskuju-voynu/](http://odessa-antimaydan.com/fejkovaya-xunta-razvyazala-fejkovuyu-grazhdanskuju-voynu/) (дата обращения: 20.07.2014).

3. Засурский, И.И. Масс-медиа Второй республики [Текст] / И.И. Засурский. М.: Изд-во МГУ, 1999. 272 с.

4. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация [Текст] / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–74.

5. Кагарлицкий, Б.Ю. Эксперт: «Цветные революции» ничего не меняют [Электронный ресурс] / Интервью Кагарлицкого Б.Ю. // Правда. Ру. 03.12.2013. URL: <http://www.prawda.ru/news/world/03-12-2013/1184251-colorrevolution2-0/> (дата обращения: 21.04.2014).

6. Лепский, В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития [Текст] / В.Е. Лепский // Информационные войны. 2010. № 4. С. 69–78.

7. Максимов, И.В. «Цветная» революция – социальный процесс или сетевая технология? [Текст] / И.В. Максимов / Монография. М.: Книга по требованию, 2010. 116 с.

8. Манн, С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] / С. Манн // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 08.05.2014).

9. Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж. Най. М.: ФСПИ «Тренды», 2006. 224 с.

10. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: пер. с англ. [Текст] / под ред. В. И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

11. Путин, В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности РФ [Электронный ресурс] / Путин В.В. // Официальный сайт Президента РФ. 22.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46305> (дата обращения: 23.07.2014).

12. Русакова, О.Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна [Текст] / О.Ф. Русакова // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 4. С. 135–145.

13. Русакова, О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» [Текст] / О.Ф. Русакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Выпуск 20. № 27. С. 150–160.

14. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии: пер. с англ. Н. Макаровой [Текст] / Дж. Шарп. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

15. Ernest, J. Wilson, E. Hard Power, Soft Power, Smart Power [Text] / J. Ernest, E. Wilson // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. March. P. 11-12.

16. Raimondo, J. What Color is Ukraine's 'Color Revolution'? Washington whitewashes Ukraine's brownshirts, 2014 [Electronic resource] / J. Raimondo // Antiwar.com. 12.03.2014. URL: <http://original.antiwar.com/justin/2014/03/11/what-color-is-ukraines-color-revolution/> (дата обращения: 29.04.2014).

17. Thompson, J.B. The media and modernity: a social theory of the media [Text] / John B. Thompson: Cambridge: Polity Press, 1995. 314 p.

References

1. Bjalyj Ju. V. *INTELROS*, 05.02.2011, URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8441-upravlyaemyj-xaos.html (in Russian).
2. Vadzhra A. *Odessa Antimajdan*. 17.04.2014. URL: <http://odessa-antimaydan.com/fejkovaya-xunta-razvyazala-fejkovuyu-grazhdanskuyu-voynu/> (accessed: 20.07.2014) (in Russian).
3. Zasurskij I.I. *Mass-media Vtoroj respubliki* [Mass media of the Second republic]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1999, 272 p. (in Russian).
4. Inozemcev V.L. *Voprosy filosofii*, 2004, no. 4, pp. 58–74 (in Russian).
5. Kagarlickij B.Ju. *Pravda.Ru*. 03.12.2013. URL: <http://www.pravda.ru/news/world/03-12-2013/1184251-colorrevolution2-0/> (accessed: 21.04.2014) (in Russian).
6. Lepskij V.E. *Informacionnye vojny*. 2010, no. 4, pp. 69–78 (in Russian).
7. Maksimov I.V. «Cvetnaja» revolucija – social'nyj process ili setevaja tehnologija? [«Color» revolution – social process or network technology?] Moscow, Kniga po trebovaniju, 2010. 116 p. (in Russian).
8. Mann S.R. Website S.P. Kurdjumova. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (accessed: 08.05.2014) (in Russian).
9. Nye J. *Gibkaja vlast'. Kak dobit'sja uspeha v mirovoj politike* [Soft power. How to achieve success in world politics] Moscow, FSPI «Trendy», 2006. 224 p. (in Russian).
10. Prigozhin I., Stengers I. *Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodou* [Order from chaos. New dialogue of the man with the nature] Moscow, Progress, 1986. 432 p. (in Russian).
11. Putin V.V. *Official website of the President of Russia*. 22.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46305> (accessed: 23.07.2014) (in Russian).
12. Rusakova O.F. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 3 Series, Social sciences*, 2011, no. 4, pp. 135–145 (in Russian).
13. Rusakova O.F. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Humanities*, 2013, Issue 20, no. 27, pp. 150–160 (in Russian).
14. Sharp G. *Ot diktatury k demokratii* [From dictatorship to democracy] Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura, 2005, 224 p. (in Russian).
15. Ernest J. Wilson E. *Hard Power, Soft Power, Smart Power*. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. March. pp. 11–112 (in English).
16. Raimondo J. *What Color is Ukraine's 'Color Revolution'? Washington whitewashes Ukraine's brownshirts*, 2014. Antiwar.com. 12.03.2014. URL: <http://original.antiwar.com/justin/2014/03/11/what-color-is-ukraines-color-revolution/> (accessed: 10.05.2014) (in English).
17. Thompson J.B. *The media and modernity: a social theory of the media*. Cambridge: Polity Press, 1995, 314 p. (in English).

UDC 327.8 + 329 (100-87)

CONCEPTUAL BASES OF COLOR REVOLUTION'S STRATEGY: THEORIES OF SOFT POWER, CONTROLLED CHAOS AND POLICY MEDIATIZATING

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Head of Philosophy Department,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Bocharov Aleksei Vasilyevich,

«Regions of Russia» Media Holding,
Department Director,
Moscow, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: alexhoc@bk.ru

Gribovod Ekaterina Grigoryevna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Postgraduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: gribovod_kate@bk.ru

Annotation

This article is devoted to the analysis of the following conceptual bases of color revolution: the concept of soft power, theory of controlled chaos, theory of mediatizing of policy. The authors consider color revolution as a strategy, directed to the changing of political regime by arranging from outside and inside protesting movements. The article gives a review of dirigible chaos theory as a conceptual base of color revolution strategy, presented by S. Mann's and D. Sharp's works. By analyzing the theory of mediatization of policy the article reveals the main features of manipulative media discourse and media-informative war as strategy attribute of color revolutions.

Key concepts:

color revolution,
soft power, smart power,
controlled chaos,
mediatization of policy.

УДК 167.7 + 321.01

«РАЗБИТЫЕ ОКНА» ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЕРАРХИЙ: БЛИЗКИЙ КОНЕЦ ВРОЖДЁННОГО ДОМИНИРУЮЩЕГО СТИЛЯ

Перевозчиков Юрий Борисович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления, аспирант кафедры философии и политологии, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: perevozchikov.yuri@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу кризисных явлений в современном конвенциональном обществоведении при исследовании крупных и сложных социальных систем. Производится обоснование эпистемологических уязвимостей, ведущих к необходимости пересмотра основ традиционной институциональной методологии в социальных исследованиях.

Ключевые понятия:

теория «разбитых окон», институциональная поражённость, власть-знание, ошибка объективации, несоизмеримость.

Люди – это животные, которые любят схемы и рассказывать истории, и они неплохо рассказывают истории о схемах, даже если их нет.

М. Шермер

К. Леви-Стросс однажды заметил, что каждая цивилизация имеет тенденцию к завышенной оценке объективной достоверности своего мышления, которая как бы никогда не отсутствует [5, с. 114]. Признание равноценности различных познавательных итогов, которые он называл «наукой конкретного», станет одним из самых проросших зёрен постмодернистской традиции, мрачная тень которой, как характеризовал позже упадок романской географии марксизма П. Андерсон, легла сомнениями на привычные инструменты рациональности Модерна в первые два десятилетия второй половины XX века.

Речь, безусловно, идёт о власти-знании (*le pouvoir-savoir*) – созидателе реальности, области объектов, а также ритуалов истины относительно них [10, с. 283]. Задолго до Фуко В. Хлебников написал: «Знание есть вид власти, а предвидение событий – управление ими» [12, с. 8]. Данная проблема витает в гносеологии в течение долгого времени, однако, несмотря на почтенный возраст, она всё ещё нелегка для практического усвоения. Это видно невооружённым глазом на примере доминирования западных популяций институциональных теорий, которое начинается оформляться на рубеже XVII–XVIII вв. и связано, прежде всего, с именами А. Смита – создателя шотландской (классической) политической экономии, У. Джонса – отца-основателя ориентализма, и А. де Токвиля – родоначальника институциональной методологии в социальных исследованиях. Вероятно, это вехи, или осевые точки, начиная с которых все крупные социальные процессы описываются преимущественно институциональными средствами. Институциональный подход оказался великолепным приёмом рассказывать истории.

В 1958 г. Р. Уильямс, занимаясь описанием английской культуры в своём знаменитом труде «Культура и общество, 1780–1950», укажет на имманентную способность культурной гегемонии ограничивать своих творцов, что в конце концов приводит к омертвлению созидающих её сил. Он назовёт этот феномен «врождённым доминирующим стилем» (*inherent dominative mode*) [20, с. 356].

В 1976 г. Э. Саид в знаменитой книге «Ориентализм» использует фигуры Уильямса и Фуко для острейшей критики институциональных теорий востоковедения в либерально-западной матрице социальных исследований. Постструктурализм послужит триггером к появлению всё больших очагов сопротивления тому, что С. Кара-Мурза недавно назвал «зоной модернистского фундаментализма» [3]. Мрачный, интроспективный, делающий акцент на разрушении, он способствовал упадку протяжённых институциональных инфраструктур, которыми пользовались практически все без исключения крупные социальные теории. Дилемма несходности номотетических и идеографических дисциплин, оформленная В. Виндельбандом и Баденской школой, на короткий промежуток времени разрешенная усилиями М. Вебера в пользу номотетической установки *Entzauberung der Welt*, к концу XX века заиграет совершенно новыми, на этот раз не сходящими красками «несоизмеримости».

Новое философское использование слова «несоизмеримость» – результат бесед П. Фейерабенда с Т. Куном на Телеграф Авеню в Беркли (около 1960 года) [14, с. 79]. Оно прозвучало набатным колоколом для традиции реализма, но его бравурное звучание долгое время было лишь отголоском в панораме социальных теорий, в то время, как метатеории сотрясались от грохота несоответствий. Лишь спустя десятилетие институциональные инфраструктуры триединой социальной науки, построенные в духе кумулятивной модели Э. Нагеля, начинают прогибаться под тяжестью дряхлеющего реализма. Нагель говорил о стабильных структурах и непрерывности. Время от времени теория Т заменяется теорией Т*. Новая теория Т* должна быть способной объяснить те явления, которые объясняются теорией Т, и, кроме того, делать все те оправдывающиеся предсказания, которые делает теория Т. В дополнение к этому, она должна либо исключать некоторую ошибочную часть Т, либо покрывать более широкий круг явлений или предсказаний. В идеале Т* делает и то, и другое. В этом случае Т* поглощает, включает в себя Т. Если Т* поглощает Т, то существует общая мера для сравнения обеих теорий. В любом случае, правильная часть Т включается в Т*. Так что мы можем метафорически говорить, что Т и Т* соизмеримы [14, с. 188]. Т. Кун и П. Фейерабэнд высказывали большие сомнения, что путь развития теорий может быть описан моделью Нагеля. Т может не содержать даже языка, адекватно-

го теоретической природе Т*, следовательно не может быть описана и поглощена средствами Т* вследствие несоизмеримостей тем (историческая методология), несоизмеримостей стилей мышления (историческая когнитивистика) и несоизмеримостей смыслов (метафизическое оснащение мышления). Р. Уильямс, уловив начало тектонических сдвигов в западной культуре в первое послевоенное десятилетие XX века, предскажет скорое «забывание врождённого доминирующего стиля». Во второй половине 60-х годов XX века в институциональных схемах начинает появляться всё большее количество «разбитых окон».

В 1982 году в ежемесячнике *The Atlantic Monthly* Дж. Уилсон и Д. Келлинг при участии Манхэттенского института политических исследований опубликовали свою знаменитую теорию «разбитых окон» (*Broken Windows Theory*). В общем виде она состоит из трёх ключевых положений:

- во-первых, «разбитые окна» неизбежно провоцируют появление внеинституциональных форм, даже если подавляющая часть сообщества придерживается общепринятых образцов;
- во-вторых, институциональное правило вторично по отношению к контексту его внедрения;
- в-третьих, развитие социального опыта в пространстве «разбитых окон» носит произвольный и самовоспроизводящийся характер, пользуясь терминологией М. Гладузлла, социальной эпидемии [16, с. 27].

Данная теория является первоклассным инженерным образцом с богатым спектром приложений для социального конструирования, в том числе пригодным для работы в разрежённой среде высоких абстракций крупных и сложных социальных систем. Она служит прекрасным средством проверки соответствия между институциональными правилами и реальностью, на которую они посягают. «Разбитые окна» снимают лоск с нормы, которая, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, является главным поставщиком образцов, координат и объектов для реальности *par excellence*, регистрируя отклонения и мутации реального опыта от упорядоченных и предзаданных схем [2, с. 41]. С помощью них мы можем оценить, в какой мере институциональным образцам и их носителям свойственно «прятаться за текст» в ситуации совершенной методологической неопределённости, когда расхождение высшей и институциональной реальности начинает представлять угрозу

*Модель Нагеля представлена в [14, с.188].

для собственного самообладания. Однако проблема этих соотношений явно глубже, нежели утверждение о превращении институтов в простое нагромождение лжи.

Любая институциональная история есть достаточно сложная диалектическая связь, посредством которой реальный опыт социального агента определяется теми нормами, которым он следует, а это в свою очередь влияет на производство норм, наперёд заданных его реальным опытом. Ф. Энгельс довольно часто прибегал к этому диалектическому правилу, говоря о том, что если объекты находятся во влиянии, то это влияние взаимно и по-другому не бывает. Перефразируя Саида, книга о борьбе афинских демов за свои права может послужить причиной появления целого ряда книг на такие темы, как афинская демократия и истоки демократического устройства. Аналогичным образом, по мере того как тексты фокусируются более строго на этой теме, уже не демы как таковые, но именно демократия и формы правления, и, как можно ожидать, те советы, которые даются на этой случай, будут преувеличивать в действительности демократичность греческого полиса, вынуждая его быть демократичным, поскольку в этом и есть его (полиса) суть. В сущности, это и есть то, что мы знаем или только можем знать о нём. За институциональной нормой, претендующей на знание о чем-то действительно важном и вырастающей из определённых обстоятельств, всегда стоит определённый опыт. В ней аккумулирован авторитет академических учёных, институтов и правительств, окружая его гораздо большим престижем, чем это мог бы обеспечить ему сам по себе практический успех. Самое важное в том, что подобные нормы могут порождать не только знание, но и саму описываемую ими реальность [8, с. 98]. По мере того как растет материальное присутствие или вес треугольника Фуко (образец-знание-реальность), взаимность институциональной истории и высшей реальности становится весьма односторонней, где последняя отныне перестаёт являться свободным предметом мышления или деятельности. Появляется возможность справляться с реальностью институциональными средствами. Современный кризисный мир пестрит беседами о легитимности – предельно институциональном феномене.

Реальность начинает сводиться к векторному полю различных институциональных взаимодействий, где для пограничных или не регистрируемых официальной теорией практик, к которым, как правило, относятся, согласно

И. Валлерстайну, зоны «полупериферии» и «периферии» капиталистической системы, были придуманы специальные обозначения в качестве «неформальных институтов» (НИ). В 2003 году довольно известным событием в популяции институциональных теорий стала публикация Г. Хелмке и С. Левицки «*Informal Institutions and Comparative Politics: a Research Agenda*», демонстрирующая модель неформальных взаимодействий по всему миру, которые существенно превосходят по своему значению формальные институты (ФИ) [18].

Неформальные институты появляются тогда, когда производят отличный от формального и, вместе с тем, более подробный социальный итог. В ином случае необходимость в них отсутствует (см. табл. 1).

Таблица 1

Генезис неформальных институтов

ФИ (+НИ) = X	0
ФИ (- НИ) = X	
ФИ (+НИ) = Y	1
ФИ (- НИ) = X	

Соотношение формального института с неформальным определяет его типологию (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология неформальных институтов

	Эффективные ФИ	Неэффективные ФИ
Цели совместимы	<i>Дополнение</i>	<i>Замещение</i>
Цели различны	<i>Приспособление</i>	<i>Конкуренция</i>

Модель Хелмке-Левицки несколько преодолела «усталость» общей институциональной теории, сместив акценты в сторону теневой динамики социальных процессов, которые не наблюдали в рамках нескольких ревизий англо-саксонских структурно-функциональных (Merton, 1949; Parsons, 1969; Easton, 1953; Almond, 1966), бихевиоральных (Merriam, 1934; Lasswell, 1947; Verba, 1963; Almond, 1980) и модернизационных равновесных схем (Shils, 1952; Dahl, Lindblom, 1953; Rostow, 1960; Huntington, 1968; Pye, 1962), начиная с классической модели polity М. Вебера. Как бы то ни было, построенная на традиционной институциональной механике, она также продемонстрировала весьма ограниченный запас хода, столкнувшись с недостатком инструментария для сравне-

ния произвольного спектра переходов и соотношений формальных и неформальных социальных историй. Авторы, признавая это, отмечают необходимость проведения полноценного междисциплинарного среза для повышения фертильности теории, однако перечисленные средства экономики, социологии, права, политической психологии, имея всю ту же сквозьинституциональную логику обособленности и иерархии своего объекта, не только не способствуют «альтруизму» теории, но и в полной мере препятствуют ему [18, с. 734].

Прежде всего, речь идет об испещрении социальной реальности особенными сепарирующими сферами: политической, экономической и социокультурной. В каждой из этих сфер формируются определённые правила познания, выстраивающие иерархию познаваемого в соответствии со своей внутренней логикой, что приводит к вынужденным противоречиям и конфликтам между ними. В результате на выходе вместо одного наблюдаемого прецедента в отдельно взятом пространственно-временном срезе, мы получаем сразу несколько совершенно обособленных сюжетов, стремящихся к своему воспроизводству и приумножению, которые к тому же перекрывают друг друга. Весьма сомнительная выгода для эпигонов принципа экономии мышления, к которым причисляли себя усердные создатели конвенциональной триады со строго очерченным исследовательским полем – позитивисты.

Институциональные построения очень часто предстают перед исследователем в качестве инертных фактов природы. Валлерстайн не раз отмечал, с какой настойчивостью либеральная фри-трейдерская модель Великобритании представляла себя без каких-либо дел для создателя, со слов Ч. Тилли, соединив мир «густой сетью обмена и господства» [19, с. 1]. Длительные интеллектуальные и материальные инвестиции сделали экономику, социологию и политическую науку как системы знания, рукотворное тело теории и практики о законах функционирования рынка, гражданского общества со свободным типом личности, публичной политики и государства признанным фильтром, через который разработанные образцы западных интересов проникали в разные социальные системы, нивелируя пагубную для их гегемониальных устремлений разность социальных процессов. Универсальность и неизбежность институциональных закономерностей придавала необычайный темп

бурному завоеванию классической триады всемирной истории, а точнее – превращению истории во всемирную. В своей статье «Глобализация и историческая макросоциология» Д. Арриги прямо указывает на то, что «на протяжении всей современной эпохи институциональные конфигурации западных государств внутри и между собой были в значительной степени сформированы под влиянием их взаимодействия с «незападным» миром» [1, с. 69]. По словам Саида, мало кто замечал, что исследования Вебера по иудаизму, буддизму и конфуцианству привели его к фундаментальному понятию «типа». В течение более чем шестидесяти лет веберовская социология господства использовалась для дескрипции социальной генетики обществ любого типа. Она находилась в ядре построений Лумана, Хабермаса, Парсонса и других авторов широко растиражированных в настоящее время универсальных равновесных схем.

Вебер считал, что лучшим средством справиться с «хаосом экзистенциальных суждений» является поиск эквивалентов протестантской этике в других социальных укладах. Он полагал, что такой связующей нитью между западными и восточными обществами является патриархализм как тип родового господства. Социальная фигура главы рода в обоих случаях обладала дискреционной властью над ритуалами, правосудием, домохозяйством в той же манере, в какой это происходило и в государственных институтах [17, с. 402]. Протестантская этика строилась на античной формуле «*patria potestas*» – «власти отца». Важнейшим же компонентом конфуцианской культуры является «сяо» – «сыновья почтительность», которой посвящён один из семи канонических текстов конфуцианства «Сяо Цзин» («Канон сыновнего благочестия»). Один из главных аргументов Вебера заключался в том, что это соизмеримые ценностные установки, которые открывали дорогу его идеальным типам. Вебер, как замечает Хакинг, будучи «настороженным по отношению к натуралистическому предрассудку о том, что цель общественных наук заключается в сведении реальности к законам, весьма скептически относился к вещам, не имеющим причинной силы» [14, с. 52]. Только в 1984 году американский китаист Г. Гамильтон смог отыскать «разбитое окно» в этой концепции. Он указал на очевидную генетическую разницу протестантского и китайского патриархализма. В первом случае мы имеем дело с моде-

лю субъект-субъектного функционального личностного подчинения сына своему конкретному отцу, а во-втором – с несубъектным, безличностным, субстанциональным выполнением сыновней роли. Мир отцов и сыновей против мира только сыновей, где старший и главный – Сын Неба, т.е. Император [13, с. 9]. Д. Адамс прямо говорит о том, что у Вебера не было понятийного аппарата, который бы позволил ему сконструировать базис всех разрешений социального господства [15, с. 237]. Это один из многих примеров масштабной кампании за реконструкцию контекстов, затушёванных прежде господством институциональных иерархий.

Любая институциональная теория исходит из первенства суверенных иерархий в структурах социальных взаимодействий. Д. Норт выразил это следующим образом: институты есть «правила игры», организующие взаимоотношения между людьми и задающие структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия, где институциональные изменения является ключом к пониманию исторических перемен [7, с. 17]. Во многом именно это позволяет считать институциональный подход самым полным эквивалентом научной программы марксизма, удовлетворяющим в той же мере принципам системности и историчности человеческой природы. Более того, как признаёт Валлерстайн, именно институциональная триада, став мейнстримом социальной науки, утопила марксизм в своей редукционистской модели, в определённом смысле усилив себя [2, с. 30]. Но обо всём по порядку.

Л. фон Мизес предупреждал о том, что «склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, – худший враг логического мышления» [4]. Мизес, сам по себе, есть ещё один причудливый пример (наряду с Поппером) в описании Талеба интересной «проблемы генетики», которая состоит в том, что «мы любим высказывать логичные и рациональные идеи, но не обязательно наслаждаемся их выполнением» [9, с. 142]. По-видимому, среди исследователей, сосредоточенных на экономическом детерминизме, мир действительно зачастую выглядит частным случаем*. Могут ли «правила игры»

обладать столь фундаментальными причинными силами?

С. Дж. Гуллд, кроме того, что он считается одним из влиятельнейших историков науки, возможно, вторым по значимости после Куна, был выдающимся учёным (чем могут похвастаться немногие историки науки), указывающим на следующую главную уязвимость: реализма относительно теорий – ошибку «объективации». Он призвал очень настороженно относиться к теории и её объектам в том случае, если она использует совокупность методов, одинаково конституирующих одно и то же явление, но не содержит адекватных соображений о том, почему так происходит. Например, определение ислама. Если посмотреть традиционные определения ислама в учебниках (например, в [6, с. 134–158]), то ислам в них определяется как недифференцированное единство религии (1), политики (2) и права (3). Возникает вопрос: если это – недифференцированное единство, то на каких основаниях используются дифференцирующие референты (1), (2) и (3)? Прав Саид, считающий ислам образом, чья функция состояла не столько в том, чтобы репрезентировать ислам сам по себе, сколько в том, чтоб репрезентировать его для западного мировоззрения, демонстрирующего очевидную институциональную «поражённость»** [8, с. 95]. Во многом благодаря соображениям критики «зрительской» теории знания (*spectator theory of knowledge*) Дьюи и одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе, институциональный детерминизм следует скорее рассматривать как попытку вмешательства в мир, нежели чем как акт его представления в словах и мышлении. По этой линии традиционно сосредоточены основные силы противников реализма относительно объектов.

Центральное место в системе воспроизводства институциональной реальности занимает антиципация, т.е. объективация итога социального действия до момента его свершения. Однако, как в разное время замечали Л. Леви-Брюль (до-логические партиципации), К. Леви-Стросс (бриколаж), К. Лоренц (органические следствия обыденности) и Э. Саид (имагинативность), объектам, местам или временам приписываются роли и придаются смыслы, кото-

*Один из экономических законов Мерфи, получивший название «наблюдения Хонгрена».

**Этим словосочетанием я обязан Чезаре Ламброзо, поскольку заимствовал смысл его конструкции «преступной пораженности» – фенотипа, свидетельствующего об изначальной склонности к совершению преступления. Оно означает предельно возможную степень детерминированности социальной реальности как совокупности институциональных взаимодействий в отдельно взятом обществе.

рые обретают объективную достоверность лишь после того, как операция уже проделана [8, с. 85]. Другими словами, в том, как происходят те или иные объективации, присутствует доля чистого произвола, и их нельзя предсказать рационально. Вслед за ними заявленные Нормом структуры побудительных мотивов, если удастся дойти до их происхождения, вероятно, обнаружат в себе ту же долю произвола, как например, в случае со спонтанным захватом португальского судна «Санта-Катарина» Ван Хемскерком в 1603 г., приведшего к концептуализации Гроцием основ европейской правовой системы. Таким образом, институты по существу выступают лишь произвольными артефактами препарирования, «гипостазированными предикатами» (С. Соловьёв), а не универсальными практиками, призываемыми к жизни единым комплексом причинных сил, движущими силами, тенденциями и т.д. Р. Фейнман однажды заметил, что история идей складывается из случайной последовательности событий, и если мы хотим развернуть её вспять, чтобы получить новый способ её рассмотрения, это ничего не изменит, история уже никогда не повторится.

Следует ли из этого, что существующая институциональная матрица производит фиктивную достоверность? И да, и нет. Во многом институты сегодня действительно являются источником навязанных противоречий в социальных исследованиях, поскольку зачастую имеют дело уже с «ржавеющими» иерархиями (фон Вригт), уходящими в прошлое с *longue duree* капиталистической системы. С другой стороны, уход исследователя из области крупных и сложных социальных систем, от триады Тилли «*big structures, large processes, huge comparisons*» делает невозможным и ненужным теоретический анализ. К большому сожалению, эти процессы неплохо дополняют друг друга, как замечают некоторые исследователи, во многом повторяя сюжеты поздней схоластики. После непродолжительного успеха в «*Les Trente Glorieuses*» Ж. Фурастье (1945–1975 гг.) над существующей эпистемой вновь сосредоточилась прямая и явная угроза проблемы индукции.

1. Арриги, Д. Глобализация и историческая макросоциология [Текст] / Д. Арриги // Прогнозис. 2008. № 2. С. 57–72.

2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.

3. Валлерстайн, И. В терминах традиционной науки я – еретик [Текст] / И. Валлерстайн // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 27–31.

4. Кара-Мурза, С.Г. В защиту постмодернизма [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Мурза / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. URL: http://problemanalysis.ru/mission/kolonka-kara-murzi/kolonka-kara-murzi_120.html (дата обращения: 16.05.2014).

5. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Мурза / Библиотека Альдебаран. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_serгей/karamurza_serгей_manipulyaciya_soznaniem (дата обращения: 17.05.2014).

6. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс. М.: Республика, 1994. 384 с.

7. Нерсесянц, В.С. История политических и правовых учений: Учебник для вузов [Текст] / под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.

8. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

9. Саид, Э. Ориентализм [Текст] / Э. Саид. М.: Русский мир, 2006. 636 с.

10. Талеб, Н. Одураченные случайностью. Скрытая роль Шанса на Рынках и в Жизни [Текст] / Н. Талеб. М.: Интернет-трейдинг, 2007. 248 с.

11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

12. Фурсов, А. О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория [Текст] / А. Фурсов // Русский исторический журнал. 1998. № 2. С. 335–429.

13. Фурсов, А. «Нормальная наука» versus «аналитика». Особенности состояния современного знания о мире [Текст] / А. Фурсов // Свободная мысль. 2013. № 2. С. 8–24.

14. Фурсов, А.И. Операция «Ориентализм» [Текст] / А. Фурсов. М.: Гуманитарий, 2004. 55 с.

15. Хакинг, Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук [Текст] / Я. Хакинг. М.: Логос, 1998. 296 с.

16. Adams, D. The Rule of the Father: Patriarchy and Patrimonialism in Early Modern Europe [Текст] / D. Adams / Max Weber's economy and society: a critical companion. Stanford University Press. 2005. 387 p.

17. Gladwell, M. The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big difference [Текст] / M. Gladwell. Little, Brown and Company, 2000. 288 p.

18. Hamilton, G.H. Patriarchalism in Imperial China and Western Europe: A revision of Weber's sociology of domination [Текст] / G.H. Hamilton // Theory and society. Amsterdam, 1984. № 3. P. 393–425.

19. Helmke, G. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda [Текст] / G. Helmke, S. Levitsky // Perspectives on Politics. 2004. P. 725–740.

20. Tilly, C. Globalization Threatens Labor's Rights [Текст] / C. Tilly // International Labor and Working Class History. 1995. № 47. P. 1–23.

21. Williams, R. Culture and society, 1790–1950. Anchor Books [Текст] / R. Williams. New York, 1960. 375 p.

References

1. Arrigi D. *Prognosis*, 2008, no. 2, pp. 57–72 (in Russian).
2. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on cognitive sociology]. Moscow, Medium, 1995, 323 p. (in Russian).
3. Vallerstajn I. *Voprosy obrazovaniya*, 2006, no. 4, pp. 27–31 (in Russian).
4. Kara-Murza S.G. V *zashchitu postmodernizma* [To protect postmodernism], available at: http://problemanalysis.ru/mission/kolonka-kara-murzi/kolonka-kara-murzi_120.html (accessed 16 May 2014) (in Russian).
5. Kara-Murza S.G. *Manipuljacija soznaniem* [Conscience manipulation], available at: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergeri/karamurza_sergeri_manipulyaciya_soznaniem (accessed 17 May 2014) (in Russian).
6. Levi-Stross K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primeval thinking]. Moscow, Respublika, 1994, 384 p. (in Russian).
7. Nersesjanc V.S. *Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij. Uchebnik dlja vuzov* [History of political and law studies: manual for high schools]. Moscow, Norma, 2004, 944 p. (in Russian).
8. Nort D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutes, institutional changes and economy function]. Moscow, Fond jekonomicheskoy knigi "Nachala", 1997, 180 p. (in Russian).
9. Said J. *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow, Russkij mir, 2006, 636 p. (in Russian).
10. Taleb N. *Odurachennye sluchajnost'ju. Skrytaja rol' Shansa na Rynkah i v Zhizni* [Fooled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets]. Moscow, Internet-trejding, 2007, 248 p. (in Russian).
11. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Supervise and punish. Born of prison]. Moscow, Ad Marginem, 1999, 480 p. (in Russian).
12. Fursov A. *Russkij istoricheskij zhurnal*, 1998, no. 2, pp. 335–429 (in Russian).
13. Fursov A. *Svobodnaja mysl'*, 2013, no. 2, pp. 8–24 (in Russian).
14. Fursov A. I. *Operacija «Orientalizm»* [Operation «Orientalism»]. Moscow, Gumanitarij, 2004, 55 p. (in Russian).
15. Haking Ja. *Predstavenie i vmeshatel'stvo. Vvedenie v filosofiju estestvennykh nauk* [Representation and intervention. Introduction to philosophy of natural sciences]. Moscow, Logos, 1998, 296 p. (in Russian).
16. Adams D. *The Rule of the Father: Patriarchy and Patrimonialism in Early Modern Europe. Max Weber's economy and society: a critical companion*. Stanford University Press, 2005, 387 p. (in English).
17. Gladwell M. *The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big difference*. Little, Brown and Company, 2000, 288 p. (in English).
18. Hamilton G.H. *Theory and society*. Amsterdam, 1984, no. 3, pp. 393–425 (in English).
19. Helmke G., Levitsky S. *Perspectives on Politics*, 2004, pp. 725–740 (in English).
20. Tilly C. *International Labor and Working Class History*, 1995, no. 47, pp. 1–23 (in English).
21. Williams R. *Culture and society, 1790–1950*. Anchor Books. New York, 1960, 375 p. (in English).

UDC 167.7 + 321.01

«BROKEN WINDOWS» OF INSTITUTIONAL HIERARCHIES: THE IMMINENT END OF THE INHERENT DOMINATIVE MODE

Perevozchikov Yury Borisovich,

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Ural Institute of Administration (Branch),
Post-graduate Student
of the Chair of Philosophy
and Political Science,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: perevozchikov.yuri@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the crisis phenomena in modern conventional social science in the study of huge and complex social systems. It proves the rationale epistemological vulnerabilities leading to a revision of the foundations of traditional institutional methodology in the social research.

Key concepts:

«broken windows» theory,
institutional affection,
power-knowledge,
fallacy of objectivization,
incommensurable.

УДК 327

ВЛИЯНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (ЕВРАЗЭС) И ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА (ТС) НА РОССИЙСКО- КАЗАХСТАНСКОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Жундубаев Марат Кунисбайулы,

аким г. Лисаковска,
г. Лисаковск, Республика Казахстан.
E-mail: zhundubacv201@mail.ru

Аннотация

Выявлено влияние, которое оказывают Евразийское экономическое сообщество и Таможенный союз на приграничное сотрудничество России и Казахстана на современном этапе в таких сферах, как укрепление производственной кооперации, повышение инвестиционной привлекательности регионов, внедрение инноваций. Проанализированы наиболее существенные эффекты этого влияния в торгово-экономических отношениях двух стран, институциональной среде, использовании трудовых ресурсов.

Ключевые понятия:

Россия,
Казахстан,
ЕвразЭС,
Таможенный союз,
приграничное и межрегиональное
сотрудничество,
интеграция.

Современная политическая наука, исследуя мировую и опыт приграничного сотрудничества, учитывает тот факт, что он формируется под влиянием международных организаций, куда входят граничащие между собой страны. К числу межправительственных объединений такого рода относятся СНГ, ЕвразЭС, ОДКБ, ШОС. Наиболее существенно на экономическое сотрудничество российско-казахстанских приграничных регионов влияют Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС) и Таможенный союз.

В последние годы между Россией и Казахстаном разворачиваются активные интеграционные процессы. Как отмечает К.К. Абнасирова, региональная экономическая интеграция – это процесс хозяйственно-политического межгосударственного объединения стран на основе развития устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами [1, с. 94]. По мнению В. М. Лapidуса, неэффективность СНГ приводит к поиску новых форм сплочения на постсоветском пространстве: (ЕвразЭС, ШОС, Таможенный союз, ЕЭП, ОДКБ) [4, с. 12]. И.А. Стрелкова считает, что интеграция постсоветского пространства имеет две группы факторов: политические и экономические. Причём их соотношение на разных этапах менялось [6, с. 187]. Следовательно, институты, обеспечивающие интеграционные процессы, усложняются, реагируя на потребности, обусловленные объективными тенденциями. В силу взаимозависимости рынков приграничных субъектов РФ значимым направлением в развитии сотрудничества является укрепление производственной кооперации, повышение инвестиционной привлекательности регионов, внедрение инноваций.

В мире эти вопросы достаточно интенсивно обсуждаются. Д. Броу и М. Рута построили модель, показывающую, что экономическая интеграция, если она сопровождается сотрудничеством на политическом уровне, интенсифицирует инновационную деятельность, так как фирмы в таком случае сталкиваются с менее жёсткой конкуренцией. Исследования С. Брауна тоже подтвердили, что в условиях международной олигополии уменьшение конкуренции стимулирует фирмы к инвестициям в продуктовые инновации и повышает спрос на квалифицированную рабочую силу [Цит. по: 5, с. 61].

Краткий обзор подходов к оценке феномена интеграции, в том числе в рамках

ЕвразЭС и Таможенного союза, позволяет говорить, во-первых, о том, что дискуссия по этой тематике находится в начальной стадии; и, во-вторых, о наличии ряда проблем, не получивших должной научной интерпретации. В частности, требуют глубокого анализа социально-экономические эффекты, которые возникли в результате реализации ЕвразЭС и Таможенного союза. Данная статья является попыткой восполнить этот пробел с опорой на кампаративный, системный, статистический и социологический методы познания.

Евразийское экономическое сообщество было учреждено в 2000 г. государствами Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан для развития процессов экономической интеграции. За прошедший период сообщество достигло определённых результатов. К их числу можно отнести создание Таможенного союза. К началу 2010 г. функции внешнеторгового регулирования были переданы Комиссии ТС. В компетенцию Комиссии входит: изменение ставок ввозных таможенных пошлин; ведение товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза; установление тарифных льгот и тарифных квот [3, с. 7].

Образование ТС знаменовало переход к практическим мерам по созданию единого экономического пространства. В частности, Президенты Беларуси, Казахстана и России 18 ноября 2011 г. подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции и определили 1 января 2012 г. датой начала функционирования единого экономического пространства, обеспечивающего свободу движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов [3, с. 7].

Введение Таможенного союза привело к изменениям в торгово-экономических отношениях России и Казахстана, включая сотрудничество приграничных регионов. Анализ влияния ТС на приграничное сотрудничество российских и казахстанских территорий позволяет классифицировать его эффекты на торговые, структурные и институциональные.

В сфере торговли Таможенный союз стимулировал развитие тех тенденций, которые были характерны ранее для сотрудничества российских и казахстанских приграничных регионов в данной сфере, и породил новые. В вопросах экспорта доминирующее положение по-прежнему занимает российская сторона. Перевес в пользу Российской Федерации в 2007–2011 гг. увеличился более чем в два раза. При этом внешнеторговый оборот российских регионов, граничащих с казахстан-

скими областями, сопоставим с внешне-торговым оборотом Казахстана. Несмотря на положительную динамику торгового сотрудничества, Казахстан не вошёл в число главных торговых партнёров Российской Федерации. Его доля в совокупном объёме российского экспорта в 2010 г. равнялась 2.77 %, а импорта – около 2 %.

Таможенный союз не повлиял и на разницу в показателях приграничных районов России и Казахстана во внешнеторговом обороте своих стран, которая была последние десятилетия в пользу казахстанской стороны. Доля российских регионов, граничащих с Казахстаном, в 2011 г. была 12%, а с казахстанской стороны – 41% [7, с. 17]. Эта ситуация объясняется тем, что российские предприятия нацелены на рынки европейских стран, а казахстанские ориентированы на Россию.

В торговых отношениях российских и казахстанских приграничных областей сохраняется наличие доминирующего по объёмам экспорта региона Тюменской области в России и Атырауской области в Казахстане. Это связано с добычей и переработкой нефти и газа на их территории, т.е. экспортным потенциалом. На них приходится больше половины совокупного экспорта приграничных регионов

В связи с созданием Таможенного союза в отношениях между странами-членами возник вопрос о том, в какой бюджет должна поступать экспортная пошлина на продукты нефтепереработки, если добыча сырья осуществляется в одной стране, а переработка и экспорт – в другой. В частности, Павлодарский НПЗ полностью, а Шымкентский частично ориентированы на переработку западно-сибирской нефти [7, с. 20]. Экономически это выгодно казахстанским предприятиям, учитывая высокие экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты в России. Между странами было достигнуто согласие: Казахстан будет компенсировать выпадающие доходы российского бюджета поставками своей нефти в Россию. Описанная ситуация свидетельствует о том, что переход к единому таможенному пространству требует определённого периода адаптации, в ходе которого необходимо найти механизмы разрешения возникающих противоречий, учитывающие интересы сторон.

Структурные эффекты ТС ожидалось в виде рационального использования трудовых ресурсов, производственной и инфраструктурной кооперации, взаимных инвестиций. Эффекты в использовании трудовых

ресурсов характеризуются через показатели миграции. В последние годы в этой сфере отношений России и Казахстана прослеживается разница в интенсивности миграционных потоков. За период с 2000 по 2010 год эмиграция из Казахстана в Россию уменьшилась в 4,1 раза, а эмиграция из России в Казахстан – в 2,8 раза. Это привело к сокращению удельного веса прибывших из Казахстана в общем количестве прибывших в Россию из других государств: с 35% в 2000 г. до 15% в 2010-м. Одновременно с этим доля прибывших из России в Казахстан в общем числе прибывших в эту страну из других государств увеличилась с 12% в 2000 г. до 21% в 2010-м. Налицо качественные изменения в миграционных потоках между Россией и Казахстаном в пользу последнего.

Отмена таможенных барьеров должна была повысить экономическую активность хозяйствующих субъектов в приграничье. Однако существенных сдвигов не произошло. Удельный вес валового регионального продукта (ВРП) казахстанских регионов в валовом продукте страны увеличился с 2007 по 2010 год с 37% до 40%. В то же время ВРП российского приграничья в валовом продукте РФ уменьшился с 21% в 2007 г. до 20% в 2010-м [7, с. 28]. Сказалось негативное влияние мирового финансового кризиса, за период которого совокупный валовой продукт приграничья снизился почти на четверть. При этом ВРП в казахстанских приграничных областях сокращался меньше, чем в российских [7, с. 26].

Институциональные эффекты ТС возникают в силу принятия правовых актов, соглашений стран участников, а также создания наднациональных, органов взаимодействия и кооперации.

Специалисты выделяют краткосрочные и долгосрочные эффекты от функционирования ТС: краткосрочные проявляются в виде оживления экономической активности по обе стороны границы; долгосрочные – в виде выравнивания показателей социально-экономического развития. При этом индикатором действия институциональных эффектов выступает динамика роста и уровня цен и зарплат населения.

На практике институциональные эффекты ТС проявились в виде выравнивания темпов инфляции в приграничных регионах России и Казахстана. В настоящее время в российско-казахстанском приграничье завершается первичное сглаживание различий в уровне цен. За период с 2007 по 2011 год происходило увеличение стоимости электричества, бензина, говядины

[7, с. 34]. Однако по большинству остальных товаров выравнивания цен не происходило, но наблюдалась их дифференциация внутри регионов. Показательно, что разница в уровне цен на основные продукты между российскими пограничными регионами (за исключением бензина) была больше, чем между казахстанскими приграничными регионами. При этом среднелюшевые денежные доходы в приграничных казахстанских регионах, за исключением Атырауской области, были существенно ниже, чем в российских, а среднелюшевые денежные доходы большинства российских приграничных регионов, за исключением Тюменской и Челябинской областей, были ниже, чем в среднем по РФ. Нежелательный, с точки зрения потребителя, рост цен объективно способствовал повышению активности казахстанского бизнеса.

Таким образом, приведённые факты свидетельствуют о сохраняющейся разнице в потенциале приграничных российских и казахстанских областей. При этом субъекты РФ, производящие экспортные товары, продолжают ориентироваться на рынки третьих стран. Мешают экономическому сотрудничеству неразвитость и низкое качество транспортной инфраструктуры в приграничье двух стран, прежде всего автомобильных дорог и авиасообщения. Необходимо срочно создавать систему информационно-аналитического сопровождения проектов, реализуемых регионами.

Сдерживает развитие экономических связей и отсутствие в правовой базе двух стран специальных законов о приграничном и о межрегиональном сотрудничестве, а также совместных координирующих органов на уровне регионов и муниципальных образований. Это приводит к тому, что основная часть решений по-прежнему принимается «центром». Объективные трудности на пути углубления интеграции России и Казахстана и лонгитюдный характер проявления её положительных эффектов обусловили некоторое снижение числа сторонников Таможенного союза и единого экономического пространства среди казахстанцев. Если в 2013 г. к этим институтам относились положительно 90% респондентов, то в 2014 г. – 88%. Доля отрицательно настроенных выросла с 4-х до 6%. В России наблюдается обратная тенденция: число приверженцев ЕврАзЭС и ТС в указанный период времени увеличилось с 89% до 91%, а противников – осталось неизменным – 5% [2, с. 59].

Тем не менее создание Таможенного союза открыло перспективу для более вы-

соких темпов экономической интеграции приграничных регионов и выравнивания уровня их развития. Взаимодействие регионов приграничья России и Казахстана обрело устойчивую динамику и перешло в формат межрегионального. Это ставит в повестку дня заключение новых межгосударственных и межрегиональных соглашений; необходимость более полной реализации совместных планов и программ; углубление кооперации хозяйствующих субъектов.

1. Абнасилова, К.К. Региональная интеграция как фактор экономического развития Республики Казахстан [Текст] / К.К. Абнасилова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 1. С. 94–96.
2. Задорин, И.В. Интеграционный барометр Евразийского банка развития. Доклад № 16 [Текст] / И.В. Задорин, Д.В. Мальцев. Санкт-Петербург, 2013. 102 с.
3. Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. Евразийская экономическая комиссия [Текст]. Москва, 2012. 40 с.
4. Лapidус, В.М. Интеграционные проблемы на постсоветском пространстве [Текст] / В.М. Лapidус // Обозреватель – Observer. 2013. № 2. С. 11–20.
5. Поболь, А.И. Экономический потенциал инновационного развития стран в интеграционных процессах СНГ, ЕвразЭС и ЕЭП [Текст] // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 1. С. 59–76.
6. Стрелкова, И.А. Мировая экономика [Текст]. Москва, 2013. 267 с.
7. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. [Текст]: доклад К.В. Онищенко [и др.]; отв. ред. Е.Ю. Винокуров. Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований, 2012. 56 с.

References

1. Abnasirova K.K. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta*, 2011, no. 1, pp. 94–96 (in Russian).
2. Zadorin I.V., Mal'cev D.V. *Integracionnyj barometr Evrazijskogo banka razvitija. Doklad no. 16. [Integration barometer of Eurasian development bank. Report #16]. St.Petersburg, 2013, 102 p.* (in Russian).
3. *Evrzijskaja jekonomicheskaja integracija: cifry i fakty. Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija [Eurasian economic integration: numbers and facts. Eurasian economic committee]. Moscow, 2012, 40 p.* (in Russian).
4. Lapidus. V.M. *Obozrevatel' – Observer*, 2013, no. 2, pp. 11–20 (in Russian).
5. Pobol' A.I. *Evrzijskaja jekonomicheskaja integracija*, 2012, no. 1, pp. 59–76 (in Russian).
6. Podschitano avtorom po: *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2012. Stat. sb.* [Текст]. Moskva: Rosstat, 2012. S. 113, 114.
7. Strelkova I. A. *Mirovaja jekonomika [World economy]. Moscow, 2013, 267 p.* (in Russian).
8. *Tamozhennyj sojuz i prigranichnoe sotrudnichestvo Kazahstana i Rossii. Doklad K.V. Onishhenko [Customs unity and border collaboration of Kazakhstan and Russia. K.V. Onishenko report]. St.Petersburg, Centr integracionnyh issledovanij, 2012, 56 p.* (in Russian).

UDC 327

THE EFFECT OF THE EURASIAN ECONOMIC COMMUNITY (EURASEC) AND THE CUSTOMS UNION (CU) ON THE RUSSIAN-KAZAKH BORDER COOPERATION

Zhundubaev Marat Kunisbajuly,
Akim of Lisakovsk,
Lisakovsk, Kazakhstan Republic.
E-mail: zhundubaev2011@mail.ru

Annotation

The author revealed impact of the Eurasian Economic Community and Customs Union on cross-border cooperation of Russia and Kazakhstan at the present stage in such areas as the strengthening of industrial cooperation, increase of investment appeal of regions, innovations. The most significant effects of this influence in trade and economic relations between the two countries, the institutional environment, the use of labor resources are analyzed.

Key concepts:

Russia,
Kazakhstan,
EurAsEC,
Customs Union,
cross-border and interregional cooperation,
integration.

УДК 327.8

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Халанский Игорь Викторович,

Киргизско-Российский
Славянский университет,
факультет международных
отношений,
кафедра политологии,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Бишкек, Киргизская Республика.
E-mail: igor_halanski@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору проблем и факторов, препятствующих развитию политических систем новых независимых государств региона Центральной Азии в современный период.

Ключевые понятия:

Центральная Азия,
новые независимые государства,
политическая система,
проблемы.

Сразу после распада СССР Запад стал проводить геополитическую идею о том, что та его часть, которая раньше называлась в русской исторической традиции Казахстан и Средняя Азия, теперь должна именоваться «Центральная Азия», как это принято в англосаксонской геополитической науке [5, с. 38–41]. И лидеры новых государств региона, не особенно раздумывая, приняли в повседневную политическую практику новое название. В этой самоидентификации (так же, как и в стремлении некоторых республик перейти на латинскую графику) отчасти просматривается нежелание новых независимых государств Центральной Азии считать себя частью российского (евразийского) цивилизационного пространства, отчасти усиливающаяся переориентация на ведущие страны Запада. Потребовалось определенное время, чтобы начать задумываться над тем, а есть ли она вообще, эта «Центральная Азия» [10, с. 67], поскольку в ней наблюдается «отсутствие устойчивых внутренних связей и внутреннего единства и отсутствие «скрепляющего ядра» [см.: 1], а структуры безопасности характеризуются как «многоуровневые, противоречивые и довольно расплывчатые» [8, с. 31].

Этнический подход определяет Центральную Азию как регион, населённый восточно-тюркскими народами, монголами и тибетцами, куда входят Синьцзян, тюркоязычные регионы юга Сибири, пять бывших советских среднеазиатских республик (хотя Таджикистан населён ираноязычными народами) и север Афганистана.

Географический подход включает в регион Монголию, Западный Китай, Пенджаб, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таёжной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии. Недостаток этого подхода – несоблюдение принципа «неделимости» государств.

Советский подход возник в связи делением СССР на экономические районы: в советской Центральной Азии выделялись два экономических района – Среднеазиатский (Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Киргизия) и Казахстанский – отсюда произошло привычное в советские времена словосочетание «Средняя Азия и Казахстан». До сих пор многие российские учёные вместо понятия «Центральная Азия» предпочитают говорить «Средняя Азия и Казахстан».

Исторический подход делит Центрально-азиатский регион на две части: евразийскую степную (казахско-кыргызскую)

и среднеазиатскую оседло-мусульманскую (узбекско-таджикскую). Условно граница между ними проходит по линии: южная граница Казахстана между Каспием и Аралом, немного восточнее Сырдарьи – хребет Каратау – гора Манас – границы между Чуйской, Таласской, Нарынской и Ошской, Джалал-Абадской областями Кыргызстана.

Практически все страны постсоветской Центральной Азии имеют ряд сходных черт, которые позволяют выделить их в отдельный феномен как по схожести социально-экономических и политических систем, так и по состоянию обществ. Именно такое внутреннее родство этих постсоветских государств обуславливает схожесть закономерностей в их развитии, которые в совокупности образуют внутренние факторы нестабильности их политических систем. В различных центрально-азиатских странах они проявляются по-разному – где-то больше (Кыргызстан, Таджикистан), где меньше (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан).

Одним из основополагающих внутренних факторов политической нестабильности в странах Центральной Азии выступает сложившаяся на сегодняшний день в регионе социально-экономическая ситуация. Данный фактор имеет для стран региона первостепенное значение, учитывая, что все они имеют крайне сложные проблемы экономического плана. В странах региона по большому счёту до конца не реализована ни одна крупная экономическая реформа. Экономические проблемы в основном заморожены, а путей выхода из этого состояния пока не найдено. Национальные правительства большинства постсоветских центрально-азиатских государств, за исключением, пожалуй, Казахстана, не смогли в достаточной степени привлечь в свои страны инвестиции, что существенным образом затрудняет структурную перестройку экономики. Аграрный сектор экономик центрально-азиатских стран, который изначально имел низкую доходность также не смог кардинально реформироваться. Учитывая, что в каждой стране региона значительная часть населения занята в сельском хозяйстве, уровень безработицы и бедности в регионе остаётся достаточно высоким. Вдобавок во всех центрально-азиатских странах в той или иной мере существует проблема слабой управляемости экономикой на уровне регионов. В некоторых случаях экономика той или иной страны находится под большим влиянием элитных группировок, фактически приватизировавших отдельные её сек-

тора и препятствующих проведению преобразований, могущих негативно повлиять на их положение.

Однако главная беда для большинства стран региона в данном случае заключается в том, что все вышеуказанные проблемы не только не решены, но не существует даже каких-либо серьёзно разработанных подходов к их решению, которые в большей своей части имеют тактический, сиюминутный, а иногда и откровенно популистский характер. Это поддерживает высокий уровень социальной напряжённости в центрально-азиатских обществах и, в свою очередь, оказывает или может оказать неблагоприятное воздействие на политическую стабильность в странах региона.

Другим основополагающим фактором политической нестабильности в странах Центральной Азии выступает нынешнее состояние их системы власти, политических элит и идеологии. Можно выделить ряд общих моментов, которые обнажают системные проблемы большинства государств региона.

Первая проблема заключается в неэффективном государственном управлении [6, с. 114–120], которое выражается в неспособности проводить масштабные реформы. Для большинства стран региона типичны проблемы, связанные с совмещением различных моделей управления – формальной и неформальной (традиционной), что способствует разрастанию коррупции и быстрому расслоению общества на богатых и бедных. «Клубок» текущих проблем приводит большинство стран Центральной Азии к неспособности мобилизации ресурсов в сторону реального решения экономических задач, т.к. это предполагает перераспределение собственности и национальных активов, которые неминуемо должны попасть в руки обладающих властью групп, не заинтересованных в развитии национальной экономики, а предполагающих только изъятие из неё доходов. В результате доминирование интересов властных или аффилированных властью элит зачастую идёт вразрез с национальными интересами.

Вторая проблема системы власти, политических элит и идеологии [2, с. 21–53] стран Центральной Азии заключается в неэффективной структуре самой власти, которая продуцирует конфликты. К сожалению, элиты в большинстве стран Центральной Азии в целом не смогли адаптироваться к новым условиям. Поэтому их действия во многом направлены на стро-

ительство замкнутой системы, что приводит к приоритету краткосрочных целей над долгосрочными, а именно – к приоритету сохранения власти над стратегическими задачами развития страны. В результате закрытость политической жизни становится одной из главных проблем большинства центрально-азиатских обществ. Другой причиной неэффективности структуры власти в большинстве стран Центральной Азии является то, что для них характерна замкнутость власти на себе и отсутствие механизмов обновления элит. Опора на постоянную перегруппировку элит (без их обновления) ведёт к неизбежному сохранению существующих негативных тенденций в развитии системы власти. Низкий уровень эффективности структуры власти в большинстве центрально-азиатских стран обусловлен также недостатком выборных механизмов, который приводит к перекосам в распределении элит и возникновению групп элит, образованных по региональному и клановому признаку. При наличии чётко выраженных региональных различий, что проявляется в наличии кланов, основанных на этом принципе, властная система оказывается подверженной конфликтам на региональной основе.

Третья проблема системы власти, политических элит и идеологии стран Центральной Азии заключается в небольшом доверии власти со стороны общества. Практика показывает, что центрально-азиатские режимы в своих действиях в минимальной степени опираются на общество. Низкий уровень доверия власти со стороны общества в некоторых центрально-азиатских странах подпитывается также постоянным контролем за СМИ, что приводит к серьёзному ограничению свободы слова. В таких условиях общество оказывается не только в идеологическом, но и просто в информационном вакууме. Вследствие этого в государствах региона то и дело возникает опасность формирования деструктивных политических идеологий.

Четвёртая проблема в состоянии системы власти, политических элит и идеологии стран Центральной Азии заключается в том, что не созданы устойчивые политические системы [9, с. 85–107], ориентированные на будущее в плане их способности к самовоспроизводству. Во многих случаях у власти не хватает для этого институциональных источников и процедурных механизмов легитимности. Зачастую правящие группы и политическая система в целом демонстрируют неспособность к комп-

ромиссу. Другими словами, в действиях правящих групп наблюдается отсутствие легальных механизмов компромисса. В такой ситуации центральноазиатские режимы оказываются в своеобразной ловушке, когда, с одной стороны, для сохранения стабильности требуется ужесточать систему и тем самым наращивать потенциальную конфликтность как в среде элит, так и в обществе, а с другой – шаги по реальному и стратегическому выходу из проблемной ситуации, осуществлённые слишком быстро, могут привести к масштабной дестабилизации и угрозе для самих элит.

Пятая проблема в состоянии системы власти, политических элит и идеологии стран Центральной Азии заключается в том, что в условиях неразвитости гражданского общества участие широких масс населения в политическом процессе во многих случаях носит ограниченный характер и процесс принятия решений происходит без участия субъектов гражданского общества, исключительно на уровне элит. Именно это обстоятельство приводит к неустойчивости большинства центрально-азиатских режимов. В результате борьбы спонтанно возникающих групп интересов на внутривнутриполитическом поле стран Центральной Азии происходят заметные внутриэлитные подвиги. Под влиянием этих процессов идёт процесс становления многополярной конструкции элитных группировок, через которую последние пытаются защитить свои интересы, стремясь обеспечить себе доступ к властным ресурсам [11, с. 5–14]. Образующиеся в результате этого так называемые «неформальные центры политического влияния» постепенно начинают играть определяющую роль в развитии политических процессов. Игнорирование интересов этих «неформальных центров влияния» может представлять угрозу правящим элитам центральноазиатских стран и негативным образом повлиять на устойчивость их переходных режимов. Практика последних лет показала, что такой сценарий политического развития в ряде государств Центральной Азии является вполне реальным. Будучи по своей сути радикальным, этот сценарий дважды привёл к смене власти в Кыргызстане [см.: 3; 4].

Шестая проблема системы власти, политических элит и идеологии стран Центральной Азии заключается в том, что вплоть до настоящего момента практически все центрально-азиатские общества развиваются в условиях определённого идеологического вакуума. К сожалению, в большинстве

стран региона государство пока не смогло предложить населению никаких серьезных основ и концептов для формирования национальной идеологии и национальной идентичности. Ускорить этот процесс могло бы развитие идеологии «нации – государства» и гражданского общества, но пока они фактически развиты слабо или даже отсутствуют. В таких условиях в центрально-азиатских обществах существуют только две альтернативные идеи – исламская доктрина и этническая идея. Причём протест против власти может привести только к их быстрому оформлению. Религиозную идею уже сегодня можно назвать полностью развитой и «готовой к немедленному использованию». При этом представляется неизбежным, что в случае расширения социального ареала этой идеи она начнёт переходить к форме политических требований. Этническая компонента также продолжает оставаться одной из определяющих в нынешнем социально-идеологическом развитии центральноазиатских стран. Этому способствует несформированность в них идеологии «нации – государства», которая предполагает доминирование в массовом сознании населения гражданской идентичности над этнической идентичностью. Как представляется, в указанных проблемах нынешнего социально-идеологического развития центрально-азиатских обществ скрыты одни из главных угроз для стран региона. Это ставит перед властями государств Центральной Азии задачи корректировки действующих идеологических символов и поиска новых идеологем, которые могут обеспечить устойчивость их нынешних переходных политических режимов [см.: 12].

Общая нестабильность политических режимов в центрально-азиатском регионе по сути связана с тремя основными факторами. Во-первых, кризис идентичности и конфликт двух базовых ценностей переходного периода – демократии и национализма [13, р. 122–129]: первая предполагает неограниченные возможности гражданского и правового самоопределения, вторая, напротив, ставит во главу угла принцип национального самоопределения и суверенитета.

Седьмая проблема связана с фактором фундаментальной нестабильности и трудностью для стран региона перейти от этнической трактовки нации к концепции гражданской нации. Например, этот фактор привёл к распаду многонациональных государств Восточной Европы и поставил те же проблемы перед центрально-азиатскими государствами, напрямую столкнувшихся с угрозой распада

и феноменом «самопровозглашенных государств». С этих позиций неоднократно обсуждался вопрос о территориальной целостности и возможных сценариях распада таких государств, как Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан, ситуацию в которых определяли как «несостоявшиеся государства».

Восьмой проблемой государств региона стал кризис легитимности постсоветских режимов, элиты которых пришли к власти на волне национального и демократического подъёма 1990-х гг., связанного с падением коммунизма, но сохранили формы и методы управления, свойственные предшествующей эпохе. Столкновение завышенных ожиданий с реальностью привело к росту отчуждения общества и власти. Неспособность режимов найти адекватное разрешение трудностей породило в некоторых из них (Кыргызстан) феномен «цветной революции» – соединение социального протеста с идеологией правовых преобразований.

Ответы на этот вызов, предложенные в странах региона, оказались различны и включали три стратегии политико-правовой модернизации: осуществление конституционной революции с целью быстрого перехода к демократическим формам правления (Кыргызстан); проведение отдельных конституционных реформ без изменения существа авторитарного режима (Казахстан); наконец, осознанный отказ от реформ во имя сохранения стабильности и предсказуемости ситуации (Таджикистан и Узбекистан) или модернизации авторитаризма под влиянием ряда внешних и внутренних факторов (Туркмения).

Девятой проблемой стала трудность формирования основ демократической (конституционной) политической системы в виде гражданского общества, разделения властей, отделения власти от собственности, создания независимой судебной системы, многопартийности, институтов правового государства, обеспечения конкурентной политической среды и меритократической элиты. В ходе конституционных кризисов постсоветского периода эти вопросы были поставлены, но не получили адекватного разрешения. В большинстве случаев они сводились к выбору формы правления – парламентской, президентской или смешанной. Следует констатировать, что страны Центральной и Восточной Европы (впрочем, не без поддержки Евросоюза) отдали однозначное предпочтение парламентским или парламентско-президентским формам, в то время как евразийские политические режимы – президентские или президентско-парламентские. Ключевое значение имел поиск альтернативы российской

модели президентско-парламентской формы правления, которая на деле выступает как режим сверхпрезидентской власти. Опыт показал, однако, что при всём разнообразии избранных моделей, ни одна из них не решила проблему политической стабильности. Это актуализировало опыт обращения к парламентской форме правления (Кыргызстан), парламентско-президентской или президентско-парламентским формам (Казахстан) или легитимации традиционалистских авторитарных режимов как президентских (Туркмения) [см.: 7].

Опыт показал, что при всем разнообразии избранных моделей ни одна из них не решила проблему политической стабильности. Парламентская форма правления, функционировавшая в некоторых постсоветских странах при господстве одной партии, оказалась деструктивным фактором в условиях партийного раскола и неспособности формирования правительства общественного доверия и выборов президента. Обращение к парламентаризму в условиях политического и этнического противостояния (Кыргызстан) сталкивается с проблемой взаимодействия кланов и консолидации власти. Формальная трансформация президентско-парламентской системы в парламентско-президентскую (Казахстан) или включение отдельных её элементов в повестку реформ мало что изменяет в механизме власти и управления при сохранении режима мнимого конституционализма и абсолютного контроля главы государства над всей политической системой (через правящую партию). Самыми «стабильными» в этом смысле оказались режимы Средней Азии, которые вообще не проводили реформ (Узбекистан), отказались от них в силу опасения дестабилизировать систему (Таджикистан), либо свели их к модернизации авторитаризма (Туркмения). В конечном счёте дилемма выбора между «свободой» (парламентский режим) и «порядком» (президентский режим) свелась к выбору между политической нестабильностью и авторитаризмом в виде различных вариантов плебисцитарных режимов (с выраженной тенденцией к имперскому типу президентской власти с персоналистским стилем правления).

Таким образом, без своевременного решения всех вышеуказанных проблем и учёта сопутствующих им факторов задача безболезненной трансформации стран Центральной Азии в сторону создания в них более устойчивых политических систем будет ещё долго оставаться в повестке дня действующих режимов.

1. Алексеева, Н.Н. Средняя или Центральная Азия [Электронный ресурс] / Н.Н. Алексеева, И.С. Иванова. URL: <http://www.analitica.org> (дата обращения: 09.12.2013).

2. Клинов, А.А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии [Текст] / А.А. Клинов. Москва-Бишкек, 2009. С. 21–53.

3. Князев, А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии [Текст] / А.А. Князев. Алматы, Бишкек, 2005. 250 с.

4. Князев, А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории) [Текст] / А.А. Князев. Бишкек, 2012. 419 с.

5. Кузьмин, Н. Борьба за смысл важнее смысла [Текст] / Н. Кузьмин // Эксперт Казахстан. 2008. № 39. С. 38–41.

6. Курманов, И.З. Трансформация законодательной власти в Кыргызской Республике в условиях глобализации (в сравнении с зарубежными странами) [Текст] / И.З. Курманов: дисс. ... к. полит. наук. Бишкек, 2013. С. 114–120.

7. Медушевский, А.Н. Политические режимы Центральной Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации [Электронный ресурс] / А.Н. Медушевский / The Soviet Legacy and Nation-Building in Central Asia. URL: http://www.eurasiacenter.org/data/ftp/2011_4차중양아국제/Andrey%20.%20Medushevskiy.pdf (дата обращения: 09.12.2013).

8. Морозов, Ю. Перспективы сотрудничества организаций и союзов в целях обеспечения стабильности и безопасности в Центрально-Азиатском регионе: взгляд из Москвы и Лондона [Текст] / Ю. Морозов, Р. Макдермотт // Центральная Азия и Кавказ: Журнал социально-политических исследований. 2008. №6 (60). С. 31.

9. Павлов, Е.В. Политическая система переходного общества в условиях глобализации: Центрально-Азиатская специфика [Текст] / Е.В. Павлов. Москва-Бишкек, 2008. С. 85–107.

10. Суяубаев, М. Геополитические векторы экономической интеграции Кыргызстана в мировую экономику [Текст] / М. Суяубаев / Управление государственным сектором в целях развития в переходный и постпереходный период: Материалы научно-практической конференции. Бишкек, 1997. С. 67.

11. Халанский, И.В. О векторе национальных интересов стран Центрально-Азиатского региона [Текст] / И.В. Халанский // Центрально-Азиатский регион: современная политическая и социально-экономическая динамика. Бишкек, КРСУ, 2011. С. 5–14.

12. Шоманов, А.Ж. Концепции и подходы к региональной безопасности: опыт, проблемы и перспективы взаимодействия в Центральной Азии [Текст] / Материалы IV ежегодной Алматинской конференции (7 июня 2006 г.). URL: <http://analitika.org/ca/politics/1196-20061025230747428.html> (дата обращения: 09.12.2013).

13. Halanskii, I.V. Ethnocentrism and Problem of Central Asian Integration: Current Status [Text] / I.V. Halanskii, N.R. Han // The Copernicus Journal of Political Studies. 2012. № 1(1). P. 122–129.

References

1. Alekseeva N.N., Ivanova I.S. *Srednjaja ili Central'naja Azija* [Middle or Central Asia]. URL: <http://www.analitica.org> (accessed: 09.12.2013) (in Russian).

2. Klintov A.A. *Diskurs politicheskikh arhetipov v mezhdunarodnyh otnoshenijah postsovetских*

gosudarstv Central'noj Azii [Discourse of political archetypes in international relations of post-soviet states of Central Asia]. Moskva-Bishkek, 2009. S. 21–53 (in Russian).

3. Knjazev A.A. *Gosudarstvennyj perevorot 24 marta 2005 goda v Kirgizii*. Almaty, Bishkek, 2005. 250 s (in Russian).

4. Knjazev A.A. *Vektory i paradigmy Kirgizskoj nezavisimosti (ocherki postsovetskoj istorii)* [Vectors and paradigms of Kirghiz independence (essays of post-soviet history)]. Bishkek, 2012. 419 s (in Russian).

5. Kuz'min N. *Bor'ba za smysl vazhnee smysla* [Fight for meaning is more important than meaning] // Jekspert Kazahstan. 2008. № 39. S. 38–41 (in Russian).

6. Kurmanov I.Z. *Transformacija zakonodatel'noj vlasti v Kyrgyzskoj Respublike v uslovijah globalizacii (v sravnenii s zarubezhnymi stranami): dis. ... kand. polit. sciences*. Bishkek, 2013. S. 114–120 (in Russian).

7. Medushevskij A.N. *Politicheskie rezhimy Central'noj Azii: konstitucionnye reformy v ramkah avtoritarnoj modernizacii* [Political modes of Central Asia: constitutional reforms within the framework of authoritarian modernization] // The Soviet Legacy and Nation-Building in Central Asia. URL: http://www.eurasiahub.org/data/ftproot/2011_4차중앙아국제 / Andrey%20.%20 Medus hevskiy.pdf (accessed: 09.12.2013) (in Russian).

8. Morozov Ju., Makdermott R. *Perspektivy sotrudnichestva organizacij i sojuzov v celjah obespechenija stabil'nosti i bezopasnosti v central'no-aziatskom regione: vzgljad iz Moskvy i Londona* [Prospective of cooperation of organizations and unities for maintain stability and sefaty in Central Asian region: view from Moscow and London] // Central'naja Azija i Kavkaz: Zhurnal social'no-politicheskikh issledovanij. 2008. №6 (60). S. 31. (in Russian).

9. Pavlov E.V. *Politicheskaja sistema perehodnogo obshhestva v uslovijah globalizacii: central'no-aziatskaja specifika* [The Political system of transitional society in the conditions of globalization: Central Asia specific]. Moskva-Bishkek, 2008. S. 85–107 (in Russian).

10. Sujunbaev M. *Geopoliticheskie vektory jekonomicheskoj integracii Kyrgyzstana v mirovuju jekonomiku* // Upravlenie gosudarstvennym sektorom v celjah razvitija v perehodnyj i postperehodnyj period: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. Bishkek, 1997. S. 67 (in Russian).

11. Halanskij I.V. *O vektore nacional'nyh interesov stran central'no-aziatskogo regiona* [About vector of national interests in Central Asia] // Central'no-Aziatskij region: sovremennaja politicheskaja i social'no-jekonomicheskaja dinamika. Bishkek, KRSU, 2011. S. 5–14 (in Russian).

12. Shomanov A.Zh. *Koncepcii i podhody k regional'noj bezopasnosti: opyt, problemy i perspektivy vzaimodejstvia v central'noj Azii* [Concepts and approaches to national security: experience, problems and prospective in Central Asia]. URL: <http://analitika.org/ca/politics/1196-20061025230747428.html> (accessed: 09.12.2013) (in Russian).

13. Halanskij I.V., Han N.R. *Ethnocentrism and Problem of Central Asian Integration: Current Status* // *The Copernicus Journal of Political Studies*. 2012. № 1 (1). P. 122–129 (in English).

UDC 327.8

THE PROBLEMS OF POLITICAL SYSTEMS OF NEW INDEPENDENT COUNTRIES IN CENTRAL ASIA

Khalanskiy Igor Viktorovich,

Kyrgyz and Russian Slavic University, the Faculty of International Relations, the Chair of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bishkek, Kyrgyz Republic. E-mail: igor_halanskii@mail.ru

Annotation

The article is devoted to analysis of problems and factors hinder political systems of new independent countries in Central Asia nowadays.

Key concepts:

Central Asia, new independent countries, political system, problems.

УДК 323 + 323.174

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ*

Щербаков Алексей Юрьевич,
Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: alll_rubicon@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей развития региональной идентичности в Челябинской области на современном этапе. Анализируются действия региональных элит: по обеспечению собственной легитимности; по созданию символов и образов территории. Определяются факторы, оказывающие влияние на формирование потребностей населения области в самоидентификации. Выделяются периоды формирования региональной идентичности.

Ключевые понятия:
региональная идентичность,
Челябинская область,
официальная символика,
символы территории,
губернатор.

Методологические проблемы исследования региональной идентичности постоянно становятся объектом внимания научного сообщества [16, 21 и др.]. Применительно к отечественным реалиям при исследовании идентичности по материалам отдельных регионов (субъектов) России фиксируется множество разнообразных подходов. Это в большей мере обусловлено тем, что каждый регион обладает своим уникальным набором атрибутов, а также различными сферами научных интересов непосредственно исследователей. Несмотря на множество существующих отличий в подходах, трансформация политической жизни регионов, осуществляемая федеральным центром на протяжении всего современного периода, определяет смену периодов развития региональных идентичностей, а также влияет на ряд иных системных факторов, оказывающих влияние на динамику идентификационных процессов, которые в данном исследовании будут рассмотрены на примере Челябинской области.

События, связанные с распадом СССР, характеризуются одновременным появлением как межгосударственных границ, так и актуализацией административных границ внутри нового Российского государства. И эти внутренние границы мгновенно перестали быть некоторой управленческой формальностью, но стали отчётливо наблюдаемой политической реальностью. Административные границы разделили население страны на жителей существенно отличающихся друг от друга регионов. Отличия обнаружили сразу же и в различных сферах: правовом статусе субъектов, экономическом потенциале регионов, наличии ресурсной и производственной базы, уровне жизни и т.д. Наглядным примером экономической и политической значимости возникших межрегиональных границ является тот факт, что в начале 90-х годов среди региональных властей была распространена практика принятия локальных решений об ограничении (запрете) вывоза товаров с территории субъекта. Впоследствии для преодоления таких решений в Конституции РФ была предусмотрена статья 74, запрещающая установление каких-либо региональных препятствий к перемещению товаров, отнеся такие полномочия исключительно к ведению федеральных властей [9].

Одновременно с этим региональные политические элиты прикладывали значительные усилия для увеличения числа этих отличий через формулирование новых ат-

*Статья подготовлена при поддержке научного проекта 13-06-96004 "Глобальный потенциал региональной идентичности".

рибутов уникальности своих регионов, в том числе через создание новой официальной символики, которую современные исследователи справедливо относят к проявлениям идентичности [11, с. 7; 19, с. 116; 17, с. 21], и в первую очередь к её политической составляющей. Актуальность создания новых официальных символов для региональных властей была продиктована рядом следующих причин:

во-первых, на территории бывшего РСФСР сформировалось новое государство с иным политическим режимом и формой государственного устройства;

во-вторых, провозглашение демократических ценностей, а также федеративное устройство образовавшегося государства, требовали от региональных элит обеспечить легитимацию своего статуса посредством демократических процедур и её соответствующего символического закрепления;

в-третьих, процессы легитимации новой политической элиты, которые происходили на фоне непрекращающейся критики и демонстративного отречения от ценностей распавшейся советской империи, не могли поддерживаться старыми отвергаемыми символами.

Необходимо отдельно выделить то обстоятельство, что становление нового Российского государства происходило на фоне всплеска национального (этнического) самосознания и последовавшего за ним так называемого «парада суверенитетов». Данный факт позволяет предположить, что создание собственных символов государственности для отдельных регионов в составе нового государства приобретает первостепенное значение, целями которого в равной степени являются обеспечение необходимого уровня легитимности политического руководства территории и закрепление правового статуса субъекта (республики) по отношению к федеральному центру.

Таким образом, являясь одним из наиболее эффективных инструментов для обозначения собственной уникальности среди де-юре равных между собой регионов, официальная символика в первую очередь была востребована в регионах, для которых формирование территориальной общности населения осуществлялось на базе явно выраженных региональных уникальностей. Такими регионами стали территории с ярко выраженными этническими особенностями, стремящиеся символически оформить полученный от федерации суверенитет.

Не случайно в период 1991–1994 годов все национальные республики, входившие в состав Российской Федерации, на уровне региональных нормативных актов закрепили первые символы своей государственности – флаги. Исключение составила только Мордовия, узаконившая свой флаг годом позже (1995).

Выражение отличий и уникальности своих территорий в официальных символах (гербах, флагах, гимнах) являлось актуальным и для отдельных субъектов Федерации с преобладающим русским населением. Например, для Тюменской области из-за неразрешённых вопросов о статусе входящих в её состав автономных округов или для Свердловской области, в 1993 году заявившей свои претензии на равные с национальными республиками полномочия и нуждавшейся в символическом закреплении этого равноправия и т.д. Но всё же для большинства российских регионов, по мнению исследователей, в частности Р. Туровского, Ю. Росича, процесс установления официальной символики проходил долго и сопровождался различными трудностями [20; 15].

Одним из таких регионов стала Челябинская область. Как и во всех других регионах страны, являясь одним из ключевых официальных символов региона, герб Челябинской области закономерно нуждался в существенном обновлении (изменении) и приведении в соответствие с новыми политическими реалиями или возможно представлениями региональных властей об этих реалиях. Вместе с тем чиновники Челябинской области дольше всех соседних регионов, также входящих в состав Уральского федерального округа, создавали свои официальные символы.

Рассматривая события, предшествующие появлению региональной символики в Челябинской области, можно предположить, что региональная идентичность, как инструмент эффективной межрегиональной конкуренции за внешние ресурсы, а также повышения уровня собственной легитимности принимающими решения акторами не рассматривалась. Об этом явно свидетельствует тот факт, что работа по созданию нового герба региона была завершена только через 6 лет после её начала. За это время было проведено четыре конкурса по разработке символов региона. Но и сегодня, спустя почти 19 лет, общественная дискуссия о региональном символе – гербе Челябинской области – не прекращается.

Впервые этот вопрос встал ещё в 1995 году, когда была создана рабочая группа по разработке проекта закона «Об

официальных символах Челябинской области».

На первый тур конкурса в 1996 году было представлено 74 проекта областного герба, но из-за невысокого профессионального уровня работ конкурсантов ни один из представленных проектов жюри конкурса отобран не был. Аналогичным результатом закончился и второй тур конкурса, проведённый в 1998 году.

В декабре 1999 года на третьем этапе конкурса членам жюри удалось определиться с победителем. Победившим проектом стал предложенный Вячеславом Старцевым проект герба с изображением золотого крылатого льва с головой гончего пса (семаргла), держащего за клинок меч острием вниз, щит герба увенчан золотой российской земельной короной с двумя золотыми соболями (щитодержателями), стоящими на скалах, поверх которых положена лента ордена Ленина. Данный проект получил не только практически единогласное одобрение со стороны конкурсного жюри, но и в целом положительное заключение экспертизы Геральдического совета при Президенте Российской Федерации [18].

Вместе с этим победивший проект вызвал оживлённую дискуссию в СМИ региона. Наиболее ярким противником семаргла в региональной символике стал Владимир Богдановский, являвшийся директором творческого объединения «Каменный пояс» и членом жюри по созданию официальных символов Челябинской области. В числе основных аргументов против герба В. Старцева им приводились такие:

во-первых, несоответствие символа крылатой собаки («закавказского символа быстрого завоевания») традиционному населению Челябинской области – «ремесленникам» и крестьянам;

во-вторых, указывалось на необходимость соблюдения правил геральдики: «Исполнительную власть Челябинской области возглавляет губернатор. Значит, у нас должен быть губернский герб. По правилам геральдики П.П. Винклера щит герба губернского города, обрамлённый дубовыми ветвями, соединёнными Андреевской лентой, водружённой над щитом имперской короной, – это и есть губернский герб» [5];

в-третьих, В. Богдановский акцентировал внимание челябинской общественности на том обстоятельстве, что победивший в конкурсе проект содержит элементы герба соседней Свердловской области (соболей), тем самым подразумевается подчинение одного региона другому. Усугубляет

ситуацию, по его мнению, и то обстоятельство, что сам разработчик проекта В. Старцев и научный консультант жюри В. Кондурин являются жителями Екатеринбурга.

Поддержку позиции В. Богдановского негласно демонстрировал и региональный лидер: «Губернатор, например, за неимением «своей» гербовой бумаги «пишет» на бланках, украшенных верблюдом – символом города Челябинска. Правда, у города этот герб венчает крепостной венец, а на бумагах губернатора – царская корона» [6].

Вследствие серии критических публикаций, инициированных противниками проекта, победившего на конкурсе, герб с семарглом в Челябинской области остался не востребован.

После ещё одного неудачного конкурса по созданию регионального символа, в декабре 2001 года, областное Законодательное Собрание уже без конкурса утверждает конечный его вариант, разработанный в федеральном центре специалистами из Союза геральдистов России. В результате многолетней работы и широкого общественного дискурса в качестве символа, отражающего историю, традиции, самобытность всех жителей Челябинской области, был назначен «навыюченный серебряный двугорбый верблюд с золотой поклажей – выносливое и благородное животное, внушающее почтение и аллегорически показывающее мудрость, долголетие, память, верность, терпение» [13].

Явный отказ региональных властей от самостоятельного определения официального символа, а также от осуществления иных действий по формированию региональной идентичности может объясняться рядом причин.

Во-первых, в ходе рассматриваемого периода регионы еще не были поражены в правах в части распределения налоговых и иных доходов бюджета. Вплоть до 2001 года, до момента принятия федеральным центром программы развития бюджетного федерализма, существовавший промышленный и соответственно экономический потенциал Челябинской области позволял региональным властям формировать бюджет в объёме, достаточном для того, чтобы обеспечивать выполнение своих функций. Элиминация необходимости участия губернатора в межрегиональных конкурциях за привлечение дополнительных ресурсов из федерального центра соответственно избавляла его от и потребности в создании и продвижении уникальных свойств региона во внешнюю среду, в том числе его официальных символов.

Во-вторых, Челябинская область, как и большинство других регионов с преобла-

дающим этнически русским населением, не обладала какой-либо ярко выраженной уникальностью, укоренённой в сознании большинства её населения, на основе которой можно было создавать новую идентичность, альтернативную сохраняющейся советской.

В-третьих, вне зависимости от смены формы политического устройства государства, его административно-политической регионализации население Челябинской области на протяжении более десяти лет после распада СССР остаётся носителем левой идеологии, проявляя определённый консерватизм, который традиционно характерен для аграрных регионов [19].

Устойчивость коммунистической идентичности среди жителей региона отчётливо демонстрируют события 1993 и 1996 годов. В марте 1993 года Совет народных депутатов Челябинской области принимает решение о проведении выборов руководителя области. Несмотря на то, что областным судом это решение было признано незаконным, выборы состоялись. Действующий глава региона В.П. Соловьёв от участия в выборах отказывается, ссылаясь на их незаконность.

25 апреля во втором туре на выборах побеждает П.И. Сумин. Но победивший кандидат не может приступить к выполнению своих обязанностей даже после того, как результаты голосования были признаны законными в Конституционном суде РФ. Основная причина заключается в том, что П.И. Сумина отказывается поддерживать федеральный центр. Более того, в октябре того же года президент издает указ, сохраняющий за В.П. Соловьёвым полномочия губернатора Челябинской области, тем самым лишая П.И. Сумина должности избранного главы региона. В качестве оснований прошедшей отставки фигурируют версии того, что в событиях Августовского путча 1991 года он (П.И. Сумин) занял выжидательную позицию, а не поддержал призыв Б.Н. Ельцина. В.П. Соловьёв же наоборот «сразу же осудил действия гэкачепистов, выступил с соответствующим телеобращением к жителям области, поддержал указы Ельцина» [4].

На выборах губернатора Челябинской области, прошедших в 1996 году, П.И. Сумин выступает в качестве основного оппонента действующему главе В.П. Соловьёву [10, с. 69] и одерживает победу в первом туре.

Таким образом, можно констатировать, что демократические ценности, которые ассоциировались с действующим губернатором даже через продолжительный промежуток времени, не получили широкого распро-

странения среди населения региона. Следовательно, для П.И. Сумина эксплуатация образцов и ценностей распавшегося государства выступала вполне эффективным способом, чтобы поддерживать высокий уровень собственной легитимности. Это же обстоятельство может служить вполне адекватным объяснением того, что в период с 1996 по 2010 год региональные власти не предпринимали попыток сформулировать какие-либо новые уникальные символы территории, в том числе официальную символику.

К середине 2000-х результаты политики асимметричного развития регионов, проводимой федеральным центром, становятся ощутимыми и заметными для рядовых жителей территорий.

Данный период характеризуется снижением объёмов инвестиций, выделяемых федеральным центром большинству российских регионов, в том числе и Челябинской области. Регион получает инвестиции неравномерно, их размер уступает не только двум столичным агломерациям (Москве и Санкт-Петербургу) и нефтегазодобывающим регионам, но и соседней Свердловской области. За период 1999–2006 годов они выросли в Челябинской области в 1,8 раза (в сопоставимых ценах), в Свердловской области – в 2,9 раза, в среднем по России рост составил 2,1 раза.

Экономический кризис 2008 года показывает, что из потенциально перспективного региона Челябинская область становится регионом с моно-экономикой, состоящей из останавливающихся предприятий ВПК и металлургических производств, полностью зависимых от государственного оборонного заказа или мировой конъюнктуры цен на свою продукцию.

Ощутимее становятся различия в экономическом развитии Челябинской области с соседней, во многом схожей по степени урбанизации и концентрации промышленного производства, Свердловской областью. Где в отличие от своего соседа с начала 90-х, сразу после распада СССР, региональной элитой активно формируются и эксплуатируются образы региональной идентичности, которая трактуется как уральская [8]. Благодаря усилиям Э. Росселя Свердловская область становится не просто заметна, она очень хорошо видна из Москвы, начиная с 1993 года, когда возникла «уральская республика», претендовавшая на равные права с национальными регионами. Четко обозначенная и по сути монополизированная «уральскость» свердловчан позволяет им постоянно находиться

в фокусе внимания федерального центра: Международная выставка вооружений, Российский экономический форум, встречи глав государств России, Германии, Франции 1998 г. (не состоялась), России, Германии 2003 г., саммит ШОС и БРИК 2008, выставка ИННОПРОМ, мундиаль 2018, заявка на ЭКСПО 2020 и т.д.

К сожалению, этого же нельзя сказать о Челябинской области. В условиях постоянной зависимости от ресурсов, непосредственно распределяемых федеральным центром, регион оказывается не готов конкурировать за них на равных с другими субъектами Федерации. За время существования в постсоветском периоде региональными властями не были сформулированы уникальные особенности, которые при этом отчётливо бы фиксировались большинством жителей области. На фоне множества российских территорий регион выглядит не лучше и не хуже остальных, а прошедшие изменения в перераспределении бюджетных доходов с федеральным центром вынуждали его сливаться с провинциальным ландшафтом Российской Федерации, теряться среди множества. По сути, за более чем 15 лет (1991–2008) Челябинская область не приобрела и не сформулировала то, что можно предъявить, продемонстрировать федеральному центру. Не способствовала этому и существующая общедоинформационная повестка, благодаря которой образ территории «непрекращающегося военного эксперимента», источника глобальных потрясений, экологических и прочих катастроф: Кыштымская авария («Маяк», Теча, Муслюмово), Карабаш, солдат Сычёв, посёлок Роза, утечка брома в Челябинске, Чебаркульский полигон, «Торнадо», падение бомбардировщика СУ-24, метеорит и т.д. Даже относительно положительные знаковые международные события вроде антитеррористических учений Шанхайской организации сотрудничества «Мирная миссия – 2007», прошедшие в августе 2007 года, только усиливают этот образ, тем самым ещё больше снижая уверенность федерального центра в необходимости выделения каких-либо бюджетных средств на развитие региона сверх распределяемых лимитов.

В 2004 году после принятия федеральными властями решения об отмене прямых выборов глав регионов в политической жизни Челябинской области происходят существенные изменения. Губернатору, чтобы сохранить своё положение в качестве регионального главы, приходится сменить систему своих политических убеждений.

В октябре 2004 года П. Сумин отказывается от традиционной поддержки со стороны КПРФ и становится членом РПП «Единая Россия». Изменения в политическом позиционировании основного регионального актора закономерно влекут за собой смену транслируемых им во внутреннюю среду региона символов и ценностей. На смену остаткам идентичности советского периода приходит некая идеологическая пустота, которую региональные власти пытаются, аналогично федеральному центру, заполнить героико-патриотической риторикой из предыдущего исторического этапа развития Российского государства, что вполне соотносится с ранними коммунистическими установками губернатора. Во всяком случае им не противоречат.

В качестве объектов символического закрепления такой риторики в архитектуре «губернского города» появляются памятники и монументы воинской славы, такие как:

- в 2004 году на Аллее Славы открыт памятник «Доблестным сынам Отечества»;

- в 2005 году открыт монумент «Поклон тебе, сестричка»;

- в 2009 году в сквере на шоссе Металлургов открыт памятник «Солдатам необъявленной войны».

Вне зависимости от действий политического руководства субъекта начавшееся асимметричное развитие регионов, рефлексированное непосредственно населением, оказало стимулирующее воздействие на формирование социального запроса среди жителей Челябинской области на создание (изобретение) конкурентных преимуществ, которые позволили бы привлечь внешние ресурсы для повышения уровня жизни. Аналогично можно провести с феноменом, который фиксируют исследователи А.А. Анисимова и О.Г. Ечевская, отмечая, что региональная идентичность «сибиряк» – это обращение к «центру», сообщение, которое передают «простые люди», пытаясь обратить внимание центра на нужды и проблемы жителей Сибирского региона [1].

Предпосылки к возникновению осознанной потребности в обладании уникальными свойствами появляются в 2003 году, когда в Челябинске создается архитектурный объект – галерея скульптур на пешеходной зоне улицы Кирова. Несмотря на то, что множество представленных там фигур («Модница», «Щёголь на скамейке», «Профессиональный нищий», «Извозчик»

и «Чёрный тюльпан» (Розенбаум), «Художник у зеркального мольберта», «Саксофонист» и т.д.), используя определения В. Богдановского, отстаивающего схожие позиции с позициями областных властей по отношению к символам региона, не соответствуют традиционному населению Челябинской области – «ремесленникам» и крестьянам, обновлённая пешеходная зона гармонично влилась в повседневную жизнь горожан и жителей области.

При этом создание данного объекта нельзя отнести к целенаправленной деятельности муниципальных властей по формированию элементов идентичности. Подтверждением такому выводу может служить ответ В. Тарасова на вопрос журналиста газеты «Челябинский рабочий» о миссии мэра. В частности, он говорит: «Наверное, кто-то вспомнит о пешеходной улице, о Привокзальной площади, о наших дворах. Но всё это делается в первую очередь ради здоровья людей: физического и нравственного» [3]. То есть для городского главы художественный объект находится в одном ряду с другими объектами, подлежащими обустройству, и скорее всего является не более чем частью повседневной работы.

В целом характеризую методы, которых придерживался челябинский мэр в руководстве городом на протяжении долгого времени, отдельные политологи оценивают их как политический и административный застой. Сам же В. Тарасов, рассуждая о роли главы города, высказывал мнение, что мэр в первую очередь должен быть хозяйственником, а занятия политикой могут привести к негативным последствиям. Фактически для В. Тарасова, как и для главы региона, обеспечение собственной легитимности в большей степени заключалось через апелляцию к понятным и устоявшимся в массовом сознании ценностям советского периода.

Для городского же населения реконструкция пешеходной зоны оказалась более значимым событием. Новый арт-объект не просто был тепло принят жителями, он стал объектом для гордости. Говоря о «Кировке» Михаил Фонов отмечает, что «она – образ благополучия ... тем Кировка мила сердцу челябинца, особенно молодому, что она как бы «европейская» [22, с. 207]. Данные оценки челябинских журналистов позволяют говорить, что город получил свой первый современный символ, выходящий за рамки повседневного индустриального образа региона. А с учётом того, что столица региона, как правило, является центром административной и деловой активности, местом формирования основной

информационно-новостной повестки территории и в целом элементом символики региона, то можно утверждать, что «Кировка» стала неким уникальным символом для всех жителей Челябинской области.

На фоне запоздалого кризиса смены идентичностей, то есть окончательного отказа от советского ценностного наследия при полном отсутствии каких-либо альтернативных вариантов, способных хоть как-то его заменить, появление относительно нестандартного культурного объекта позволило жителям Челябинской области, в первую очередь её административного центра, отчётливо осознать некую обобщающую уникальность. Символическое значение появившийся архитектурный объект для региональных властей приобретает только после его принятия жителями города. Второе, укоренившееся в регионе название «Кировки» – «Челябинский Арбат», используемое даже на официальных ресурсах региональной власти, позволяет относить этот объект к числу неформальных «столичных» брендов, создание которых в определённой мере является действиями по формированию региональной (локальной) идентичности [14, с. 290].

Из других действий, осуществлённых главой города В. Тарасовым, которые подвигли челябинцев к тому, что бы в очередной раз задуматься над своей самостью, можно выделить избирательную кампанию по выборам мэра Челябинска 2005 года. В ходе этой кампании, в числе прочих предвыборных лозунгов, командой действующего мэра заявлялось, что «без Тарасова столица Южного Урала превратится в Екатеринбург – город трущоб и бомжей».

Анализируя предпосылки возникновения такого позиционирования кандидата в главы столицы региона, эксперты указывают, что возможная причина заключается в некой исторической конкуренции между Челябинском, Екатеринбургом и Пермью за право обладания титулом столицы Урала. Пермь из этой конкуренции на тот момент уже выбыла из-за включения в состав Приволжского федерального округа. В. Тарасов же, вероятно, решил зафиксировать победу Челябинска в этом споре через свои агитационные материалы.

Агитационная кампания, построенная на противопоставлении двух городов-миллионников, побуждала жителей Челябинска сравнивать свои условия проживания с условиями жизни в городе с явно опережающим уровнем экономического развития. Окончательный выбор большинства горожан сделал не в пользу действующего мэра, даже несмотря то, что многие факты

в агитационных материалах В. Тарасова подавались в адаптированном под интересы кампании в виде плохих екатеринбургских дорог, извечной грязи, обилия трущоб, высоких цен в магазинах, низкого культурного уровня горожан и так далее. Здесь закономерно будет предположить, что формулируемая и транслируемая городскими властями во внутреннюю среду некая уникальность (псевдоуспешность) города не была должным образом воспринята большинством городского населения. Наоборот несоответствие заявляемых качеств реальному положению дел спровоцировало рост протестных настроений. Комментируя результаты этих выборов, политолог О. Матвейчев говорит, что «люди, которые не собирались идти на выборы, пришли и проголосовали не столько за Юревича, сколько против Тарасова», аналогичную позицию высказывает и депутат Государственной Думы В. Гартунг.

С другой стороны, не менее обоснованно было бы предположить, что выбор стратегии противопоставления Челябинска Екатеринбургу продиктован иными причинами, не связанными со столичными амбициями. В ходе кампании командой действующего главы была предпринята попытка продемонстрировать недостатки ценностей новой политической системы, ярким олицетворением которой являлся Екатеринбург, и преимущества старых советских ценностей, олицетворяемых Челябинском, в котором их сохранял и поддерживал В. Тарасов и до определённого времени глава региона. Побудительным примером к выбору такой стратегии может служить история электоральных побед губернатора П. Сумина, который трижды демонстрировал, что в регионе старые ценности и символы разделяются большинством избирателей. При этом, на наш взгляд, поражение В. Тарасова в ходе предвыборной кампании в большей мере обусловлено отложенным кризисом региональной идентичности.

К 2004–2005 гг. разница между российскими регионами становится ощутимее, этому способствует множество факторов: проводимая федеральным центром политика бюджетного федерализма; развитие информационного пространства региона; расширение географии сети Интернет; возникновение межрегиональных информационных агентств и т.д. Деятельность областных властей по формированию элементов региональной идентичности ограничена установленным порядком назначения губернаторов, которая исключает необходимость

формирования символов региональной идентичности для поддержания легитимности региональных лидеров. Для Челябинской области ситуация осложнялась, как уже говорилось, ещё и тем, что после вступления П. Сумина в «Единую Россию» он вынужден был прекратить поддерживать остатки советской идентичности среди населения. Вполне закономерно, что кризис идентичности для населения Челябинского региона наступает именно в этот период.

В числе других особенностей Челябинской области необходимо отметить то обстоятельство, что причины, стимулирующие у жителей региона возникновение потребности в конкурентной самоидентификации, лежат не только в политической и экономической сферах жизни страны и региона. Одним из наиболее знаковых событий, побудивших челябинцев к поиску «самости», можно назвать всероссийский телевизионный проект «Наша Раша», вышедший на экраны в 2006 году, и в частности двух его персонажей – рабочих «труболитейного завода» из Челябинска Ивана Дулина и Михалыча. Несмотря на неоднозначное отношение самих жителей Челябинской области к этим персонажам, которое в первую очередь вызвано их девиантным поведением, Дулин и Михалыч, по сути, явили собой отражение восприятия метрополией этого региона.

Отвечая на вопрос о причинах, повлиявших на выбор места жительства этих персонажей, один из актёров скетч-сериала С. Светлаков говорит, что «прописали мы героев в Челябинске, потому что все знают – это край заводов и действительно очень суровых мужчин. Живя в Екатеринбурге, я не разделял этого мнения, но когда приехал в Москву, был удивлён, что именно так все и думают» [13]. Эпатажные персонажи «Нашей Раши» провоцируют региональных публицистов на ответный поиск и формулировку альтернативных региональных идентификаторов. В своём большинстве эти поиски сводятся к попыткам по-новому презентовать старые индустриальные символы советского периода: Танкоград, промышленное (стальное) сердце России, ЧТПЗ, Магнитка, ядерный щит и т.д. Другие авторы видят возможность формулирования отличия челябинцев от образов «Нашей Раши» через культурные региональные феномены: Олег Митяев, ВИА «Ариэль», джазовый оркестр «Уральский дискленд», театр «Манекен».

Очевидно, что эти поиски не приносят желаемого результата. Упоминания промышленных образов и достижений про-

шлого только усилили «суровый» образ региона, а культурные феномены настолько уникальны (единичны) для области, что едва ли могут рефлексироваться всем её населением в качестве обобщающей конкурентной отличительной особенности.

На фоне отсутствия каких-либо заметных действий региональных властей по формированию символов конкурентных преимуществ во второй половине 2000-х годов население региона само активно включается в этот процесс, пытаясь выделиться и стать первыми любыми доступными способами.

В сентябре 2008 года в честь дня города состоялась акция «Челябинск улыбается миру», более 9500 человек, одетых в жёлтые плащи и кепки, выстроились в огромный смайл (графическое жёлтое улыбающееся лицо) диаметром 75 метров.

По мнению организаторов акции из клуба челябинских брендов, «это событие – еще одно доказательство, что Челябинск растёт, развивается, и ему есть, что показать на мировом уровне... это повод для всех жителей города собраться под объективом спутника и показать всему миру свою сплочённость, дружелюбие и силу» [23].

В декабре 2009 года Челябинск становится городом самого большого Деда Мороза: памятник «Сказ об Урале» (12-метровая скульптура) наряжен в новогодний костюм, на который было израсходовано 130 метров бархата и 30 метров меха. В 2010 году этот же памятник наряду с костюмом был облачён в 74-метровую бороду.

В 2009 году в Миассе открывают парк самых больших в мире канцелярских товаров, один из экспонатов которого, а именно скрепка высотой 9 метров, в 2011 году попадает в книгу рекордов Гиннеса.

В апреле 2010 года в зоопарке Челябинска раскрашивают осла в розовый цвет.

В июле 2010 года в Кыштыме фиксируют рекорд России по количеству участников хоровода – 6 293 человека, а длина хоровода составила 4 750 метров.

Изменение отношения областных властей к вопросам создания элементов региональной идентичности происходит в 2010 году, сразу после назначения нового руководителя этого субъекта РФ.

Уже 22 апреля 2010 года на церемонии вступления в должность губернатора Челябинской области М.Ю. Юревич заявляет о необходимости повышения инвестиционной привлекательности региона

и формировании нового имиджа Южного Урала.

В июне того же года в интервью Российской газете М. Юревич заявляет о проведении ребрендинга Челябинской области. Актуальность вопросов, связанных со сменой имиджа, снова объясняется необходимостью привлечения внешних ресурсов для развития территории. Таким образом, Челябинская область в полной мере становится участником межрегиональных конкурентных за привлечение ресурсов извне. Формирование и трансляция во внешнюю среду потенциальных конкурентных символов Челябинской области для нового губернатора является понятным и востребованным инструментом развития территории.

Отдельные действия областных властей, направленные на смену внешнего имиджа области, вызывают бурную критику со стороны оппозиционно настроенных региональных СМИ, что существенно расширяет количество региональных дискуссионных площадок. К числу таких действий можно отнести объявление тендеров на оптимизацию результатов поиска в системах «Яндекс» и Google, которые по условиям конкурса должны будут содержать положительные или нейтральные оценки экологической ситуации в регионе, или по размещению имиджевой информации о Челябинской области на печатных площадях бортового журнала авиакомпании «Трансаэро».

В 2012 году в Челябинской области была предпринята попытка развития непромышленных брендов через создание визуального географического бренда «Южный Урал. Здесь сбываются мечты». Как и в предыдущих случаях, целью данного проекта было позиционирование региона во внешней среде. Говоря о целях создания нового бренда, вице-губернатор В.М. Евдокимов отмечает популяризацию богатств края: «... на Южном Урале есть что посмотреть и чем удивить: красивейшие леса и озёра, бурные горные и спокойные степные реки с обилием рыбы, живописные леса, впечатляющие горы, водопады, богатейшие флора и фауна» [2].

При этом, несмотря на предпринимавшиеся в последние годы меры, Челябинская область по-прежнему остается регионом «суровых мужиков». Причин такого результата видится несколько.

Во-первых, в действиях региональной элиты региона наблюдается дистанция, которую они стараются выдерживать по отношению к уральской идентичности, избегая

её воспроизводства и использования. Вернее к идентичности, которую формировал губернатор Свердловской области Э. Россель на протяжении всего периода с момента регионализации административного и политического пространства, достаточно успешно эксплуатируя тему Урала и его особой роли в судьбе государства. Проявления этой дистанции можно видеть и среди основных контраргументов в дискуссии вокруг герба региона, и в позиционировании кандидата – действующего главы на выборах мэра Челябинска.

Во-вторых, из-за игнорирования темы Урала создаваемые региональными властями новые образы и символы Челябинской области ограничены традиционным набором символов, который в различных формах присутствует в любом из субъектов Российской Федерации. Внешнее позиционирование региона с использованием природных, ландшафтных, исторических, культурных и иных особенностей является общедоступным ресурсом, а, следовательно, не позволяет создавать уникальные образы, за счёт которых можно выделяться на общем фоне. Аналогичной представляется ситуация с созданием на территории региона крупномасштабных арт-объектов.

Вместе с тем предпринимаемые региональными властями меры по изменению образа Челябинской области, которые были ориентированы на внешнюю среду, оказали влияние на повышение уровня легитимности главы региона. Являясь губернатором, не прошедшим процедуру всенародного избрания, после трёх лет нахождения в должности М.В. Юревич пользовался доверием у 68,7% населения области. Данный факт позволяет сделать предположение, что те действия, которые были ориентированы на привлечение внешних ресурсов, оказались более востребованы во внутренней среде. Потребность жителей региона в самоидентификации удовлетворялась через понятные и воспринимаемые большинством символы малой родины, в первую очередь природно-ландшафтные, а затем остальные: спортивные достижения местных команд, исторические, культурные достопримечательности и т.д. [7].

Таким образом, рассматривая проявления региональной идентичности и попытки её формирования на территории Челябинской области, можно выделить 3 основных периода.

Первый период: с 1991 по 2004 год. В это время обеспечивалось сохранение

и поддержание ценностей и символов советского государства.

В течение этого периода формулирование и трансляция уникальности территории, в качестве инструмента конкурентной борьбы за внешние ресурсы, губернатором не использовались. Вплоть до отказа от самостоятельного создания официальных символов региона.

Персональная легитимация главы региона обеспечивалась за счёт элементов идентичности советского периода, а впоследствии (в период назначений) за счёт легитимности федеральной власти.

Второй период: с 2004 по 2010 год. Эти годы характеризуются отказом от эксплуатации коммунистических символов, их заменой на общегосударственные, ростом протестных настроений и возникновением запроса у жителей Челябинской области на региональные символы уникальности.

Актуализация запроса среди населения на самоопределение происходит как реакция на:

- отсутствие каких-либо региональных идентификаторов;
- возникающие ощутимые различия в уровне жизни с соседними регионами;
- возникновение во внешней среде символов региона – телевизионных персонажей, демонстрирующих девиантное поведение.

Третий период: с 2010 по 2013 год. В течение этого периода региональными властями предпринимались действия по изменению внешнего образа Челябинской области. Прежде всего за счёт использования в качестве уникальных символов региона образов малой родины, в основном природных и ландшафтных особенностей (горы, озёра). В это время отчётливо видно, что принимаемые меры по ребрендингованию способствуют увеличению поддержки губернатора населением региона. При этом внешний индустриально-промышленный образ региона сохраняется.

В настоящее время Челябинская область снова переживает смену политического руководства. Перспективы дальнейшего развития региональной идентичности в Челябинской области будут напрямую зависеть от действий кандидата, победившего на предстоящих выборах. Но если судить по первым заявлениям кандидата (Стратегия-2020), обладающего уже сегодня неоспоримыми преимуществами в предвыборной борьбе, то вполне вероятно, что процессы формирования осознанной

общности жителей Челябинской области, обретение ими самости вновь выходят за рамки используемых региональными властями технологий.

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Оглавление. Введение. Дискуссия и общие выводы с сайта НГУ [Текст] / Издательство: Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.

2. Вадим Евдокимов: на Южном Урале сбываются мечты [Электронный ресурс]. URL <http://uralpress.ru/reviews/vadim-evdokimov-na-yuzhnom-urale-sbyvayutsya-mechty> (дата обращения: 08.04.2014 г.).

3. Вячеслав Тарасов: «Да не хочу я быть замминистра!» [Электронный ресурс]. URL <http://mediazavod.ru/articles/13533> (дата обращения: 06.04.2014 г.).

4. Двоевластие в Челябинске [Текст] // Известия. 1993. 18 июня.

5. Дискуссия по поводу проекта герба Челябинской области только начинается // Челябинский рабочий. 1999. 24 ноября.

6. «Запретный» герб [Текст] // Челябинский рабочий. 2001. 18 октября.

7. Киселёв К.В., Щербakov А.Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: Челябинский случай [Текст] // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Том 13. Выпуск 4. С. 107–118.

8. Киселёв К.В., Щербakov А.Ю. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда [Текст] // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2013. № 1. С. 138–150.

9. Корнеев В.В. Россия: движение вспять. От государственного социализма к периферийному капитализму [Текст] // Изд-во Крафт+. 2010. 384 с.

10. Минченко Е.Н., Как стать и остаться губернатором [Текст] // Изд-во «Урал Л.Т.Д.». 2001. 480 с.

11. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук. Пермь, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://identityworld.ru/load/identichnost_kak_kategorija_politicheskoi_nauki/prostranstvenno_territorialnaja_identichnost_nazukina_mv_regionalnaja_identichnost_v_sovremennoj_rossii_tipologicheskij_analiz_perm_2009/44-1-0-2 (дата обращения: 06.04.2014 г.).

12. «Наша Russia»: Гей-фрезеровщика заставили лить сталь [Электронный ресурс] // «КП» – Челябинск». Режим доступа: URL <http://www.kp.ru/daily/23875/64973/> (дата обращения: 08.04.2014 г.).

13. О гербе Челябинской области: Закон Челябинской области от 08.01.2002 № 64–ЗО (ред. от 26.03.2014) принят постановлением Законодательного Собрания Челябинской области от 27.12.2001 № 399 // Южноуральская панорама. 2002. 17 января.

14. Подвинцев О.Б., Назукина М.В. Столичные амбиции как отражение регионализации современной России [Текст] // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 290–302.

15. Росич Ю. Региональная символика: в поис-

ках идеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://geraldika.ru/symbols.php?coatid=579> (дата обращения: 15.11.2007).

16. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2 : Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. 116 с. С. 81–107.

17. Сэмюэль П. Хантингтон. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности [Текст] / Изд-во АСТ, Транзиткнига. 2004. 636 с.

18. Туник Г.А. Официальные символы Челябинской области. [Электронный ресурс] // журнал RELGA. 2006. № 23. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?te xtid=1387&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 06.04.2014 г.).

19. Туровский Р.Ф. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности [Текст] // Политика, Зима. 1999–2000. № 4 (14). С. 102–121.

20. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России [Текст] // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 87–136.

21. Фадеева Л.А., Семенов И.С. Профессио-нальное сообщество: опыт самоанализа и перспективы исследования идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. Сборн. статей по итогам научно-теоритической конференции [Текст] / Москва. ИМЭО РАН. 2011. 299 с. С. 286–287.

22. Фонотов М. Родная старина: Очерки истории Южного Урала [Текст] / Челябинск. Изд-во Игоря Розина. 2011. 216 с.

23. «Челябинск улыбается миру» [Электронный ресурс]. URL <http://smile.is74.ru/ru/about/> (дата обращения 08.04.2014).

References

1. Anisimova A.A., Echevskaia O.G. Sibirskaja identichnost': predposylki formirovanija, konteksty aktualizacii. Oglavlenie. Vvedenie. Diskussija i obshhie vyvody s sajta NGU [Siberian identity: formation background, actualization context. Contents. Untroduction. Discussions]. Novosibirsk Izdatel'stvo: NGU, 2012. 176 p.

2. Vadim Evdokimov: na Juzhnom Urale sbyvayutsja mechty. URL <http://uralpress.ru/reviews/vadim-evdokimov-na-yuzhnom-urale-sbyvayutsya-mechty> (accessed: 08.04.2014).

3. Vjacheslav Tarasov: «Da ne hochu ja byt' zamministra!». URL <http://mediazavod.ru/articles/13533> (accessed: 06.04.2014).

4. Dvoevlastie v Cheljabinske // Izvestija. 1993. 18 ijunja.

5. Diskussija po povodu proekta gerba Cheljabinskoj oblasti tol'ko nachinaetsja // Cheljabinskij Rabochij. 1999. 24 nojabrja.

6. «Zapretnyj» gerb // Cheljabinskij Rabochij. 2001. 18 oktjabrja.

7. Kisel'ov K.V., Shherbakov A.Ju. Regional'naja identichnost' v sociologicheskom izmerenii: Cheljabinskij sluchaj [Regional identity in sociological context: Chelyabinsk example] // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uro RAN. 2013. tom 13. vypusk 4. pp. 107–118.

8. Kisel'ov K.V., Shherbakov A.Ju. Ural: k voprosu ob identifikacii dinami- ke brenda [Urals: to the

question of identification brand dynamics] // Vestnik Permskogo universiteta. POLITOLOGIJa. 2013. № 1. pp. 138–150.

9. Korneev V.V. Rossiya: dvizhenie vspjat'. Ot gosudarstvennogo socializma k periferijnomu kapitalizmu // Izd-vo Kraft+. 2010. 384 p.

10. Minchenko E.N., Kak stat' i ostat'sja gubernatorom [How to become and to stay governor] // Izd-vo «Ural L.T.D.». 2001. 480 p.

11. Nazukina M.V. Regional'naja identichnost' v sovremennoj Rossii: tipologicheskij analiz. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskij nauk. Perm', 2009. URL: http://identityworld.ru/load/identichnost_kak_kategorija_politicheskij_nauki/prostranstvenno_territorialnaja_identichnost/nazukina_mv_regionalnaja_identichnost_v_sovremennoj_rossii_tipologicheskij_analiz_perm_2009/44-1-0-2 (accessed: 06.04.2014 g.).

12. «Nasha Russia»: Geja-frezerovshhika zastavili lit' stal' // «KP» – Cheljabinsk». Rezhim dostupa: URL <http://www.kp.ru/daily/23875/64973/> (accessed: 08.04.2014 g.).

13. O gerbe Cheljabinskoy oblasti: Zakon Cheljabinskoy oblasti ot 08.01.2002 № 64-ZO (red. ot 26.03.2014) prinjat postanovleniem Zakonodatel'nogo sobraniya Cheljabinskoy oblasti ot 27.12.2001 № 399 // Juzhnoural'skaja panorama. 2002. 17 janvarja.

14. Podvincev O.B., Nazukina M.V. Stolichnye ambicii kak otrazhenie regionalizacii sovremennoj Rossii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2009. Vyp. 9. pp. 290–302.

15. Rosich Ju. Regional'naja simbolika: v poiskah ideologii. URL: <http://geraldika.ru/symbols.php?coaid=579> (accessed: 15.11.2007)

16. Sjemjujel' P. Hantington, Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti [Who Are We?: The Challenges to America's National Identity]. Izd-vo AST, Tranzitkniga. 2004. 636 p.

17. Tunik G.A., Oficial'nye simvolj Cheljabinskoy oblasti // zhurnal RELGA. 2006. №23. URL <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1387&level1=main&level2=articles> (accessed: 06.04.2014).

18. Turovskij R.F. Parlamentskie vybory 1999 g.: regional'nye osobennosti // Politija, Zima 1999 – 2000, № 4 (14), pp. 102–121.

19. Turovskij R.F. Regional'naja identichnost' v sovremennoj Rossii // Rossijskoe obshhestvo: stanovlenie demokraticeskijh cennostej? M., 1999. pp. 87–136.

20. Fonotov M., Rodnaja starina: Ocherki istorii Juzhnogo Urala / Cheljabinsk. Izd-vo Igorja Rozina. 2011. 216 p.

21. «Cheljabinsk ulybaetsja miru». URL <http://smile.is74.ru/ru/about/> (accessed: 08.04.2014).

UDK 323 + 323.174

FORMATION OF REGIONAL IDENTITY OF CHELYABINSK REGION: THE PROBLEM OF PERIODIZATION

Shcherbakov Alexey Jurevich

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: all_rubicon@mail.ru

Annotation

This article deals with the features of the development of regional identity in the Chelyabinsk region at the present stage. The actions of regional elites are analyzed to ensure their own legitimacy; to create characters and images of the territory. The factors influencing the formation of the needs of the population of the region in self-identification are defined. The periods of formation of regional identity are allocated here.

Key concepts:

regional identity,
Chelyabinsk region,
official symbols,
symbols territory
governor.

УДК 323.2

ПОТЕНЦИАЛ ВЛИЯНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Алдошенко Евгений Викторович,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы,
Челябинский филиал,
заместитель директора
по информационным технологиям,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: aldoshenko@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые возможные последствия использования информационно-коммуникационных технологий в системе государственного управления.

Ключевые понятия:

электронная демократия,
информационное общество,
информационно-коммуникационные
технологии.

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) заметно укрепили свои позиции в наиболее значимых сферах жизни государства, таких, как образование, здравоохранение, экономика, политика и наука [2], но российские политические элиты ещё не готовы к созданию реального поля для диалога власти и общества без использования административного ресурса. Это показывают многочисленные меры, в том числе и нормативно-правового характера, направленные против неконтролируемой власти и политической активности в информационно-коммуникационных сетях. Демократизация и информатизация государственного управления и его реформирование в сторону «обратной направленности» коммуникации, обеспечивающей большую степень влияния граждан на власть, а не власти на граждан, представляется оптимальной, но всё ещё очень далекой для России моделью организации социального интерфейса власти.

При построении электронной демократии подразумевается, что диалог между властью и обществом базируется на применении информационных технологий при условии обязательного соблюдения установленных в государстве правовых норм. Правительство является одновременно и заказчиком, и пользователем информационных технологий, а его цели и возможности зачастую не отличаются от тех, для которых характерно применение традиционных средств автоматизации; изменение спектра и направленности правительственных функций, процесс подготовки информации, согласование различных необходимых документов нередко отстают от темпов развития технологической базы.

Важнейшим компонентом деятельности электронного правительства является непосредственное общение с гражданами. Однако подобная связь нуждается в глобальной трансформации общепринятых моделей взаимодействия между правящими структурами и населением. В частности, электронная система обладает математической моделью и соответствующим программным обеспечением. Эффективное и полноценное электронное правительство, прежде всего, дает возможность обеспечить прозрачность процессов управления, контролировать исполнительную дисциплину и определять меру ответственности за принимаемые решения [1, с.10].

Развитие и популяризация ИКТ оптимизируют процесс прямого общения граждан и власти, позволяя обходиться без использования традиционной системы обращения к депутату от той или иной партии. Сегодня любой пользователь компьютера имеет возможность напрямую изложить свои требования и пожелания представителям власти или задать им вопросы. Властным структурам приходится в соответствии с требованиями современности формировать структуры электронного правительства, создавать сайты, вести блоги и страницы в социальных сетях. Использование новых технологий стало существенным шагом в процессе повышения эффективности диалога между обществом и властью, поскольку именно массовая компьютеризация и распространение сети Интернет позволяет максимально оперативно получать ответную реакцию граждан на наиболее значимые правительственные инициативы, а также привлекать граждан к непосредственному участию в решении самых актуальных задач. Это, безусловно, способствует формированию позитивного образа российской власти в Интернет-сообществе [4, с. 34].

Сегодня гражданин, обладающий доступом в Интернет, может осуществлять коммуникацию с органами государственной и муниципальной власти и управления, не выходя из собственной квартиры. В данном случае социальный и политический интерфейс власти и общества максимально оптимизирован, учитывает потребности и нужды населения. Правительство РФ должно сформировать меры технического и организационного характера, которые позволят существенно повысить степень публичности политической сферы, а также изменить отношение к ИКТ в области государственной политики и управления.

В настоящее время в глобальной сети осуществляется комплекс коммуникативных проектов политической власти РФ. В перспективе применение этих коммуникативных стратегий должно способствовать решению следующих задач:

- транслировать информацию о событиях политической жизни на максимально массовую аудиторию;

- оптимизировать систему государственного управления на федеральном и региональном уровнях, а также в исполнительных, законодательной и судебной сферах;

- упростить доступ населения РФ к сведениям о деятельности государственных органов в той степени, в которой это не противоречит российскому законодательству, а также организовать систему электронной коммуникации гражданами и организаций с институтами государственной власти;

- организовать регулярное проведение мониторинга общественного мнения по наиболее актуальным проблемам жизни общества, анализировать уровень восприятия законодательных инициатив, касающихся наиболее значимых сфер социальной жизни;

- стимулировать общественность для участия в принятии законов и нормативных актов, что сделает необходимые для жизнедеятельности и развития государства политические решения правомочными;

- обеспечить разработку четкой стратегии осуществления политических действий, доводить до сведения населения комплекс базовой информации для формирования определённого восприятия тех или иных политических инициатив;

- наращивать популярность основных акторов политического пространства.

Политическое руководство РФ, по мнению И.М. Шатина, стремится применять наиболее современные и функциональные интернет-технологии [6, с. 187]. Однако, как мы видим, на сегодняшний день представленные в Интернете коммуникативные стратегии, применяемые российской политической властью, берут за основу своего контента традиционные коммуникативные методы, соответствующие вещательной модели коммуникации. В результате коммуникативные возможности глобальной сети не используются в полной мере, что препятствует максимально эффективному решению актуальных стратегических задач.

Важно отметить, что представители политического класса уже пришли к осознанию недостаточности применения только традиционных СМИ и административного ресурса для выстраивания своей коммуникативной стратегии. Политические элиты понимают недостаточную эффективность использования исключительно традиционных методов для решения вопросов общественной легитимации и выполнения политических решений и инициатив. В России своего рода первопроходцем, применившим ИКТ в политической коммуникации, стал Д.А. Медведев [5].

Не следует расценивать электронную демократию лишь как определённую ступень эволюции демократических институтов, сводить её к уровню элементарной технической новинки, посредством которой население страны и её правительство могут лишь более оперативно общаться между собой. Функции электронной демократии гораздо шире и глобальнее, она в очередной раз актуализирует вопрос о существовании демократии как таковой, предоставляет возможность оперативного выявления основных проблем функционирования демократического устройства. Она также в состоянии выявить риски, сопутствующие модернизации системы политической коммуникации, и обозначить дальнейшие перспективы истинной демократизации массовой политики, при этом не исключая радикальной трансформации партий и политических движений, существующих в стране.

Для обозначения проблемы электронной демократии совершенно необязательно какое-либо посредничество. Снижение доверия к традиционным демократическим инструментам формирует мнение о том, что выбор между политическими персоналиями уже не соответствует современным запросам. Иными словами, в массовом сознании россиян все политики на одно лицо, а значит, гораздо логичнее выбирать между чем-то другим: между принятием или непринятием законопроекта, налога, льготы, санкционированием либо запретом акции и т.д. Сегодня есть возможность декларировать свою позицию посредством Интернета, при этом нет объективной необходимости отдавать свои голоса за кандидатуры политиков, чья деятельность в качестве народных представителей вполне может оказаться неэффективной. Более того, существует множество примеров того, как народные избранники использовали обретенные возможности исключительно в своих эгоистических интересах.

Так называемая «прямая» демократия, вне зависимости от своего типа, позиционируется как шанс вернуться к истинной парадигме демократического правления и возможность оказать реальное противодействие попыткам политической коррупции. Инициативы адептов «прямой» демократии, как правило, шли бок о бок с критикой традиционной парламентской демократии. Прямая демократия, как правило, становилась фундаментом для жиз-

недеятельности крайне узкого круга сообществ, например, общин радикального толка (анархистских объединений, экологического движения «Хранители радуги», и т.д.).

Следует отметить, что на поверку прямая демократия зачастую не является демократией как таковой. Из истории мы знаем, что, например, в Италии, где в период позднего Средневековья существовали т.н. города-государства, оказывать хоть сколько-нибудь значимое воздействие на политическую жизнь могли лишь члены самых авторитетных цехов и кланов. Именно они в действительности управляли жизнедеятельностью города-государства и своих сограждан, исключая возможность каких-либо политических трансформаций даже в тех случаях, когда они были необходимы. Внести необходимые коррективы в сложившуюся ситуацию позволило появление и последующее распространение информационных технологий, благодаря чему граждане получили возможность осуществлять коммуникации напрямую.

Очевидно, что сегодня деятельность политических партий не только преодолела границы типовых договорных отношений в рамках «обмена голосов и постов». Её развитие пошло гораздо дальше и разрушило обычное представление о spektakлярных методах наращивания популярности. Иначе говоря, современные партии и политические движения озабочены не столько привлечением в свои ряды массовой аудитории посредством различных преференций, сколько тем, что делать в информационном пространстве и как дальше выстраивать взаимоотношения с этой аудиторией.

Общение граждан с политическими лидерами и политическими институтами в интернет-пространстве строится на безвозмездной основе, а это означает, что власть перестает быть товаром, который можно приобрести за голоса. Дигитальная политика не позволяет просто набрать необходимое количество голосов. Конечно, и сейчас, и в дальнейшем будет осуществляться процедура передачи голосов, но можно прогнозировать, что с течением времени данная схема постепенно начнёт утрачивать свою «уникальность», выражающуюся в четкой сегментации электората, акценте на некой личной политической биографии, и т.д.

1. Вешняков В.Г. Правовые проблемы развития электронного правительства в Российской Федерации // Образование и право. 2012, № 4.

2. Гиляровская С.В. Проблемы развития электронного правительства в регионах России // Инициативы XXI века. 2010, № 3.

3. Горелашвили Д. Человек и власть: однооконный интерфейс [Электронный ресурс]. <http://www.kinnet.ru/cterra/575/37399.html>.

4. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Яковлев И.Г. Политика, политология, Интернет. М.: Современный гуманитарный университет, 2002.

5. О развитии Интернета в России // Блог Дмитрия Медведева – Обращения Президента России и комментарии [Электронный ресурс] // Блог Дмитрия Медведева, 22 апреля 2009. – URL: http://community.livejournal.com/blog_medvedev/22483.html.

6. Шатин И.М. Коммуникативные стратегии российской политической власти в Интернет-пространстве: автореф. дис. ... к. п. н. М., 2012.

References

1. Veshnjakov V.G. Pravovye problemy razvitiya jelektronnogo pravitel'stva v Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2012, № 4.

2. Giljarovskaja S.V. Problemy razvitiya jelektronnogo pravitel'stva v regionah Rossii // Inicijativy XXI veka. 2010, № 3.

3. Gorelashvili D. Chelovek i vlast': odnokonnij interfejs // <http://www.kinnet.ru/cterra/575/37399.html>.

4. Dmitriev A.V., Latynov V.V. Jakovlev I.G. Politika, politologija, Internet. M.: Sovremennij gumanitarnij universitet, 2002.

5. O razvitii Interneta v Rossii // Blog Dmitrija Medvedeva – Obrashhenija Prezidenta Rossii i kommentarii // Blog Dmitrija Medvedeva, 22 aprelja 2009. http://community.livejournal.com/blog_medvedev/22483.html.

6. Shatin I.M. Kommunikativnye strategii rossijskoj politicheskoj vlasti v Internet-prostranstve. avtoreferat dis. ... k. p. n. M., 2012.

UDC 323.2

POTENTIAL EFFECT OF COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES ON POLITICAL DISCOURSE

Aldoshenko Yevgeniy Viktorovich,

Russian Presidential Academy

of National Economy

and Public Administration,

Chelyabinsk Branch,

Vice Director

on Informational Technologies,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: aldoshenko@chel.ranepa.ru

Annotation

The article deals with some possible effects of using informational and communicative technologies at the system of public administration.

Key concepts:

electronic democracy,

informational society,

informational and communicative

technologies.

УДК 343.3

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Меры по преодолению правового нигилизма делятся на стратегические и тактические. К тактическим мерам относятся совершенствование законодательства, уголовные репрессии, ужесточение административного контроля. Стратегические меры включают развитие разделения властей, гражданского общества, политической конкуренции.

Ключевые понятия: правовой нигилизм, ограничение власти, правосознание, гражданское общество.

Отечественные теоретики связывают возникновение и устойчивость правового нигилизма в первую очередь с действиями субъектов властных полномочий, но есть взгляд и о «равной ответственности» представителей власти и самого населения (народа) за нигилистическое отношение к закону и порядку. Такой подход оправдан, во-первых, системным и всеохватывающим характером правового нигилизма, захватывающим все, без исключения, слои и группы общества. Во-вторых, архетипы традиционной отечественной культуры по сей день несут привычку оправдывать личное противоправное поведение исключительно виной и прегрешениями власти и её представителей. Звучный и привлекательный девиз правового государства «разрешено всё, что не запрещено», оборачивается анархией и произволом, если не сопрягается с твёрдыми религиозными и нравственными ограничениями. Кажется, именно частное право выражает, закрепляет и гарантирует свободу личности, предоставляет широкие возможности для инициативы и предприимчивости. Но, отмечает М.В. Касьяненко, «...такие основополагающие и бесценные начала гражданского права, как диспозитивность, гибкость и ориентированность на частные конкретные интересы и волю субъекта в случае с феноменом правового нигилизма оборачиваются для самого гражданского права очень неблагоприятными последствиями» [2, с. 50]. Ценность гражданско-правового регулирования как меры свободы неотделима от его дозволительного характера, презумпций разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, их равенства, наконец. Но эти же основополагающие принципы вызывают к жизни ничтожные сделки, односторонний отказ от исполнения принятых обязательств, злоупотребление правом, введение в заблуждение другого участника гражданского оборота и т.д. Традиционное сознание, сталкиваясь с подобным недобросовестным использованием юридического формализма, начинает апеллировать к ценностям справедливости и коллективизма, возвращению приоритета государства в правовом регулировании. Тем самым оправдывается неумение и нежелание значительной массы людей самостоятельно принуждать себя к законопослушному и добропорядочному поведению.

В России столетиями складывалась благодатная и постоянно удобряемая почва негативного отношения к праву, отождествления его с волей начальства. Исследуя причины взрыва правового нигилизма

в России конца 20-х – начала 30-х годов XX века, вообще социально-исторические корни сталинизма, Э.Ю.Соловьёв указывает на феномен массовой люмпенизации населения после Первой мировой и Гражданской войн. Разложение институтов государственной власти и отсутствие гражданского общества, милитаризация жизни во всех её проявлениях, крах традиционных нравственных и религиозных ценностей и т.п., – всё это привело к возникновению массы обездоленных, одичавших людей, носителей авторитарного сознания, привыкших насилем решать задачи физического выживания, подчиняющихся, в свою очередь, превосходящей силе [5, с. 162–235]. Вождям же победивших люмпенов присуща идеологическая маниакальность, одержимость разрушением, абсолютный цинизм и беспринципность, благодаря которым удалось создать кровавую диктатуру, систему тотального государственного террора.

Маргинализация – следствие слома прежней общественной системы – выражает потерю связей индивида с социальной группой, психологию оторванности от людей, надломленности и замкнутости индивидуального существования. Так называемый «адаптационный индивидуализм» заключается в дисгармоничном приспособлении одинокого, потерявшего духовную опору человека, борющегося за выживание или приспособление к существующим структурам власти и собственности. Для маргиналов типичны личностные черты недоверия, подозрительности и конфликтности, отсюда типичность нравственной и политической глухоты чиновников, которые, как известно, плоть от плоти собственного народа. Невежественный в правовом отношении человек и социально пассивен, и социально уязвим, замкнут в узком мире личных интересов и конформистского приспособленчества. Неразвитое же правосознание всегда является питательной средой правонарушений, ошибок и заблуждения, обмана и насилия.

Не стоит поражаться ситуации, в которой формальная востребованность права сопровождается всплеском злостных и вопиющих форм правового нигилизма. Всегда реально угроза перехода от привычного, повседневного произвола, игнорирования правовых и иных социальных норм к потере управляемости, анархии, краху государственности, означающим национальную катастрофу.

Меры по преодолению правового нигилизма, устранению причин его возникновения и сужению сфер действия делятся на стратегические и тактические – в зависимос-

ти от степени опасности и укоренённости в обществе его форм. Используя медицинские аналогии, можно вести речь о применении хирургических, терапевтических или профилактических мер. Естественно, к числу хирургических мер относятся карательные меры уголовного порядка, ужесточение административного контроля. Эти меры могут быть абсолютно оправданными, но они никогда и нигде не решали проблемы противодействия преступному поведению.

Стратегические меры по самому своему смыслу обращены на изменение условий и факторов, порождающих девиации, деликты и преступления как самые «сильные» формы правового нигилизма. Если право не ограничивает политическую и административную власть, оно неминуемо вырождается как право, а государство, прибегающее в управлении обществом преимущественно к репрессивным мерам, тем самым обнаруживает свою внутреннюю слабость и имеет плохие перспективы. Стратегия противодействия правовому нигилизму должна иметь системный, комплексный характер, объединять все силы общества, быть важной составной частью государственной политики. По этой причине расстановка приоритетов стратегии достаточно условна – в силу нерасторжимой взаимосвязи всех её направлений. Обозначим главные из них.

В рамках модернизации системы исполнительной власти необходимо внедрение действенных технологий разработки, принятия и исполнения решений. Массовый непрофессионализм в сфере управления общества должен преодолеваться повышением качества подготовки специалистов государственной службы, их статуса, изменением самой системы государственного управления и, прежде всего, подготовки, отбора, расстановки и ответственности кадров. Повышение ответственности государственных и муниципальных служащих бессмысленно без системы весомых социальных гарантий для них и членов их семей.

Для ограничения злоупотребления властью необходимо последовательное формирование институциональных ограничений власти путём разделения властных полномочий и создания перекрёстных обязанностей по надзору между государственными ведомствами. Принцип верховенства права требует ограничения дискреционных полномочий органов власти, особенно президентской власти. Собственное усмотрение чиновников объективно создаёт соблазн использовать государство как свою собственность, присваивать часть бюджетной ренты, словом, рас-

поряжаться государственной властью ради извлечения личной выгоды. Как свидетельствует история, коррупции может подвергаться любой человек, имеющий дискреционную власть (право усмотрения) – власть над распределением каких-либо ресурсов, которые ему не принадлежат. Не случайно в демократических странах всё большее внимание, как теоретиков и политиков, так и широких слоёв общественности, привлекает проблема предотвращения опасности дискреционной власти для гражданских свобод и развития общества.

Конституционное закрепление принципа разделения властей будет сугубо формальным, если не возникнет политической конкурентной среды, придающей действенный смысл системе взаимных сдержек и противовесов. Только реальная, а не декоративная многопартийность способна обеспечить самостоятельность законодательных органов власти, контролирующей деятельность органов исполнительной власти. Независимые парламентские комиссии, обладающие полномочиями по расследованию фактов противоправных деяний высших должностных лиц, могут внести серьёзный вклад в повышение степени подотчётности политического руководства.

Необходим не просто диалог общества и власти, но целенаправленная государственная политика максимального поощрения гражданской активности. Приоритет принадлежит независимым СМИ, которые первыми могут создавать искомую атмосферу нетерпимости к проявлениям правового нигилизма, проводить разоблачительные журналистские расследования и предавать огласке факты коррупции, административного произвола и политического насилия. Для этого необходимы законодательные меры, обеспечивающие доступ к информации или даже принуждающие государственных и муниципальных служащих к предоставлению информации о своей деятельности и журналистам, и обычным гражданам по их требованию. Разумеется, кроме той информации, которая содержит государственную, служебную или коммерческую тайну.

Продолжение борьбы с организованной преступностью и коррупцией требует, с учётом эффективности действующих нормативных правовых актов, их соответствия изменяющимся криминальным реалиям и социальной обстановке, использования собственного и зарубежного опыта, положений новых международно-правовых документов. Мощным и современным ресурсом может стать «электронное государство», с системой разделов, аналогичных «Борьбе

с коррупцией» на официальном сайте Генпрокуратуры. Жалобы, информация о злоупотреблениях служебным положением, халатности и административном произволе, не говоря уже о скрываемых преступлениях, поступившие на сайт, должны влечь за собой оперативную проверку и соответствующие решения.

Часто встречается упрощённый – «просветительский» взгляд на нигилизм, сводящий его причины к правовой неразвитости субъектов права, наличию серьёзных дефектов в правовых знаниях, убеждениях и в итоге в их правовом поведении. Нелепо возражать против задач углубления правовых знаний населения, поощрению интереса к осмыслению ценности права для достижения личных и общественных запросов. Организованная государственная правовая социализация в форме системного правового воспитания достигнет своих целей только при совпадении пропаганды и просвещения с политическими и судебными практиками. При этом стоит принять во внимание идею Р.Е. Кузнецова о правовом формализме как источнике правового нигилизма, придающего ему выборочный, лицемерный, воинствующий и циничный характер. Акцент на правовой форме может привести к её фетишизации и производству искусственно спровоцированных формализмов. Они и создают феномен лексофобии граждан (страха перед правовой нормой как изначально направленной против их свободы и благополучия), вызываемой формальным следованием нормативным предписаниям со стороны профессиональных юристов [4]. Нетрудно понять чувства людей, пытающихся хоть что-то понять в громоздких, как будто специально усложнённых юридических текстах, особенно когда они используются в мошеннических целях «профессионалами».

Геополитическая реальность последних лет, в том числе связанная с российско-украинскими отношениями, практики «двойных стандартов» в международных отношениях и т.п. делают апелляции к международному праву легковесными. Наступление на правовой нигилизм в формах коррупции, терроризма, организованной преступности невозможно без формирования современной правовой базы. Необходима ратификация приоритетных международных конвенций, касающихся разных аспектов борьбы с организованной преступностью, терроризмом и организационно-связанной с ними коррупцией, принятие соответствующих федеральных законов и подзаконных

актов. В этом же русле – международно-го сотрудничества – должна происходить унификация законодательства в сфере государственного регулирования экономики, применения полицейских мер.

Как известно, одним из существенных признаков правового государства является принцип прямого действия конституционных норм. В российской Конституции он провозглашён и в общей форме (ст. 15), и применительно к правам и свободам человека и гражданина (ст. 18). По факту значительное число конституционных норм сформулированы так, что их применение обусловлено либо наличием законов, их конкретизирующих, либо им противоречит множество законов и подзаконных актов. В статьях Конституции РФ около шестидесяти раз упоминаются федеральные и просто законы, которые должны конкретизировать характер правового регулирования тех или иных общественных отношений. При этом можно обнаружить ссылки на отсутствующий закон, что делает невозможным его применение или отсутствие процедуры, обеспечивающей применение конституционной нормы судом. Формулировка конституционной нормы может быть размытой, и отсутствует необходимое ресурсное обеспечения её действия.

Беспристрастность независимых судов, отвергающих любые властные влияния и подчиняющихся только закону, пока остаётся недостижимым идеалом. По оценкам граждан, на практике справедливыми в России бывают судебные решения по простым делам, в которых явно нарушаются права граждан. Но соблюдение равенства перед законом становится проблематичным при судебном споре с участием государственных корпораций, крупных банков, компаний крупного бизнеса, государственных и муниципальных организаций и т.п. Ещё значительнее асимметрия сторон при участии в судебном процессе представителей органов власти и правоохранительных органов, при этом доказательства, собранные независимыми от следственных органов адвокатами, чаще всего судьями игнорируются. Повсеместная убежденность в продажности судов приводит к попыткам восстанавливать справедливость вне судебной власти и помимо правоохранительных органов, прибегать к незаконным способам решения своих проблем и конфликтных ситуаций, в том числе пользоваться услугами криминальных структур. Складывается практика, когда не только граждане, но и чиновники готовы искать

решение проблем и споров в обход законодательства, прибегая к личным, неформальным договорённостям. Возникает взаимная заинтересованность и граждан, и должностных лиц игнорировать официальные инстанции – суды, нормы законов, органы власти. Подобные неформальные взаимоотношения служат источником коррупционных действий, воспроизводящих неофициальный институциональный порядок решения судебных споров, отклоняющихся или противоречащих нормам законов, использующих коррупцию, произвол и насилие.

Продуктивно поощрение государством судебной практики, позволяющей гражданам и их организациям развивать умения и навыки отстаивать свои интересы в судах. Необходимо развитие суда присяжных как фактора формирования подлинной гражданской и правовой культуры. Поскольку в России профессиональные суды зачастую заботятся не о законе и справедливости, а демонстрируют лояльность исполнительной власти, суд присяжных может быть реальной силой, противостоящей привычному для российского «правосудия» обвинительному уклону. Другое дело, что должны измениться критерии отбора в присяжные, исключаящие или, по крайней мере, сводящие к минимуму попадание в их число людей с невысоким уровнем грамотности, приверженностью к стереотипам и предрассудкам массового сознания.

Что же касается судебной ветви власти в целом, то путь к её подлинной независимости давно известен – обеспечение неприкосновенности и несменяемости судей, предотвращение любых попыток сделать их управляемыми со стороны исполнительной и законодательной властей. В свою очередь, должна быть принята система процедурных и организационных мер по контролю деятельности судебной системы, усилению ответственностей судей.

Разумеется, перечислены далеко не все направления и меры противодействия правовому нигилизму. Но дело в том, что, по замечанию С.Г. Зырянова, «...в России ставить политическую целесообразность выше норм права принято правящим классом за правило уже четыре столетия... из-за этого правила оказались недееспособными четыре советские Конституции» [1, с. 39]. Фальшь и лицемерие исторической ситуации в том, что действующая либерально-демократическая Конституция, сыграв свою роль в первоначальной легитимации постсоветской власти, переделе власти и соб-

ственности, сегодня тяготит политическую верхушку. Страна живёт в условиях так называемого «мнимого конституционализма», с неизбежностью воспроизводящего разрыв, подчас чудовищный, между политико-правовыми декларациями и реальностью.

В.В. Кочетков считает, что вся теоретическая возня вокруг русской национальной идеи («суверенная демократия», «модернизация» и т.д.) затевается с одной целью – обосновать и законсервировать «мнимый конституционализм» [3, с. 19]. Мы солидарны с его убеждением, что должны быть рационализированы онтологические ценности нашего народа на теоретической платформе конституционализма. Вековая мечта русского народа о воле и правде может быть реализована в виде права на частную и публичную автономию для каждого не в ущерб другим [3, с. 19]. Но нельзя отрицать и попытки «рационализировать» пресловутую формулу «православие, самодержавие, народность» – вместо тщательной и планомерной национальной интерпретации ценностей правового государства. Вот тогда, в виде последствий архаизации политико-правовой жизни, вероятны в России и фарс, и трагедия.

1. Зырянов, С.Г. 20 лет формирования политической и социальной базы Конституции России – предварительные итоги [Текст] / С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2013. № 6. С. 39–47.

2. Касьяненко, М.В. Правовой нигилизм в частноправовых (гражданских) отношениях [Текст] / М.В. Касьяненко // ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2010. № 2 (62). С. 50–53.

3. Кочетков, В.В. К вопросу о национальной Русской идее: философско-правовой подход [Текст] / В.В. Кочетков // Государство и право. 2013. № 4. С. 13–19.

4. Кузнецов, Р.Е. Правовой нигилизм как фактор гипертрофии правовой политики [Текст] / Р.Е. Кузнецов // Философия права. 2009. № 1. С. 117–120.

5. Соловьёв, Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права [Текст] / Э.Ю. Соловьёв // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 162–235.

References

1. Zyrjanov S.G. *Socium i vlast'*, 2013, no. 6, pp. 39–47 (in Russian).

2. Kas'janenko M.V. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*, 2010, no. 2 (62), pp. 50–53 (in Russian).

3. Kochetkov V.V. *Gosudarstvo i pravo*, 2013, no. 4, pp. 13–19 (in Russian).

4. Kuznecov R.E. *Filosofija prava*, 2009, no. 1, pp. 117–120 (in Russian).

5. Solov'ev Je.Ju. *Pravovoj nigilizm i gumanisticheskij smysl prava* [Law nihilism and humanistic meaning of law]. *Kvintjessencija: Filosofskij al'manah* (Quintessence: philosophic almanac). Moscow, 1990, pp. 162–235 (in Russian).

UDC 343.3

LEGAL NIHILISM: RESISTANCE MEASURES

Yershov Yury Gennadyevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Administration (Branch), the Head of the Chair of Philosophy and Political Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation

Measures to resist legal nihilism is divided into strategic and tactic. Tactic ones are perfection legislation, criminal repressions, administrative control toughening. Strategic measures are the follows: development of separation of powers, civil society and political competition.

Key concepts:

legal nihilism,
restriction of power,
legal conscious,
civil society.

УДК 342.734

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аббасова Елена Валерьевна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: vaslena@mail.ru

Васильев Валерий Александрович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: v_vasiljev@nm.ru

Аннотация

В статье анализируется российское законодательство, регламентирующее охрану труда, рассматриваются основные составляющие, положительно влияющие на развитие этой сферы, прослеживается соотношение такой регламентации с зарубежным законодательством. Обосновывается необходимость изменения некоторых конструкций Конституции Российской Федерации, трудового законодательства.

Ключевые понятия:

основной ресурс экономики,
качество социальной среды,
здоровье нации,
средства защиты,
участие работников в управлении.

Конституция Российской Федерации содержит блок статей, предусматривающих охрану труда и здоровья людей (часть 2 статьи 7), право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (часть 1 статьи 41), на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (часть 3 статьи 37). Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в иных случаях, установленных законом (часть 1 статьи 39). До 1993 г. защита прав работников на безопасные условия труда в основном являлась прерогативой профсоюзов, отраслевых органов государственного управления. После принятия 12 декабря 1993 г. нового Основного Закона гарантом реализации и защиты прав и законных интересов трудящихся стало государство в лице Правительства Российской Федерации.

Охрана труда сегодня приобретает особую значимость. В современном мире сформирован новый взгляд на рабочую силу как на основную ресурс экономики. Прослеживается зависимость производственных результатов от характера использования рабочей силы, профессионализма каждого работника. Как отмечал Е. Примаков, человеческий капитал выходит на первый план [2]. Сегодня становится очевидным, что производственный травматизм, заболевания работников, включая профессиональные заболевания, не совместимы с успешным бизнесом. Закономерно, что в утверждённом распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 г. № 1662-Р Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года к числу приоритетов социальной и экономической политики отнесены рост производительности труда, улучшение качества социальной среды и здоровья нации, развитие экологически чистых производств. Поставлена задача восстановления Россией статуса мирового экономического государства.

Трудно быть уверенным, что эта Концепция будет осуществлена в полном объёме без решения в краткосрочный период не предусмотренных названным документом социально значимых вопросов, имеющих непосредственное отношение к охране здоровья, предупреждению травматизма.

В настоящее время получила широкое распространение практика использования труда работников за пределами установленного законодательством рабочего времени. По данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) в стране 8 млн работников трудятся по 12 часов в день [1]. Кто-то добровольно, а кто-то делает это вынужденно. Выборочные сведения свидетельствуют о распространении этой практики. Представители ряда профессий, не только рабочих, но и служащих, традиционно работают с повышенной нагрузкой. Парадокс, например, в регулировании труда учителей, врачей заключается в том, что для них де-юре установлен сокращённый рабочий день. А де-факто их заработная плата, несмотря на некоторые позитивные изменения, в основном определяется дополнительной учебной нагрузкой. Создаётся иллюзия сглаживания остроты проблемы дополнительной оплатой труда. Происходит процесс привыкания, вхождения в новый, требующий значительно больших усилий по сравнению с нормальным рабочим временем режим работы. Формально такой труд не назовёшь принудительным, хотя по сути он является таковым. По сведениям Министерства здравоохранения и социального развития РФ, опубликованным перед его реорганизацией, в медицине, где должно быть более трёх миллионов работающих, дефицит кадров составляет около одного миллиона человек. Не хватает 152,8 тысячи врачей и 800 тысяч специалистов среднего звена*. Проблема заключается и в том, что при такой ситуации нарушается и конституционное право граждан, обращающихся, например, за медицинской помощью (ст. 41 Конституции РФ). Вызывает сомнение, что полноценная медицинская помощь им может быть оказана специалистом, уставшим от постоянных дополнительных нагрузок. Решение проблемы видится в повышении престижности труда специалистов названных профессий.

Нет оснований полагать, что увеличение рабочей нагрузки без модернизации производства существенно повысило производительность труда. По этому показателю мы в 3–4 раза отстаём от европейских

стран. Усталый работник по окончании смены не в состоянии выполнять дополнительную нагрузку с прежней интенсивностью. Длительные смены повышают риск травмирования работающих на 37% по сравнению со сменами нормальной 8-часовой длительности, риск аварийности и травматизма возрастает с ростом количества часов, отработанных за день или неделю**. Состояние отработавшего 12 часов работника сравнимо с состоянием человека, находящегося в алкогольном опьянении. Общие признаки: заторможенность в поведении, замедленная реакция на возможные риски и др. Мы в числе лидеров по заболеваемости. Медленно сокращается число инвалидов, которых сегодня 13 млн.

Характерно, что из 3,39 млн инвалидов, которые находятся в трудоспособном возрасте, работают 816,2 тыс. человек. Численность неработающих инвалидов составляет 2,6 млн человек, или 79,7% от численности инвалидов в трудоспособном возрасте [3, с. 23]. В тридцатые годы прошлого века в их трудоустройстве преобладало администрирование. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 24 октября 1921 года «О порядке учёта и распределения неполного труда инвалидов» на местах принимали меры по обеспечению инвалидов доступной им работой. Инвалиды, которые без уважительных причин оставляли работу, утрачивали право на социальное обеспечение. Сегодня нуждается в усилении индивидуальный подход в деятельности служб занятости, организаций по трудоустройству лиц названной категории.

Определённой сложностью отличается обеспечение реализации предусмотренного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности в отношении женщин. В соответствии со ст. 254 ТК РФ беременным женщинам согласно медицинским заключениям и по их заявлениям снижаются нормы выработки, нормы обслуживания либо эти женщины переводятся на другую работу, исключающую воздействие неблагоприятных факторов. Способствовало бы более полной реализации ст. 37 Конституции РФ включение в ст. 254 ТК РФ определения неблагоприятного производственного фактора. Нельзя согласиться

*Коммерсант Online. 2012. 4 апреля.

**rosbalt.ru 2014

с тем, что до получения медицинского заключения вопрос о том, воздействует ли на беременную работницу или работницу, имеющую ребёнка в возрасте до полутора лет, неблагоприятный фактор, решает работодатель. Эти сведения должны найти также отражение в карте аттестации рабочих мест, утверждённой приказом Минздрава России от 26 апреля 2011 г. «Об утверждении порядка проведения аттестации рабочих мест по условиям труда». В ином случае затруднительно будет исключить такого фактора при переводе работницы в соответствии с медицинским заключением на другую работу. Предлагается включить в ст. 254 ТК РФ следующую дефиницию: «Неблагоприятный производственный фактор – производственный фактор, воздействие которого на беременную работницу или работницу, имеющую ребёнка до полутора лет, может привести к их заболеванию либо ухудшению состояния здоровья».

В соответствии с ТК РФ не допускается за некоторыми исключениями увольнение по инициативе работодателя одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет (ребёнка-инвалида до 18 лет), иных лиц, воспитывающих указанных детей без матери и некоторых других (ч. 4 ст. 261). В то же время ст. 70 ТК РФ предусматривает возможность установления для названной категории работников испытательного срока при приёме на работу. Эта мера лишена практического смысла, поскольку увольнение таких работниц по инициативе работодателя не представляется возможным независимо от результатов испытания. Изменение ст. 70 ТК РФ способствовало бы устранению названного противоречия, а также защите трудовых прав названных работников, освобождению их от излишних психологических нагрузок. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регламентирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» определено, что если работникам, перечисленным в ст. 70 ТК РФ, было установлено испытание, то расторжение трудового договора по результатам испытания не допускается. Это

правило должно быть распространено и на тех работников, которые перечислены в ч. 4 ст. 261 ТК РФ, увольнение которых не допускается.

Проводимые в последние годы мероприятия по упреждающему реагированию на возможные риски в процессе труда, принятие превентивных и других мер по сохранению работников способствовали реализации прав и свобод в сфере охраны труда, гарантированных ст. 37 Конституции РФ. По данным Росстата за последние 6 лет уровень производственного травматизма в целом по России снизился в полтора раза (в том числе в 1,4 раза заканчивающегося летальным исходом). Тем не менее, он остаётся ещё крайне высоким, особенно по сравнению с аналогичными показателями развитых стран. Так, уровень смертности от производственных травм за тот же период в Японии снизился в 2,5 раза, в Германии – в 4 раза, во Франции этот показатель ниже в 5,5 раза*.

Практика свидетельствует о необходимости определения смыслового значения самого понятия охраны труда, его содержания, правовых аспектов, круга охватываемых мероприятий. Трудно согласиться с тем, что в определении условий труда, содержащемся в ст. 209 ТК РФ, речь идёт лишь о факторах производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника, умалчивается о влиянии внешних факторов. В статье 209-й, несмотря на многоплановость мероприятий, связанных с охраной труда, не учитываются природно-климатические условия той местности, где осуществляется трудовая деятельность. Возможность их воздействия на здоровье работников в ряде случаев компенсируется предоставлением дополнительных оплачиваемых отпусков, например, в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним, или в высокогорных районах. Вместе с тем, когда складываются чрезвычайные ситуации из-за беспрецедентно высокой температуры, например, из-за горящих торфяников, лесных пожаров, наводнений, предприятия в силу разного рода причин не всегда оказываются готовыми к их разрешению. Необходимость законодательного закрепления мер

*<http://www.znakcomplekt.ru/example/serrgei-velmyaikin>.

по урегулированию ситуаций, о которых идёт речь, очевидна. Лесной фонд России составляет 69% её суши, наша страна занимает первое место в мире по размерам площади торфяников. Для ряда регионов проблемы соблюдения требований охраны труда в условиях возгорания лесных и торфяных массивов носят масштабный характер, требуют объединения усилий предприятий, государственных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления. По данным Госкомстата, в 2014 году число лесных пожаров по сравнению с минувшим годом возросло в десятки раз. Сгорают миллионы кубометров леса. Загрязняется воздушная атмосфера, исключаются из естественной природной среды животные и растения, занесённые в Красную книгу.

В ст. 211 ТК РФ следует включить требования охраны труда, связанные с созданием условий для работы и отдыха в чрезвычайных ситуациях. Речь об использовании дистанционного труда, направлении работников во внеочередные отпуска, изменении сменности работы и др. По этому пути идут работодатели в ряде регионов, которые предпринимают самостоятельные меры по облегчению работы в названных ситуациях. Многие бесплатно обеспечивают сотрудников средствами защиты органов дыхания, бесплатным питанием (мороженое, кислородные коктейли, напитки и проч.), вводят дистанционные режимы работы и дополнительные возможности для отдыха (внеочередные отпуска, льготные и бесплатные путёвки в санатории и др.). Законодательство стран Евросоюза обязывает работодателей обеспечивать здоровую и безопасную среду. В Германии они должны обеспечивать на рабочих местах температуру на 6°C ниже уличной, она должна не превышать 26°C *. Реализации положений, содержащихся в ст. 37 Конституции РФ, способствовало бы закрепление в ст. 211 ТК РФ, других законодательных актах изменений с учётом передового отечественного и зарубежного опыта по обеспечению нормальных условий работы, сохранению здоровья работников в экстремальных ситуациях.

При решении вопросов, связанных с охраной труда, управлением трудом не-

дооценивается обоюдная выгода от участия работников наряду с представителями менеджмента в органах управления организациями. Президентом РФ 7 мая 2012 г. был подписан Указ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». В целях расширения участия работников в управлении организациями было поручено правительству до 1 декабря 2012 г. подготовить предложения по внесению в законодательство РФ изменений, предусматривающих создание в организациях производственных советов, определение их полномочий, подготовку комплекса мероприятий по развитию институтов самоуправления.

Сегодня статья 22 ТК РФ предоставляет работодателям право создавать производственные советы как совещательные органы, образуемые на добровольной основе из числа своих работников, как правило, имеющих значительные достижения в труде. Задачей этих общественных формирований является подготовка предложений по совершенствованию производственной деятельности, отдельных производственных процессов, внедрению новой техники и технологий и др. Спектр задач достаточно обширен, их нельзя не отнести к числу актуальных. И всё-таки анализ статьи вызывает немало вопросов. Вот один из них – чьи интересы будут представлять производственные советы? Если в совет входят работники, да ещё, как правило, имеющие значительные достижения в труде, то они, казалось бы, и должны представлять интересы коллективов, где трудятся. Из ст. 22 ТК РФ это не усматривается. В соответствии с ней полномочия, состав, порядок деятельности советов и их взаимодействие с работодателями определяется локальными нормативными актами. Т.е. работодателями, принимающими такие акты, что вытекает из ст. 8 ТК РФ. Изменения внесены в первую часть ст. 22 ТК РФ, в которой речь идёт о правах работодателя. Он может воспользоваться своим правом и создать производственный совет, а может и не делать этого либо упразднить ранее созданный. Более значительными возможностями новый общественный орган обладал бы, если бы изменения были внесены в главу 8 ТК

*Руководящие указания о рабочих местах (ст. 3.3.). Arbeitstemrichtinie/ A85-613/ [Электронный ресурс]: <http://www.hitrefrei-fucrarbeitnehmer>

РФ «Участие работников в управлении организацией». Тогда производственные советы представляли бы интересы работников. Их полномочия были бы определены Кодексом.

Проблема представительства интересов работников, в том числе в области охраны труда, является более масштабной, выходит за рамки обсуждаемых вопросов. В Конституции РФ не закреплено право работников на участие в управлении организациями. Это можно объяснить тем, что когда государство было единственным собственником, то предполагалось, что участвуя в управлении делами государства, граждане и их представители участвуют и в управлении народным хозяйством, в том числе предприятиями и организациями. В условиях рыночной экономики в Конституции РФ должно быть предусмотрено право работников на участие в управлении организациями, где они работают.

1. Гонтмахер, Е. Нынешний Трудовой кодекс оторван от жизни [Электронный ресурс] / Е. Гонтмахер. URL: <http://www.kp.ru/artikle/124589475> (дата обращения: 29.06.2014).

2. Примаков, Е. Человеческий капитал выходит на первый план [Электронный ресурс] / Е. Примаков URL: <http://www.rg.ru/2013/01/15/primakov.html> (дата обращения: 29.06.2014).

3. Яворчук, Н. Правовое регулирование занятости и трудоустройства инвалидов в Российской Федерации [Текст] / Н. Яворчук, И. Молева // Кадровик. 2013. № 12. С. 22–29.

References

1. Gontmaher E. *Nyneshniy Trudovoy kodeks otorvan ot zhizny* [The modern labor codex is far from reality], available at: <http://www.kp.ru/artikle/124589475> (accessed 29 June 2014) (in Russian).

2. Primakov E. *Chelovecheskiy kapital vyhodit na perviy plan* [Human capital comes to forefront], available at: <http://www.rg.ru/2013/01/15/primakov.html> (accessed 29 June 2014) (in Russian).

3. Iavorchuk N., *Moлева I. Kadrovik*, 2013, no. 12, pp. 22–29 (in Russian).

UDC 342.734

CONSTITUTIONAL BASES OF LABOR PROTECTION IN RUSSIAN FEDERATION

Abbasova Elena Valeryevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Chair of Civil and Law Disciplines, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vaslena@mail.ru

Vasilyev Valery Aleksandrovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Chair of Civil and Legal Disciplines, Candidate of Juridical Sciences, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: v_vasiljev@nm.ru

Annotation

The article presents the analysis of Russian legislative system, regulating labor protection. The authors study main components of the system, which have positive effect for its development, and trace correlation of the labor protection regulation with foreign legislative system. It is justified necessity to change some constructions of Russian Constitution and in labor legislation.

Key concepts:

major economic recourse, social environment quality, health of a nation protective means, participation of labors in administration.

УДК 346.5

ТЕРМИН «ОПАСНЫЕ ОБЪЕКТЫ» ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ

Стрелкова Ирина Ивановна,
Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г.И. Носова,
Институт экономики и управления,
заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,
г. Магнитогорск, Россия.
E-mail: strigul68@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется понятие «опасные объекты», используемое в законодательстве РФ. Обосновывается необходимость конкретизировать сферу применения термина «опасные объекты» в соответствии с ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте».

Ключевые понятия:
опасные объекты,
промышленная безопасность,
правовой режим эксплуатации
опасных объектов,
страхование гражданской
ответственности.

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года* отмечается, что экологическая ситуация в стране характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности. В сорока субъектах Российской Федерации более 54 процентов городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха. Объём сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенных, остаётся высоким. Практически во всех регионах сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель, не соответствующим требованиям экологической безопасности условия хранения и захоронения отходов.

Опасности и угрозы техногенного характера прогнозируются и в утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»**. Переход от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста связан с формированием нового механизма социального развития, что потребует реализации комплекса преобразований по разным направлениям. В первую очередь, речь идёт о развитии человеческого потенциала России. Основные приоритеты социальной и экономической политики в этой области включают улучшение состояния окружающей среды, повышение экологических стандартов, создание эффективной системы утилизации отходов производства и потребления, повышение обеспеченности населения качественной питьевой водой.

Повышенной угрозой причинения неприемлемого ущерба населению и окружающей среде характеризуется деятельность по эксплуатации опасных объектов. Острота и масштаб экологических проблем, действующая презумпция экологической опасности хозяйственной деятельности подчеркивают актуальность вопросов, связанных с установлением адекватного правового режима эксплуатации опасных объектов.

* Утверждены Президентом РФ 30 апреля 2012 года. Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

** О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»): Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (в ред. от 08.08.2009) // Собрание законодательства РФ. 2008. 24 ноября. № 47. Ст. 5489.

Особенности указанного режима заключаются в установлении дополнительных требований к субъектам предпринимательства, осуществляющим такую деятельность. К федеральным законам, устанавливающим подобные требования, относятся:

– федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее – ФЗ «О промышленной безопасности»^{*});

– федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте»^{**};

– федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»^{***};

– федеральный закон от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»^{****} и другие.

Кроме названных федеральных законов, законодательство Российской Федерации содержит множество иных нормативных правовых актов разного уровня, оперирующих понятием «опасные объекты» (опасные производственные объекты, особо опасные объекты, потенциально опасные объекты и т.п.). При этом соответствующие термины в нормативных правовых актах либо вообще не имеют определения, либо раскрываются через перечень опасных объектов.

Новый термин – «экологически опасные объекты» – предлагается ввести проектом федерального закона № 584587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды

и введения мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий»^{*****}. Определение данного термина в законопроекте снова отсутствует.

Возникает вопрос о причинах такого явления: объясняется ли подобное положение законодательными ошибками, простой терминологической непоследовательностью либо речь идёт о разных видах опасных объектов и, соответственно, о разных правовых режимах их эксплуатации.

В свою очередь, это порождает проблему более общего характера, а именно – можно ли в таких условиях вообще говорить о наличии правового режима. Само понятие «режим» (франц. *regime* от лат. *regimen* – управление) – это совокупность правил, норм, установленных применительно к определённым объектам управления^{*****}. В условиях отсутствия согласованности и взаимной связи норм, относящихся к разным институтам, о внятном правовом режиме эксплуатации опасных объектов, на наш взгляд, говорить не приходится. Более того, использование в нормативных правовых актах, регулирующих предпринимательскую деятельность, понятий и терминов, допускающих двусмысленность и возможность произвольной интерпретации, недопустимо и даже опасно, поскольку не только порождает правовую неопределённость, но и создает предпосылки для коррупционных проявлений. Законодательством должны быть установлены чёткие формальные критерии отнесения объектов, эксплуатируемых в сфере бизнеса, к категории опасных.

Такие критерии установлены в отношении опасных производственных объектов. В соответствии со ст. 2 федерального закона «О промышленной безопасности» опасными произ-

* О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 116-ФЗ (в ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 1997. 28 июля. № 30. Ст. 3588.

** Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 225-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 2010. 2 августа. № 31. Ст. 4194.

*** О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 1994. 26 декабря. № 35. Ст. 3648.

**** О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ (в ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2011. 9 мая. № 19. Ст. 2716.

***** Принят Государственной Думой ФС РФ в I чтении 07.10.2011 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

***** Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. ИНФРА-М, 2006. Словарь терминов [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

водственными объектами являются предприятия или их цехи, участки, площадки, а также иные производственные объекты, перечень которых приведён в Приложении 1 к данному федеральному закону. Согласно п. 2 ст. 2 закона опасные производственные объекты подлежат регистрации в государственном реестре в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации. Системное толкование этих норм позволяет сделать вывод о том, что предъявление к субъектам хозяйственной деятельности требований, предусмотренных ФЗ «О промышленной безопасности», напрямую связано с наличием формального признака – государственной регистрации в государственном реестре опасных производственных объектов.

Наличие такой прямой связи позволяет определять и рамки применения других нормативных правовых актов, содержащих ссылки на ФЗ «О промышленной безопасности». Так, продолжительное время оставался неясным вопрос о том, на какие именно взрывопожароопасные и химически опасные производственные объекты распространяется требование о лицензировании деятельности по их эксплуатации в соответствии со ст. 12 федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности». Ответа на вопрос, связано ли это требование с признаком государственной регистрации в реестре опасных производственных объектов, указанный федеральный закон не содержал.

Необходимое уточнение было внесено федеральным законом от 4 марта 2013 года № 22-ФЗ*. В действующей редакции ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» определённо указывается на то, что речь идёт об объектах, на которые распространяется действие законодательства о промышленной безопасности. Согласно п. 12 ст. 12 закона к лицензируемым видам деятельности относится эксплуатация взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности.

В свою очередь, классификация объектов проводится в ФЗ «О промышленной безопасности» в зависимости от уровня потенциальной опасности аварий на них для жизненно важных интересов личности и общества (п. 3 ст. 2).

Ссылки на ФЗ «О промышленной безопасности» содержатся и в постановлении Правительства РФ 10 июня 2013 № 492**, что также подтверждает вывод о том, что лицензированию подлежит деятельность по эксплуатации взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов, включённых в государственный реестр опасных производственных объектов.

На связь с понятием опасного производственного объекта, применяемым в целях ФЗ «О промышленной безопасности», указывает и Положение о разработке планов мероприятий по локализации и ликвидации последствий аварий на опасных производственных объектах, утв. постановлением Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 730***.

Положением предусмотрено, что планы мероприятий разрабатываются в целях обеспечения готовности организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, к действиям по локализации и ликвидации последствий аварий на таких объектах. Согласно пунктам 3 и 4 Положения план мероприятий разрабатывается для объекта, указанного в п. 2 ст. 10 ФЗ «О промышленной безопасности», зарегистрированного в государственном реестре опасных производственных объектов.

Категориями «особо опасные объекты», «потенциально опасные объекты» оперирует законодательство в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны.

Формальные основания для отнесения объектов экономики к потенциально опасным объектам заложены в приказе МЧС РФ от 28.02.2003 г. № 105 «Об утверждении Требований по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально

* О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившим силу подпункта 114 пункта 1 статьи 333.33 части второй Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 22-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. 4 марта. № 9. Ст. 874.

** О лицензировании эксплуатации взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности: Постановление Правительства РФ от 10.06.2013 г. № 492 (в ред. от 15.04.2014) // Собрание законодательства РФ. 2013. 17 июня. № 24. Ст. 3014.

*** Об утверждении Положения о разработке планов мероприятий по локализации и ликвидации последствий аварий на опасных производственных объектах: Постановление Правительства РФ от 26.08.2013 г. № 730 // Собрание законодательства РФ. 2013. 2 сентября. № 35. Ст. 4516.

опасных объектах и объектах жизнеобеспечения»*.

Приказом к потенциально опасным объектам отнесены объекты, на которых используются, производятся, перерабатываются, хранятся и транспортируются пожаровзрывоопасные, опасные химические и биологические вещества (п. 5).

Согласно п. 12 приказа отнесение потенциально опасных объектов к классам опасности осуществляется комиссиями, формируемыми органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Сведения о классификации представляются комиссиями в МЧС России и в иные федеральные органы исполнительной власти с учётом их компетенции. МЧС России, региональные центры по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и органы управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям осуществляют учёт потенциально опасных объектов и объектов жизнеобеспечения в установленном порядке (п. 13 приказа).

Таким образом, если организация включена в перечень, утверждённый органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, и поставлена на соответствующий учёт, на неё распространяют действие нормативные правовые акты, оперирующие понятием «потенциально опасный объект». Это относится и к отношениям, регулируемым ФЗ от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне». В соответствии с п. 2 статьи 9 закона организации, имеющие потенциально опасные производственные объекты и эксплуатирующие их, создают нештатные аварийно-спасательные формирования в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и поддерживают их в состоянии постоянной готовности**.

Важным элементом правового режима эксплуатации опасных объектов является обязательное страхование граж-

данской ответственности их владельцев, предусмотренное федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте».

Статья 2, где приводятся определения основных понятий, применяемых для целей данного закона, термин «опасный объект» не содержит. Он раскрывается в ст. 5 Закона через перечень опасных объектов, владельцы которых обязаны осуществлять страхование гражданской ответственности. К ним относятся:

- объекты, подлежащие регистрации в государственном реестре опасных производственных объектов;
- гидротехнические сооружения, подлежащие внесению в Российский регистр гидротехнических сооружений;
- автозаправочные станции жидкого моторного топлива;
- лифты, подъёмные платформы для инвалидов и эскалаторы (кроме эскалаторов в метрополитенах).

Как известно, розничные АЗС в соответствии с приказом Ростехнадзора от 15.04.2008 года № 241 законодательством о промышленной безопасности не охватываются***, но при этом указаны в перечне ст. 5 федерального закона отдельно, наряду с объектами, подлежащими регистрации в государственном реестре опасных производственных объектов.

Таким образом, данный закон разграничивает понятия «опасный производственный объект» и «опасный объект» на основании формального критерия государственной регистрации в соответствующем государственном реестре. Следует согласиться с мнением Л.А. Тихомировой о том, что применительно к автозаправочным станциям это означает следующее: АЗС, осуществляющие оптовую продажу бензина и дизтоплива на производственных площадках, являются опасными производственными

* Об утверждении Требований по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения: Приказ МЧС РФ от 28.02.2003 г. № 105 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. 19 мая. № 20.

** О гражданской обороне: Федеральный закон от 12.02.1998 г. № 28-ФЗ (в ред. 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 1998. 16 февраля. № 7. Ст. 799.

*** О мерах по устранению административных барьеров в виде регистрации автозаправочных станций, предназначенных для осуществления розничной торговли бензином и дизтопливом, в государственном реестре опасных производственных объектов и распространения на них действия законодательства в области промышленной безопасности: Приказ Ростехнадзора от 15.04.2008 г. № 241 [Электронный ресурс] // Безопасность труда в промышленности. 2008. № 6. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

объектами, в то время как автозаправочные станции, осуществляющие розничную торговлю бензином и дизельным топливом, относятся к опасным производственным объектам [1].

При этом необходимо учитывать, что федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» регулирует исключительно страховые отношения (ст. 1). Никаких оснований для того, чтобы распространять употребляемое в нём понятие «опасные объекты» на иные виды правоотношений, закон не даёт. К сожалению, на практике это очевидное соображение зачастую игнорируется, и к субъектам бизнеса, эксплуатирующим розничные АЗС, со ссылкой на перечень ст. 5 Закона предъявляются требования в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, гражданской обороны и других сферах, не связанных со страхованием.

Для устранения подобной неопределённости необходимо уточнить термин «опасные объекты», используемый в ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте». Статью 2 закона «Основные понятия» необходимо дополнить термином «опасный объект», ограничив тем самым сферу применения данного термина целями указанного федерального закона.

1. Тихомирова Л.А. Особенности правового регулирования в области промышленной безопасности АЗС [Электронный ресурс], 2013. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1 Tihomirova L.A. *Osobennosti pravovogo regulirovanija v oblasti promyshlennoj bezopasnosti AZS* [Features of legal regulation of petrol stations' technical safety], 2013. Dostup iz spravohnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

UDC 346.5

THE TERM «DANGEROUS OBJECTS» REQUIRES MORE PRECISE DEFINITION

Strelkova Irina Ivanovna,
Nosov Magnitogorsk
State Technical University,
Institute of Economy and Management,
Head of the Chair of Civil and Law
Disciplines,
Candidate of Juridical Sciences,
Magnitogorsk, Russia.
E-mail: strigul68@mail.ru

Annotation

The article deals with the term «dangerous objects» in Russian legislative system. The necessity to specify sphere of the term functioning in accordance with Federal Law «About obligatory insurance of civil liability of dangerous object owner for harming in accident in dangerous object».

Key concepts:

dangerous objects,
industrial safety,
legislative regime of operation
of dangerous objects,
insurance of civil liability.

УДК 332.133.44

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Артёмова Ольга Васильевна,

Уральский социально-экономический институт (филиал) ОУП ВПО «АТиСО»,
директор,
доктор экономических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: rect@ursei.ac.ru

Чепурнова Марина Леонидовна,

Уральский социально-экономический институт (филиал) ОУП ВПО «АТиСО»,
преподаватель кафедры
прикладной информатики и математики,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: chepurnova_elm@bk.ru

Аннотация

В статье представлен подход к оценке регионов по уровню развития отраслей специализации. Методика оценки основывается на анализе динамики доли ВРП отрасли специализации в ВРП региона, а также динамики доли инвестиций в отрасль специализации в совокупных инвестициях в экономические виды деятельности региона и использовании балльной оценки значений двух индексных показателей. Интеграция полученных балльных оценок позволяет проводить сравнительный анализ регионов по уровню развития отраслей специализации.

Ключевые понятия:

сравнительная оценка регионов,
отрасль специализации,
инвестиции,
валовой региональный продукт.

Для оценки уровня экономического развития региона в настоящее время используются различные подходы: на основе макроэкономических показателей и сравнении их с пороговыми значениями, с использованием индикативного анализа, экспертные оценки, применение темповых показателей по основным макроэкономическим показателям и динамике их изменений и другие [2]. При этом нередко используются методы математического аппарата, в том числе многомерного статистического анализа, теории игр с природой и др. [3].

Однако каждый подход имеет определенные ограничения, в частности:

- 1) субъективность экспертных оценок;
- 2) необходимость применения строгого математического аппарата, что заметно ограничивает число показателей, которые могут быть использованы в исследовании;
- 3) трудоёмкость и неоднозначность вычислительных процедур, сложность в чёткой идентификации результатов анализа [5, с. 31–36].

Представленный авторский подход к оценке развития отраслей специализации учитывает специфику экономики региона (монопродуктовые, слабо диверсифицированные и диверсифицированные регионы), включает оценку изменения объема инвестиций в отрасль специализации и выявление позитивной либо негативной тенденции относительно вклада отраслей специализации в ВРП региона.

Учёт данных параметров позволяет повысить объективность оценки темпов развития отраслей специализации региона, а единый методический подход – обеспечить возможность сравнительной оценки регионов РФ.

Авторами предложена поэтапность исследования отраслей специализации региона.

Этап 1. Группировка регионов по значимости в процессе формирования валовой добавленной стоимости по всем регионам РФ (ВДС)*, по следующим типам:

А – максимальная доля ВРП региона в ВДС (доля от 1,5 %).

В – средняя доля (от 1 до 1,5 %).

С – минимальная доля (ниже 1 %).

При определении пороговых значений группировки использован принцип: 100% ВДС относится ко всем восьмидесяти регионам, следовательно, среднерегиональное значение составляет 1,25 %. Значение средней доли – типа В отклоняется от 1,25 на $\pm 0,25\%$.

Результаты анализа регионов РФ в 2010 году представлены в табл. 1.

* Валовая добавленная стоимость по совокупности регионов (ВДС) в сумме с чистыми налогами на продукты даёт ВВП страны.

Результаты АВС-анализа регионов по доле в валовой добавленной стоимости РФ [4]

Место	Регион	ВРП%	Место	Регион	ВРП%
1	г. Москва	22,42	41	Владимирская область	0,58
2	Тюменская область	8,79	42	Тверская область	0,58
3	Московская область	4,79	43	Калининградская область	0,52
4	г. Санкт-Петербург	4,47	44	Курганская область	0,51
5	Красноярский край	2,80	45	Курская область	0,51
6	Свердловская область	2,76	46	Калужская область	0,49
7	Краснодарский край	2,69	47	Амурская область	0,48
8	Республика Татарстан	2,68	48	Ульяновская область	0,47
9	Республика Башкортостан	2,02	49	Рязанская область	0,46
10	Самарская область	1,85	50	Кировская область	0,44
11	Нижегородская область	1,73	51	Забайкальский край	0,43
12	Челябинская область	1,72	52	Пензенская область	0,42
13	Ростовская область	1,69	53	Чувашская Республика	0,41
14	Пермский край	1,68	54	Смоленская область	0,40
15	Кемеровская область	1,66	55	Астраханская область	0,39
16	Иркутская область	1,44	56	Брянская область	0,38
17	Ленинградская область	1,34	57	Тамбовская область	0,37
18	Сахалинская область	1,31	58	Республика Бурятия	0,36
19	Новосибирская область	1,29	59	Республика Карелия	0,34
20	Приморский край	1,24	60	Новгородская область	0,34
21	Оренбургская область	1,21	61	Республика Мордовия	0,28
22	Волгоградская область	1,17	62	Орловская область	0,27
23	Белгородская область	1,06	63	Камчатский край	0,27
24	Республика Саха (Якутия)	1,03	64	Ивановская область	0,26
25	Омская область	0,99	65	Республика Хакасия	0,25
26	Саратовская область	0,99	66	Костромская область	0,25
27	Архангельская область	0,95	67	Псковская область	0,23
28	Республика Коми	0,94	68	Республика Марий Эл	0,22
29	Хабаровский край	0,94	69	Кабардино-Балкарская Республика	0,20
30	Воронежская область	0,88	70	Республика Северная Осетия – Алания	0,20
31	Ставропольский край	0,85	71	Чеченская Республика	0,19
32	Алтайский край	0,80	72	Магаданская область	0,16
33	Республика Дагестан	0,76	73	Республика Адыгея	0,12
34	Томская область	0,76	74	Карачаево-Черкесская Республика	0,12
35	Удмуртская Республика	0,71	75	Чукотский автономный округ	0,11
36	Липецкая область	0,68	76	Еврейская автономная область	0,09
37	Вологодская область	0,67	77	Республика Тыва	0,08
38	Тульская область	0,63	78	Республика Калмыкия	0,06
39	Мурманская область	0,63	79	Республика Алтай	0,06
40	Ярославская область	0,63	80	Республика Ингушетия	0,06

Анализ показал, что:

к типу А в 2010 году относятся 15 регионов, дающие 63,75% от ВДС (в том числе Свердловская (2,76%), Тюменская (8,79%) и Челябинская (1,72%) области).

К типу В относятся 9 регионов, дающие 11,09% от ВДС.

К типу С относятся 56 регионов, дающие 25,17% от ВДС (в том числе Курганская область (0,51%).

Этап 2. Анализ и группировка регионов по отраслевой специализации.

Известно, что в региональной статистике выделяется 15 видов экономической деятельности, отражающих их отраслевую принадлежность.

Анализ и группировка регионов по отраслевой специализации позволили выделить следующие типы регионов.

Тип Х – монопродуктовые (один вид экономической деятельности доминирует при формировании ВРП). Например, в Челябинской области 33,4% валовой добавленной стоимости приносит один вид экономической деятельности – обрабатывающие производства; в Тюменской области – 49,6 % – добыча полезных ис-

Тип Z – диверсифицированные (три и более вида экономической деятельности характеризуются существенными долями в ВРП). Например, Курганская область: 14,1% – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; 15,6% – обрабатывающие производства; 16,7% – транспорт и связь; 14% – оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств. Критерий: 3 и более существенных по вкладу в ВРП видов деятельности (доля каждого – свыше 10%), в сумме превышающие 33,3%.

Этап 3. Составление ABC-XYZ – матрицы регионов (табл. 2). Таблица 2 составлена на примере регионов УрФО в 2010 году.

Этап 4. Выявление зависимости изменения ВРП региона и отрасли специализации от изменения инвестиций в экономические виды деятельности региона и отрасли специализации [1,4]. Данный вид анализа проводится на основе сравнительной оценки динамики доли отрасли специализации в ВРП региона и динамики доли инвестиций в отрасль специализации в совокупных инвестициях в экономические виды деятельности региона с использова-

Таблица 2

ABC-XYZ- матрица регионов УрФО в 2010 году по типам специализации

Тип	А	В	С
Х	Монопродуктовый регион с высокой долей в ВДС (Тюменская, Челябинская области)	Монопродуктовый регион с средней долей в ВДС	Монопродуктовый регион с низкой долей в ВДС
У	Слабодиверсифицированный регион с высокой долей в ВДС (Свердловская область)	Слабодиверсифицированный регион с средней долей в ВДС	Слабодиверсифицированный регион с низкой долей в ВДС
Z	Диверсифицированный регион с высокой долей в ВДС	Диверсифицированный регион с средней долей в ВДС	Диверсифицированный регион с низкой долей в ВДС (Курганская область)

копаемых. Критерий: свыше 33,3% – доминирование одного вида деятельности, остальные не превышают 15%.

Тип У – слабодиверсифицированные (два вида экономической деятельности с преобладающими долями в ВРП). Например, Свердловская область: 27,6% – обрабатывающие производства; 20,1% – оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств. Критерий: 2 вида деятельности, в сумме превышающие 33,3%, остальные – не выше 11%.

нием индексного анализа. Каждый индекс роста (доли ВРП отрасли j в ВРП региона i – обозначим как $I_{Дврп_i}^j$ и доли инвестиций в отрасль специализации j в инвестициях во все экономические виды деятельности региона i – обозначим как $I_{Диосп_i}^j$) может принимать значения >, <, ≈1,0. При этом возникают различные, с позиции интерпретации, варианты, представленные в табл. 3, 4. Расчёт показателей, предложенных авторами, производится по формулам 1 и 2.

$$I_{Дврп_i^j} = \frac{I_{врп_i^j}}{I_{врп_i}} \quad (1),$$

где $I_{врп_i^j}$ – индекс роста ВРП, обеспечиваемого отраслью специализации j в регионе i (определяемый как отношение показателя текущего периода к показателю прошлого периода);

$I_{врп_i}$ – индекс роста ВРП региона i .

$$I_{Диосп_i^j} = \frac{I_{иосп_i^j}}{I_{ир_i}} \quad (2),$$

где $I_{иосп_i^j}$ – индекс роста инвестиций в отрасль специализации j в регионе i (определяемый как отношение показателя текущего периода к показателю прошлого периода);

$I_{ир_i}$ – индекс роста инвестиций во все экономические виды деятельности региона i .

При анализе соотношений индексов роста, формирующих авторские показатели, в табл. 3,4, возможны 11 вариантов развития ситуации. Авторский подход к их оценке осуществляется с использованием балльной оценки:

Таблица 3

Соотношения индексов роста ВРП региона ($I_{врп_i}$) и ВРП, обеспечиваемого отраслью специализации j региона i ($I_{врп_i^j}$)

		$I_{врп_i}$			
		<1	≈1	>1	
$I_{врп_i^j}$	>1	При сокращении ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i возрастает	При стабильности ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i возрастает	При росте ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i возрастает	
				менее интенсивно	более интенсивно
		$I_{Дврп_i^j} > 1$	$I_{Дврп_i^j} > 1$	$I_{Дврп_i^j} < 1$	$I_{Дврп_i^j} > 1$
	вариант и его оценка в баллах	Вариант 1 (7 баллов)	Вариант 2 (10 баллов)	Вариант 3 (9 баллов)	Вариант 4 (11 баллов)
	≈1	При сокращении ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i стабилен	При стабильности ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i стабилен	При росте ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i стабилен	
				$I_{Дврп_i^j} > 1$	$I_{Дврп_i^j} \approx 1$
	вариант и его оценка в баллах	Вариант 5 (6 баллов)	Вариант 6 (5 баллов)	Вариант 7 (8 баллов)	
	<1	При сокращении ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i сокращается	При стабильности ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i сокращается	При росте ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i сокращается	
				менее интенсивно	более интенсивно
	вариант и его оценка в баллах	$I_{Дврп_i^j} > 1$	$I_{Дврп_i^j} < 1$	$I_{Дврп_i^j} < 1$	$I_{Дврп_i^j} < 1$
		Вариант 8 (3 балла)	Вариант 9 (2 балла)	Вариант 10 (4 балла)	Вариант 11 (1 балл)

Таблица 4

Соотношения индексов роста инвестиций в экономические виды деятельности региона (I_{ipj}) и инвестиций в отрасль специализации j региона i ($I_{иосп_i^j}$)

		I_{ipj}						
		<1		≈1		>1		
$I_{иосп_i^j}$	>1	При сокращении инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i возрастают		При стабильности инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i возрастают		При росте инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i возрастают		
						менее интенсивно	более интенсивно	
			$I_{Диосп_i^j} > 1$		$I_{Диосп_i^j} > 1$		$I_{Диосп_i^j} < 1$	$I_{Диосп_i^j} > 1$
	вариант и его оценка в баллах	Вариант 1 (7 баллов)		Вариант 2 (10 баллов)		Вариант 3 (9 баллов)	Вариант 4 (11 баллов)	
	≈1	При сокращении инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i стабильны		При стабильности инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i стабильны		При росте инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i стабильны		
				$I_{Диосп_i^j} > 1$		$I_{Диосп_i^j} \approx 1$		$I_{Диосп_i^j} < 1$
	вариант и его оценка в баллах	Вариант 5 (6 баллов)		Вариант 6 (5 баллов)		Вариант 7 (8 баллов)		
	<1	При сокращении инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i сокращаются		При стабильности инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i сокращаются		При росте инвестиций в экономические виды деятельности региона i , инвестиции в отрасль специализации j региона i сокращаются		
		менее интенсивно	более интенсивно					
		$I_{Диосп_i^j} > 1$		$I_{Диосп_i^j} < 1$		$I_{Диосп_i^j} < 1$		$I_{Диосп_i^j} < 1$
		Вариант 8 (3 балла)	Вариант 9 (2 балла)	Вариант 10 (4 балла)		Вариант 11 (1 балл)		

Вариант 1 – 7 баллов Вариант 7 – 8 баллов
 Вариант 2 – 10 баллов Вариант 8 – 4 балла
 Вариант 3 – 9 баллов Вариант 9 – 3 балла
 Вариант 4 – 11 баллов Вариант 10 – 2 балла
 Вариант 5 – 6 баллов Вариант 11 – 1 балл
 Вариант 6 – 5 баллов

Лучшим при оценке динамики доли ВРП отрасли специализации в ВРП региона (табл. 3) считается вариант 4, когда индексы роста ВРП отрасли специализации ($I_{врп_i}^j$) и ВРП региона ($I_{врп_j}$) характеризуются значениями, превышающими 1,0, и при этом индекс, $I_{Дврп_i}^j > 1$, то есть ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации, растёт быстрее ВРП региона, который, в свою очередь, также увеличивается. Худшим является вариант 11, когда при росте ВРП региона i , ВРП, обеспечиваемый отраслью специализации j региона i , сокращается, что оценивается на 1 балл.

С позиции осуществления инвестиций в отрасль специализации (табл. 4) лучши-

ции – группа X), рассчитывается как сумма баллов в конкретной ячейке (табл. 5). Минимально возможная оценка составляет 2 балла (1+1), максимально возможная – 22 балла (11+11).

Например, Челябинская область в 2011 году по сравнению с 2010 годом оценивается следующим образом: 11 баллов (оценка ВРП) + 9 баллов (оценка инвестиций). Интегральный показатель Челябинской области в 2011 году составил 20 баллов.

При проведении оценки слабо диверсифицированных регионов (группа Y) или регионов диверсифицированных (группа Z) оценка с использованием критериев, представленных в табл. 3 и 4, проводится по каждой ведущей отрасли (что сопровождается формированием таблицы типа табл. 5). Затем для слабо диверсифицированных регионов (две отрасли специализации), например, Свердловская область

Таблица 5

Интерпретация результатов анализа развития отраслей специализации региона

вариант		Вариант формирования $I_{Диосп_i}^j$ и его балльная оценка											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
		балл	7	10	9	11	6	5	8	4	3	2	1
Вариант формирования $I_{Дврп_i}^j$ и его балльная оценка	1	7	14	17	16	18	13	12	15	11	10	9	8
	2	10	17	20	19	21	16	15	18	14	13	12	11
	3	9	16	19	18	20	15	14	17	13	12	11	10
	4	11	18	21	20	22	17	16	19	15	14	13	12
	5	6	13	16	15	17	12	11	14	10	9	8	7
	6	5	12	15	14	16	11	10	13	9	8	7	6
	7	8	15	18	17	19	14	13	16	12	11	10	9
	8	4	11	14	13	15	10	9	12	8	7	6	5
	9	3	10	13	12	14	9	8	11	7	6	5	4
	10	2	9	12	11	13	8	7	10	6	5	4	3
	11	1	8	11	10	12	7	6	9	5	4	3	2

ми вариантами являются варианты 4, 2, 3 (в данной ситуации инвестиции в экономические виды деятельности региона растут либо стабильны, при этом обеспечивается более интенсивный рост инвестиций в отрасль специализации). Худшими вариантами являются варианты 11, 10, 9.

Переход к интеграции оценок (интегральный показатель) происходит с использованием матричного метода (таблица 5).

Интегральный показатель развития отрасли специализации регионов, характеризующихся монопродуктовой структурой (одна ведущая отрасль специализации – группа X),

как обрабатывающее производство и торговля, ремонт..., интегральные оценки суммируются, и результат суммирования умножается на 0,5. В 2011 году, по сравнению с 2010 годом, результаты оценки Свердловской области могут быть представлены так:

Обрабатывающее производство: 9 баллов (оценка ВРП) + 9 баллов (оценка инвестиций).

Торговля, ремонт: 9 баллов (оценка ВРП) + 9 баллов (оценка инвестиций).

Интегральный показатель Свердловской области в 2011 году:

18 баллов (ВРП)×0,5+18 баллов (инвестиции) × 0,5 = 18 баллов.

Для дифференцированных регионов (три-четыре отрасли) интегральные оценки суммируются и умножаются на 0,333 (при трёх отраслях), или 0,25 (при четырёх отраслях) соответственно.

В 2011 году, по сравнению с 2010 годом, результаты оценки Курганской области могут быть представлены следующим образом.

Обрабатывающее производство: 9 баллов (оценка ВРП) + 9 баллов (оценка инвестиций).

Торговля, ремонт: 9 баллов (оценка ВРП) + 9 баллов (оценка инвестиций).

Сельское хозяйство: 11 баллов (оценка ВРП) + 11 баллов (оценка инвестиций).

Транспорт и связь: 1 балл (оценка ВРП) +9 баллов (оценка инвестиций).

Интегральный показатель Курганской области в 2011 году:

(9+9+11+1) баллов (по оценкам ВРП)×0,25+(9+9+11+9) баллов (по оценкам инвестиций)×0,25 = 7,5+9,5=17 баллов.

Данный подход позволяет перейти к сравнительной оценке развития регионов РФ по итоговому интегральному показателю оценки как в рамках групп X, Y, Z, так и в целом по РФ.

Результаты анализа регионов УрФО согласно авторской методике за 2009–2011 гг. представлены в табл. 6.

Таким образом, в 2010 году по сравнению с 2009 годом Челябинская и Курганская области характеризуются одинаковой балльной оценкой, однако наглядно видно, что Челябинская область негативно оценена в части организации инвестиционного процесса в отрасль специализации (обрабатывающее производство), объём инвестиций в которую падает при росте инвестиций в экономические виды деятельности в регионе в целом.

В 2011 году по сравнению с 2010 годом позиция и Челябинской и Курганской областей улучшается, но у Челябинской области темпы улучшения ситуации более интенсивные (балльная оценка возрастает с 12 до 20 баллов).

Таблица 6

Матричная интерпретация результатов анализа развития отраслей специализации регионов УрФО за 2009–2011 гг.

		Вариант формирования $IDиосп_i^j$ и его балльная оценка											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
вариант	балл	7	10	9	11	6	5	8	4	3	2	1	
	Вариант формирования $IDврп_i^j$ и его балльная оценка	1	7	14	17	16	18	13	12	15	11	10	9
2		10	17	20	19	21	16	15	18	14	13	12	11
3		9	16	19	18 <i>Свердл.</i>	20 <i>Тюм.</i>	15	14	17	13	12	11	10
4		11	18	21	20 <i>Тюм. Чел.</i>	22	17 <i>Свердл.</i>	16	19	15	14	13	12 <i>Чел.</i>
5		6	13	16	15	17	12	11	14	10	9	8	7
6		5	12	15	14	16	11	10	13	9	8	7	6
7		8	15	17	17	19	14	13	16	12 <i>Кург.</i>	11	10	9
8		4	11	14	13	15	10	9	12	8	7	6	5
9		3	10	13	12	14	9	8	11	7	6	5	4
10		2	9	12	11	13	8	7	10	6	5	4	3
11		1	8	11	10	12	7	6	9	5	4	3	2

Серая заливка – 2010/2009 г.

Курсивом – 2011/2010 г.

Оценка Свердловской области – ниже, чем Тюменской, но обе области демонстрируют устойчивость процессов инвестирования и получения результатов от функционирования инвестиций.

Данный вид анализа позволяет выявить причинно-следственные связи в разрезе «Инвестиции-ВРП», а также выявить приоритетность экономических процессов в рамках конкретной отрасли, что позволяет разрабатывать дифференцированные и более обоснованные управленческие решения для обеспечения устойчивого функционирования и развития регионов России.

1. Инвестиционная деятельность в России: условия, факторы, тенденции: статистический бюллетень [Текст]. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. 57 с.

2. Кантор, Р.И. Оценка эффективности функционирования и развития региона на основе данных совокупности предприятий региона [Текст] / Р.И. Кантор, А.В. Иванов // Социум и власть. 2012. № 4. С. 87–93.

3. Логачёва, Н.М. Оценка и позиционирование регионов по уровню развития социальной инфраструктуры (на примере Челябинской области) [Текст] / О.В. Артёмова, Н.М. Логачёва // Труд и социальные отношения. Наука, практика, образование. 2012. №1 (91). С. 58–66.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: статистический сборник [Текст] / Росстат. М., 2013. 990 с.

5. Яшин, С.Н. Мониторинг экономической безопасности регионов на базе их сравнительной оценки и определения эффективности развития территорий [Текст] / С.Н. Яшин, Е.Н. Пузов // Финансы и кредит. 2006. № 3. С. 31–36.

References

1. *Investicijonaja dejatel'nost' v Rossii: uslovija, faktory, tendencii: statisticheskij bjulleten' [Investment activity in Russia: conditions, tendencies: statistic bulletin]. Moscow, Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki, 2013, 57 p. (in Russian).*

2. Kantor R.I., Ivanov A.V. *Socium i vlast'*, 2012, no. 4, pp. 87–93 (in Russian).

3. Logacheva N.M., Artemova O.V. *Trud i social'nye otnoshenija. Nauka, praktika, obrazovanie*, 2012, no. 1 (91), pp.58–66 (in Russian).

4. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2013: statisticheskij sbornik Rosstat. Moscow, 2013, 990 p. (in Russian).*

5. Jashin S.N., Puzov E.N. *Finansy i kredit*, 2006, no. 3, pp. 31–36 (Russian).

UDC 332.133.44

COMPARATIVE ASSESSMENT OF REGIONS ON LEVEL OF BRANCHES OF SPECIALIZATION DEVELOPMENT

Artyomova Olga Vasilyevna,

Ural Social and Economic Institute (Branch) of Academy of Labor and Social Relations, Director,
Doctor of Economics, Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: rect@ursei.ac.ru

Chepurnova Marina Leonidovna,

Ural Social and Economic Institute (Branch) of Academy of Labor and Social Relations, Lecturer of the Chair of Applied Informatics and Mathematics,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: chepurnova_elm@bk.ru

Annotation

The article represents an approach to regions assessment on their specialization sectors development level. The technique of an assessment is based on dynamics analysis of Gross regional product (GRP) portion in specialization sector of regional GRP in general and on dynamics analysis of investments portion of specialization sector in total investments in regional economic activities. The authors use scored assessment system in the analyses of the two points. Integration of the results of the analysis allows compare regions on their specialization sectors development level.

Key concepts:

comparative assessment of regions,
branch of specialization,
investment,
gross regional product (GRP).

УДК 332.146.2; 339.137.22

К НОВОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТО- СПОСОБНОСТИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ НАУКОЁМКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Головихин Сергей Александрович,
Челябинский филиал
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кафедра экономики, финансов
и бухгалтерского учёта,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: gsa@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье отражаются основные элементы стратегии повышения конкурентоспособности машиностроительного региона на основе конкурентных преимуществ наукоёмкого машиностроения. Выделяются критерии группировки машиностроительных регионов и группы регионов России по приоритетности реализации мер повышения конкурентоспособности на основе развития наукоёмкого машиностроения. Определены новые приоритетные направления региональной политики повышения конкурентоспособности машиностроительных регионов, которые базируются на развитии конкурентных преимуществ наукоёмкого машиностроения.

Ключевые понятия:
конкурентоспособность,
регион,
региональная политика,
наукоёмкое машиностроение,
опорные машиностроительные
предприятия.

Необходимость повышения конкурентоспособности машиностроительных регионов на основе наукоёмкого машиностроения, обладающего мощным инновационным потенциалом технико-технологического развития всех отраслей экономики, требует формирования новой экономической стратегии [3; 4; 6; 7; 8].

В современных экономических условиях разработка такой стратегии должна быть направлена на регионы, в которых машиностроение составляет существенную часть региональной экономики, вносит значительный вклад в валовой внутренний продукт и валовой региональный продукт, а также способно стать мультипликатором роста региональной конкурентоспособности [1; 5; 9; 10; 11].

В соответствии с данной стратегией повышение конкурентоспособности региона за счёт развития наукоёмкого машиностроения является необходимым условием сближения региональной и национальной экономики с конкурентной позицией ведущих мировых стран, базирующих рост своей конкурентоспособности на инновациях. При этом следует отметить, что стратегическое повышение национальной конкурентоспособности определяется двумя экономическими явлениями: конкурентоспособностью регионов и переходом национальной экономики на новый технологический уклад. Существование этих экономических явлений характеризуется их взаимовлиянием, усилением и изменением проявлений каждого под воздействием другого. По нашему мнению, переплетение, наложение таких проявлений порождает идею о том, что национальная конкурентоспособность в сложившейся мировой конкурентной среде, прежде всего, прирастает конкурентоспособностью регионов, обеспечивающих переход экономики на новый технологический уклад (рис. 1).

Эффект повышения конкурентоспособности регионов, возникающий на основе развития наукоёмкого машиностроения, сопряжён с появлением дополнительного эффекта вытеснения экспортно-сырьевой модели регионального экономического роста. Усилению такого эффекта способствует переориентация экономической политики с исключительной поддержки отраслей тяжёлой промышленности на машиностроение, являющееся основой научно-технического прогресса и мультипликатором развития региональных производителей смежных отраслей-потребителей.

Для достижения значимого эффекта повышения региональной конкурентос-

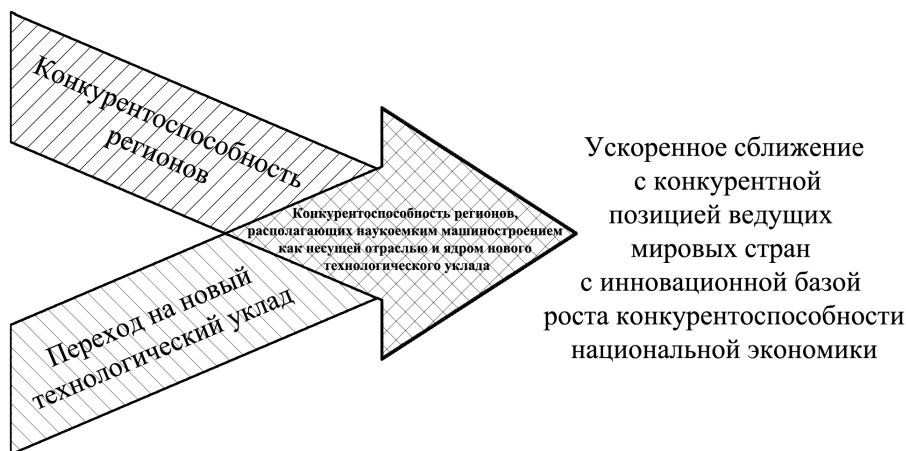

Рис. 1. Эффект повышения конкурентоспособности регионов, возникающий на основе развития наукоёмкого машиностроения

поспособности на основе развития наукоёмкого машиностроения необходим отбор регионов для последующего установления в них приоритетов и способов эффективной региональной и федеральной поддержки развития наукоёмкого машиностроения. Поскольку несущей отраслью и ядром нового технологического уклада является наукоёмкое машиностроение, постольку указанный отбор следует прежде всего проводить среди регионов, которые располагают существенным машиностроительным потенциалом, способным стать базой для развития наукоёмкого машиностроения.

В качестве критериев существенности машиностроительного потенциала региона предлагается принимать доли произведённой в регионе машиностроительной продукции в общенациональном объёме произведённой машиностроительной продукции и в валовом внутреннем продукте страны. Эти доли должны быть не ниже среднероссийского уровня (1,25% и 0,1% соответственно). В Российской Федерации в 2012 году таким критериям соответствовали следующие регионы: г. Санкт-Петербург (8,28%, 0,66%), г. Москва (8,17%, 0,65%), Московская (7,74%, 0,62%) и Самарская (7,16%, 0,57%) области, Республика Татарстан (5,55%, 0,44%), Калужская (4,87%, 0,39%), Свердловская (3,74%, 0,30%), Нижегородская (3,70%, 0,30%) и Калининградская (3,60%, 0,29%) области, Пермский край (2,63%, 0,21%), Челябинская (2,40%, 0,19%) и Ростовская (2,36%, 0,19%) области, Республика Башкортостан (2,15%, 0,17%), Ленинградская (2,02%, 0,16%), Тюменская (1,96%, 0,15%), Иркутская (1,87%, 0,15%), Ярославская

(1,62%, 0,13%), Владимирская (1,53%, 0,12%), Ульяновская (1,49%, 0,12%), Новосибирская (1,35%, 0,11%) и Тверская (1,29%, 0,10%) области, Красноярский край (1,29%, 0,10%).

Разрешение проблемы отбора регионов, управление конкурентоспособностью которых даст эффект перехода к новому технологическому укладу, также требует учёта значимости машиностроения для региональной экономики. Для этого при отборе регионов необходимо принимать во внимание долю произведённой в регионе машиностроительной продукции в валовом региональном продукте, которая должна быть не ниже среднего по России уровня (11,61%).

Совместное использование выделенных критериев позволило сформировать группы регионов, для которых характерны различные приоритеты в реализации мер по повышению конкурентоспособности на основе развития наукоёмкого машиностроения (табл. 1):

– регионы, которым следует оказывать приоритетную федеральную и региональную поддержку развития наукоёмкого машиностроения ввиду наличия наибольшего среди российских регионов потенциала для перехода на новый технологический уклад, обеспечивающего наибольшее ускорение в сближении с конкурентной позицией ведущих мировых стран с инновационной базой роста конкурентоспособности. Проявление такой поддержки – разработка и реализация федеральной и региональной целевых комплексных программ развития наукоёмкого машиностроения в регионе, стимулирование создания машиностроительных кластеров в регионе;

Таблица 1

Группировка регионов России по приоритетности реализации мер по повышению конкурентоспособности на основе развития наукоёмкого машиностроения

Доля произведённой в регионе машиностроительной продукции в ВВП, %	
Ниже среднероссийского (<0,1%)	Выше среднероссийского (≥0,1%)
<p>Регионы, для которых целесообразна преимущественно региональная приоритетная поддержка наукоёмкого машиностроения (12): Чувашская Республика (0,08%, 25,15%) Рязанская область (0,07%, 19,36%) Республика Мордовия (0,07%, 31,72) Пензенская область (0,06%, 18,07%) Смоленская область (0,06%, 17,96%) Республика Бурятия (0,06%, 18,74%) Брянская область (0,05%, 16,28%) Курганская область (0,04%, 14,57%) Псковская область (0,03%, 18,94%) Республика Марий Эл (0,03%, 19,24%) Орловская область (0,03%, 13,83%) Костромская область (0,02%, 11,69%)</p>	<p>Регионы, для которых целесообразно сочетание федеральной и региональной приоритетной поддержки наукоёмкого машиностроения (17): г. Санкт-Петербург (0,66%, 17,89%), Московская (0,62%, 15,59%) и Самарская (0,57%, 37,38%) области, Республика Татарстан (0,44%, 19,99%), Калужская (0,39%, 95,58%), Нижегородская (0,30%, 20,71%), Свердловская (0,30%, 13,07%) и Калининградская (0,29%, 66,8%) области, Пермский край (0,21%, 15,08%), Челябинская (0,19%, 13,46%), Ростовская (0,18%, 13,49%), Ленинградская (0,16%, 14,54%), Иркутская (0,15%, 12,52%), Ярославская (0,13%, 24,94%), Владимирская (0,12%, 25,26%), Ульяновская (0,12%, 30,89%) и Тверская (0,10%, 21,38%) области</p>
<p>Регионы, в которых наукоёмкое машиностроение не является приоритетным направлением повышения конкурентоспособности региона (46): Саратовская (0,09%, 10,58%) и Воронежская (0,08%, 11,14%) области, Приморский край (0,07%, 7,00%), Краснодарский край (0,07%, 3,11%), Кемеровская (0,06%, 4,70%) и Архангельская (0,06%, 7,89%) области, Удмуртская Республика (0,06%, 10,56%), Хабаровский край (0,05%, 6,75%), Омская (0,05%, 6,42%) и Липецкая (0,05%, 9,22%) области, Алтайский край (0,05%, 7,75%), Томская (0,04%, 7,26%), Тульская (0,04%, 8,38%), Волгоградская (0,04%, 4,38%) и Вологодская (0,04%, 6,44%) области, Ставропольский край (0,03%, 4,97%), Тамбовская (0,03%, 10,90%), Кировская (0,03%, 8,76%), Оренбургская (0,03%, 3,18%), Курская (0,03%, 7,34%), Белгородская (0,03%, 3,44%), Новгородская (0,02%, 7,84%), Астраханская (0,02%, 6,85%), Ивановская (0,02%, 8,76%) и Мурманская (0,01%, 3,04%) области, Кабардино-Балкарская Республика (0,01%, 7,23%), Республика Карелия (0,01%, 3,32%), Амурская область (0,01%, 2,15%), Карачаево-Черкесская Республика (0,01%, 8,57%), Республика Хакасия (0,01%, 3,87%), Республика Дагестан (0,01%, 1,01%), Сахалинская область (0,01%, 0,54%), Камчатский край (0,00%, 1,94%), Забайкальский край (0,00%, 1,12%), Республика Саха (Якутия) (0,00%, 0,44%), Республика Коми (0,00%, 0,48%), Республика Северная Осетия-Алания (0,00%, 1,92%), Республика Адыгея (0,00%, 2,19%), Магаданская область (0,00%, 0,91%), Еврейская АО (0,00%, 0,94%), Чеченская Республика (0,00%, 0,22%), Республика Калмыкия (0,00%, 0,32%), Республика Алтай (0,00%, 0,35%), Республика Тыва (0,00%, 0,07%), Чукотский АО (0,00%, 0,04%), Республика Ингушетия (0,00%, 0,02%)</p>	<p>Регионы, для которых целесообразна преимущественно федеральная приоритетная поддержка наукоёмкого машиностроения (5): г. Москва (0,65%, 3,52%) Республика Башкортостан (0,17%, 10,27%) Тюменская область (0,16%, 2,16%) Новосибирская область (0,11%, 10,10%) Красноярский край (0,10%, 4,44%)</p>

– регионы, для которых машиностроение не является ведущим фактором повышения их конкурентоспособности, но требующие мер федерального стимулирования развития в регионе наукоёмкого машиностроения ввиду его большой значимости для экономики страны. Для таких регионов целесообразны разработка и реализация федеральной целевой комплексной программы развития наукоёмкого машиностроения в регионе;

– регионы, машиностроение которых не вносит существенного вклада в валовой внутренний продукт страны, но является ведущим фактором повышения региональной конкурентоспособности, а следовательно, требует преимущественно региональной поддержки развития наукоёмкого машиностроения, в том числе в виде целевого комплексного программирования;

– регионы, для которых решение вопросов повышения конкурентоспособности на основе развития наукоёмкого машиностроения в существующих условиях не своевременно и не целесообразно. Решение таких вопросов возможно лишь на основе стимулирования частных инвестиций в отрасль.

Для реализации стратегических мер приоритетной поддержки наукоёмкого машиностроения как основы роста конкурентоспособности машиностроительных регионов следует избрать конкретные объекты, на которые направлены эти меры, для чего необходимо произвести отбор в машиностроительных регионах опорных машиностроительных предприятий как генераторов технико-технологических и рыночных региональных конкурентных преимуществ для государственной поддержки их наукоёмкого производства, являющегося мультипликатором роста региональной экономики и её конкурентоспособности.

Наиболее действенными мерами приоритетной поддержки опорных машиностроительных предприятий следует признать расширение регионального спроса на их продукцию в первую очередь на основе реструктуризации в регионе ведущих отраслей-потребителей машиностроительной продукции, в том числе жилищно-коммунального хозяйства и строительства, в совокупности с привлечением в регион глобальных производителей комплектующих.

Опора на установленную необходимость вытеснения экспортно-сырьевой модели регионального экономического роста развитием машиностроения, выявленную дифференциацию регионов в управлении их конкурентоспособностью, отбор опорных

машиностроительных предприятий и расширение регионального спроса на их продукцию нацеливает на ускорение перехода на новый технологический уклад.

При этом порождается получение ряда значимых эффектов: повышение конкурентоспособности региона-объекта управления; создание условий для роста конкурентоспособности других регионов как за счёт распространения инноваций, так и за счёт мультипликативной способности машиностроения генерировать научно-технический прогресс в других отраслях; сближение региональной и национальной экономики с конкурентной позицией ведущих мировых стран, добывающихся роста своей конкурентоспособности на основе инноваций.

На базе положений сформированной концепции определены новые приоритетные направления региональной политики повышения конкурентоспособности машиностроительных регионов, которые базируются на развитии конкурентных преимуществ наукоёмкого машиностроения.

Во-первых, отбор опорных машиностроительных предприятий в регионе с целью приоритетной региональной поддержки их развития.

Отбор опорных машиностроительных предприятий в регионе предлагается производить на основе расчёта группового средневзвешенного показателя, объединяющего следующие нормированные значения:

– отнесение продукции предприятия к приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации (или) критическим технологиям Российской Федерации, утверждённым Указом Президента от 07.07.2011 г. №899;

– соответствие научно-технического уровня выпускаемой продукции мировому значению;

– численность инженерных кадров предприятия;

– интенсивность появления инновационных продуктов (количество разработанных инновационных продуктов, готовых к запуску в производство, в расчёте на год);

– продуктивность инженерного труда (объёмы продаж инновационной продукции в расчёте на 1 инженера предприятия);

– доля мирового, национального и регионального рынка, занимаемая предприятием;

– рост доли рынка, занимаемой предприятием;

– региональный мультипликатор производственного освоения инноваций (отноше-

ние численности работников предприятий-поставщиков комплектующих регионально-го производства к численности работников опорного предприятия, осваивающего производство новой конечной продукции).

По результатам расчёта данного показателя утверждается состав опорных предприятий с максимальными значениями средневзвешенного показателя, для которых рекомендуется:

1) определять номенклатуру потребляемой опорными региональными предприятиями продукции, производство которой осуществляется вне региона;

2) определять виды потребляемой опорными предприятиями продукции, производимой вне региона, которую предприятия могут (и готовы) заменить на производимую региональными поставщиками;

3) опорным предприятиям, перешедшим на продукцию региональных поставщиков, предоставлять льготы и оказывать меры господдержки.

Для отобранных опорных предприятий следует осуществлять:

– меры государственной региональной поддержки производства существующей продукции;

– меры государственной региональной поддержки производителей, использующих в производстве региональные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки;

– целенаправленное формирование спроса на вновь вводимую продукцию.

Во-вторых, целенаправленное формирование регионального спроса на продукцию опорных машиностроительных предприятий в регионах должно предусматривать:

– административные методы регулирования, направленные на реорганизацию жилищно-коммунального хозяйства и строительства как ведущих в регионе отраслей-потребителей машиностроительной продукции и перевода их на принципы жёсткого энергосбережения и новые технологии строительства, требующие нового инженерного оборудования зданий и сооружений, в том числе приборов учёта потребления тепла и энергии, устройств энергосбережения, а также новой импортозамещающей строительной техники;

– стимулирование спроса на инновационную продукцию, произведённую в регионе, посредством нормирования в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

В-третьих, привлечение глобальных предприятий-производителей комплектующих конечной машиностроительной про-

дукции для опорных предприятий региона и внерегиональных потребителей.

Механизмом привлечения в регион на конкурсной основе новых глобальных предприятий-производителей должно стать создание условий, в действительности отвечающих современным мировым требованиям, предъявляемым к индустриальным паркам, на существующих площадках промышленных парков на территории региона:

– реорганизация созданных, но неэффективных и невостребованных по причине отсутствия должной инфраструктуры промышленных парков;

– создание новых промышленных парков с территориальной привязкой к опорным предприятиям, с полностью подведённой инфраструктурой и освобождением размещающихся в них предприятий от арендной платы в первые 5 лет функционирования. Инструментом компенсации расходов по подведению транспортной и инженерной инфраструктуры, а также недополученной арендной платы должны стать средства областного бюджета и специально создаваемых фондов развития отдельных отраслей промышленности.

В-четвёртых, селективная поддержка машиностроительных предприятий, не входящих в категорию опорных, но являющихся потенциальной точкой регионального экономического роста.

Реализация обоснованных приоритетных направлений региональной экономической политики обеспечит создание организационно-экономических условий для повышения конкурентоспособности машиностроительных регионов за счёт создания и развития конкурентных преимуществ наукоёмкого машиностроения.

1. Головихин, С.А. Конкурентоспособность экономики регионов России: Монография [Текст] / С.А. Головихин. Челябинск: Центр научного сотрудничества, 2012. 358 с.

2. Головихин, С.А. Проблема диагностики региональной конкурентоспособности [Текст] / С.А. Головихин // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (Часть 5). С. 982–985.

3. Неживенко, Е.А. Конкурентоспособность региона: методологические проблемы исследования [Текст] / Е.А. Неживенко // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 57–61.

4. Неживенко, Е.А. Системный подход к региональным исследованиям конкурентоспособности [Текст] / Е.А. Неживенко, И.А. Новикова // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (Часть 5). С. 1012–1016.

5. Неживенко, Е.А. Классификация факторов конкурентоспособности региона [Текст] / Е.А. Неживенко, И.А. Новикова // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (Часть 7). С. 1397–1401.

6. Полякова, А.Г. Концептуальные основы модернизации экономики регионов [Текст] / А.Г. Полякова // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 323. С. 273–279.

7. Полякова, А.Г. Модернизация экономики региона: характер и направления преобразований [Текст] / А.Г. Полякова // Академический вестник. 2008. №4. С. 53–57.

8. Полякова, А.Г. Стратегические аспекты обеспечения конкурентоспособности экономической системы региона [Текст] / А.Г. Полякова, Д.И. Кузнецов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 40–42.

9. Региональная промышленная политика: от макроэкономических условий формирования к новым институтам развития [Текст] / А.И. Татаркин, О.А. Романова, Р.И. Чененова, И.В. Макарова. М.: Экономика, 2012. 359 с.

10. Романова, О.А. Формирование институциональной среды научно-технологического развития промышленного комплекса региона [Текст] / О.А. Романова, Р.И. Чененова, Н.В. Коновалова, И.В. Макарова, С.Г. Ченевич. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 363 с.

11. Смирнов, В.В. Особенности формирования региональной системы обеспечения конкурентоспособного производства [Текст] / В.В. Смирнов, В.Л. Семенов // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 13. С. 9–19.

References

1. Golovikhin S.A. *Konkurentosposobnost' ekonomiki regionov Rossii: Monografia [Competitiveness of the economy of regions of Russia: Monograph]*. Chelyabinsk, Center for Scientific Cooperation, 2012, 358 p. (in Russian).

2. Golovikhin S.A. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2013, no. 11, part 5, pp. 982–985 (in Russian).

3. Nezhivenko E.A. *Sostium I vlast'*, 2012, no. 3 (35), pp. 57–61 (in Russian).

4. Nezhivenko E.A., Novikova I.A. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2013, no. 11, part 5, pp. 1012–1016 (in Russian).

5. Nezhivenko E.A., Novikova I.A. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2013, no. 11, part 7, pp. 1397–1401 (in Russian).

6. Polyakova A.G. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 323, pp. 273–279 (in Russian).

7. Polyakova A.G. *Akademicheskij vestnik*, 2008, no. 4, pp. 53–57 (in Russian).

8. Polyakova A.G., Kuznecov D.I. *Intellekt. Innovastii. Investitsii*, 2012, no. 1, pp. 40–42 (in Russian).

9. Tatarkin A.I., Romanova O.A., Chenenova R.I., Makarova I.V. *Regional'naja promyshlennaja politika: ot makroekonomicheskikh uslovij formirovaniya k novym institutam rasvitiya* [Regional industrial policy: from the macroeconomic conditions of formation to the new development institutions]. Moscow, Economics, 2012, 359 p. (in Russian).

10. Romanova O.A., Chenenova R.I., Konovalova N.V., Makarova I.V., Chenевич S.G. *Formirovaniye institucional'noy sredy nauchno-tehnologicheskogo rasvitiya promyshlennogo kompleksa regiona* [Formation of the institutional environment of scientific and technological development of regional industrial complex]. Ekaterinburg, Institute of Economics of UB RAS, 2008, 363 p. (in Russian).

11. Smirnov V.V., Semenov V.L. *Regional'naja ekonomika: teorija i praktika*, 2008, no. 13, pp. 9–19 (in Russian).

UDC 332.146.2; 339.137.22

TO THE NEW STRATEGY INCREASING COMPETITIVENESS OF A REGION ON THE BASE OF DEVELOPMENT OF HIGH TECH MACHINE BUILDING

Golovikhin Sergey Aleksandrovich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Deputy Head of the Faculty
of Economics and Law,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: gsa@chel.ranepa.ru

Annotation

The author reflects upon major elements of the new strategy increasing competitiveness of a region on the base of development of high tech machine building. Criteria of grouping machine building regions are described in the article. Machine building regions in Russia on priorities of measures increasing competitiveness on the base of development of high tech machine building are grouped by the author. The new priority ways of regional policy increasing competitiveness of high tech machine building regions are determined in the article.

Key concepts:

competitiveness,
region,
regional policy,
high tech machine building,
supportive machine building factories.

УДК 141.201

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ПОПЫТКА РЕЛЕВАНТНОГО ОПИСАНИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ МИРА

Ашимова Виктория Анатольевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), доцент кафедры философии и политологии, кандидат философских наук, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена кратким отсылкам к основным подходам философской герменевтики как методам по отысканию подлинного описания универсума. В постмодернистской ситуации классическая герменевтика становится вполне адекватным решением-описанием и задаёт правильные ориентиры алгоритмов смыслопонимания.

Ключевые понятия:
двойственность,
герменевтика,
релевантность,
понимание,
описание.

Мир настолько усложнился, его мультикультурность и дискретность одновременно создают полное ощущение хаоса и нестабильности, что, в свою очередь, привело к утверждению пробабилистского стиля мышления и всепроникающего релятивизма. Чтобы хоть как-то ориентироваться в этой паралогичности, мы вынуждены острее, чем когда бы то ни было, прибегать к помощи интерпретативных теорий, ибо прогресс науки очевиден, но от этого не стало понятнее. Поскольку глобализация обязывает к толерантности, требует корректности к Другому, то найти правильную интерпретацию происходящего и близлежащего становится крайне необходимо, сколь и трудно. И здесь, на наш взгляд, следует обратиться к философской герменевтике, собственно задачей которой всегда было не просто отыскание адекватного понимания, но донесение смысла для воспринимающего.

Герменевтика возникла ещё в то время, когда формируется представление о неизречённости посланий божественной мудрости, которую не могут понять обычные люди без разъяснений толкователя, имя которому Гермес, который, как известно, был покровителем торговцев и воров. И, с одной стороны, без посредника никак не обойтись, а, с другой стороны, насколько можно доверять такому оракулу, такому сомнительному медиуму...

В Средние века герменевтика выступит как экзегетика и будет толковать непостижимую реальность уже христианской веры. Августин Блаженный, создавший по образцу риторики учебник библейской герменевтики, в письме Блаженному Иерониму писал о себе, что если он в Библии находит ошибки, то вина в том переводчиков, а если всё-таки они не виноваты, то тогда, это он сам вероятно чего-то недопонял, но если и тогда противоречие очевидно, налицо то правильное понимание библейских несуразностей откроется ему уже на том свете, ибо истина останется таковой, даже если погибнет мир, так как суждение «мир погиб» будет истинным [1, с. 341]. Таким образом, вера в абсолютную истину и возможность её однозначного толкования в IV веке ещё присутствует, но всё меняется по мере распространения протестантизма, когда герменевтика выступает как судья в споре католических богословов и протестантов за «истинную» интерпретацию священных текстов, ибо каждый настаивает на своей версии понимания божественных слов, на владение «священным» знанием. *И проблема уже однозначного, «правильного» толкования Библии становится открытой, а, точнее, неразрешимой, отсюда такое множество сект.*

И если у Ф. Шлейермахера с «герменевтическим кругом» и В. Дильтея с методом понимания: «На произведениях гениальных людей мы можем изучить энергетическое действие определённых форм умственной деятельности. В языке, в мифах, в религиозных обычаях, нравах, праве и внешней организации выявляются такие результаты работы общего духа, в которых человеческое сознание, выражаясь языком Гегеля, объективировалось и таким образом может быть подвергнуто расчленению. Что такое человек, можно узнать не путем размышлений над самим собой, и даже не посредством психологических экспериментов, а только лишь из истории» [5, с. 71] герменевтика всё-таки ещё выступает вспомогательной техникой. Для М. Хайдеггера, использующего феноменологический метод Э. Гуссерля: «Титул «феноменология» выражает максимум, которая таким образом может быть сформулирована: «к самим вещам!» – против всех свободнопарящих конструкций, случайных находок, против заимствования любых лишь мнимо доказанных концепций, против мнимых вопросов, которые часто на протяжении поколений выпячиваются как «проблемы»» [12, с. 28] по отношению к такой фундаментальной категории, как бытие, герменевтика уже становится философской и её цель отныне – задать новую возможность гуманитарного исследования, социального познания.

Поскольку вопрос о смысле бытия может быть задан только человеком, то неклассическая онтология выявляет его новые экзистенциальные параметры – те условия, благодаря которым возможно такое вопрошание, что в человеке есть такового, что делает возможным вопрос о смысле его бытия, в частности, и бытия вообще. Или переформулируем вопрос, что в человеческом бытии делает его таким, каково оно есть, каким мы его знаем, наблюдаем, «застаем». Так Хайдеггер расширяет влияние и подчеркивает онтологический статус «герменевтического круга» Ф. Шлейермахера: *имеющий историю человек внутренне историчен, что, в свою очередь, позволяет ему иметь историю*. Не в гегелевском смысле, когда часть (конкретный человек) может быть понята на основе целого (всеобщей истории), а целое (всеобщая история) понимается на основе части (конкретного человека), как, собственно, понимал свой «герменевтический круг» и Ф. Шлейермахер. А в кантовском смысле, когда человек имманентно историчен, по умолчанию, в нём априори заложена историчность как качество и в результате у него есть история, он помнит себя и пишет историю.

Человек вопрошает о смысле бытия, ибо сам в состоянии бытийствовать. В разное время мыслители пытались сформулировать, что есть фундаментальная черта человека, но так или иначе она сводилась к его разумности, способности к абстракции, рефлексии. Для М. Хайдеггера *такой фундаментальной чертой человека является его открытость к бытию и уникальная возможность, способность, задавать вопрос о его смысле, который, как известно, ситуативен, а отнюдь не вечен, как думали в классической онтологии*. Отсюда понимание – это не один из способов познания, а как единственный способ существования, как способ быть.

И отныне задача философской герменевтики по Хайдеггеру – истолковать язык бытия, слово которого всегда многозначно. И чем лучше, внятнее человек понимает, интерпретирует «зов» бытия, тем быстрее, отчетливее он обретает свою личную, единичную судьбу и историю: «Оно приводит присутствующее и отсутствующее каждый раз к его собственному, откуда последнее кажется себя в себе самом и своим способом пребывает» [13, с. 268], *и люди, только формально похожие друг на друга, в своей уникальности могут лишь иногда, крайне редко, встречать что-то отдалённо родственное их собственной природе звучания на пути проживания единичной судьбы*. Потому насколько уместны будут специально артикулируемые цели-ценности, стандарты, образцы и нормы, к которым должно стремиться, если мир такой паралогичный, дискретный и прекрасный, совершенный одновременно!

При ближайшем же рассмотрении оказывается, что даже понимание одного и того же для каждого будет разным, ибо один человек в одном и том же тексте видит одно, другой читает совсем иное, как говорят, «то, что русскому хорошо, немцу – смерть». Или почему все смотрят постмодернистское кино (не фестивальное, а масскультурное)?! И эстет, и пролетарий! Например, «Криминальное чтиво» А. Тарантино! Ответ прост: потому что эстету нравится, например, музыкальное сопровождение и операторская работа, так сказать, картинка, а пролетарию совсем другое интересно – это экшн, секс, наркотики и рок-ролл! И трудно сказать, что здесь выше или ниже, уместно, релевантно, или оправданно, ибо каждое любознательно по-своему.

Таким образом, *человеческое бытие изначально «герменевтично», ибо находится в ситуации понимания, осмысления, интерпретации*. И так состоялся поворот от трансцендентальной феноменологии Г. В. Ф. Гегеля, где сознание понимается как «чистое», к герменевтической феноменологии Э. Гус-

серля, который показал, что сознание всегда заполнено контекстом, «нетематизируемым горизонтом», с одной стороны. А с другой стороны, М. Хайдеггер на уровне «фундаментальной» онтологии доказал, что *об однозначном прочтении чего бы то ни было не может быть и речи, ибо смысл любого сущего и понимание собственного бытия всегда исторично и относительно, всегда связано с конкретной ситуацией, временем и пространством, в котором человек себя «застаёт».*

И далее, следует особо сказать ещё об одном интеллектуальном источнике герменевтической модели — это философия Х.-Г. Гадамера, который не верит, что можно что-то понять, когда познаваемое абсолютно неизвестно! Всегда человек уже прежде, предварительно, до-строит какие-то предположения относительно его объекта, что и нуждается в герменевтической рефлексии. Мыслитель особо обращает внимание на то, что интерпретация текста — это не просто техническое восстановление первичного смысла, а попытка через понимание текста прийти к открытию чего-то важного в самом себе и таким образом написать текст заново, пропуская его через себя, ибо, как известно, «философ компетентен там, где любой другой теряется в догадках» [2, с. 272]. Во-первых, когда через сокрытое, проводя определённого рода умственную, духовную работу, через усилие по освоению прочитанного, читатель рефлексивирует, и таким образом сам процесс понимания текста связан с открытием самого себя. Во-вторых, он присваивает, воспринимает, сопоставляет с новым знанием свои представления, делает чужое своим, что тоже сказывается на воспринимаемом. И речь при этом идёт не об общей истине, подтверждением которой являются известные аксиомы, а о лишь редких, единичных, кратковременных инсайтах: «...не все обязаны думать и говорить одно и то же, диалог обретает свою экзистенциальную напряжённость лишь при условии, что мы не забудем об «экзистировующем мыслителе», который, говоря, безмолвствуя, спрашивая, несёт на себе движение мысли» [4, с. 12].

В известной работе «Истина и метод: основные черты философской герменевтики» Х.-Г. Гадамер методично доказывает, что «истина» и «метод» — трудно сопоставимые явления! Автор демонстрирует здесь невозможность препарировать «истину» каким бы то ни было «методом», потому что истина, как и бытие, может только «свершаться», а наука — это лишь один из возможных способов человеческого бытия, наряду с искусством, философией и историей, причём последние гораздо ближе к истине, ибо «как говорит

сам язык, мы «строим» теории. Этим уже подразумевается, что одна теория отменяет другую и что каждая изначально претендует лишь на относительную значимость, именно: до тех пор, пока не будет найдено нечто лучшее» [3, с. 525]. *Не об этом же самом сегодня говорят постпозитивизм и постмодернизм?!* В то время как опыт погружения в искусство, философию или историю, действительно, становится экзистенциальным, судьбоносным откровением, которое может стать незабываемым и радикально поменять смысл любого сущего, то какое лично мне дело до того, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

Любопытно, что предлагает другой философ — Поль Рикер, сосредоточившийся на гносеологической стороне герменевтики, отодвинутой Гадамером на второй план. Рикер выдвигает регрессивно-прогрессивный метод, с помощью которого осмысляются явления с точки зрения трёх временных измерений: прошлое, настоящее и будущее — через выяснение его до-, «археологии» предмета, его истории, через настоящее, текущее, к пониманию его будущего, к его телеологии, «профетии», к его перед-. Однако философ отдаёт себе отчёт в том, что *здесь будет сложно выдержать строгие требования научности, ибо «нельзя сказать, что прошлое ирреально, но прошедшая реальность, строго говоря, неподтверждаема...Здесь и выявляется родство истории с вымыслом. Реконструкция прошлого — дело воображения... историк тоже выстраивает интриги, которые документы подтверждают или опровергают, но никогда в себе не содержат»* [8, с. 69].

Любые проявления культуры рассматриваются Рикером как символический текст, который является источником избыточности смысла, и, находя выражение в языке, в то же время смысл не полностью тождественен этому выражению. «Подозрительность» Рикера вызвана недоверием к поверхности вещей, к явной реальности, ибо несводимый к языку остаточный смысл и есть самое важное, действенное в символе.

Выделяются три вида символов: 1) «космические» символы, составляющие предмет феноменологии религии; 2) символы сновидения, расшифровкой которых занят психоанализ, и 3) поэтические символы, изучаемые литературной критикой, структурализмом, а герменевтика выступает как «арбитр в споре интерпретаций»: «Задача герменевтики заключается в том, чтобы сопоставить друг с другом различные употребления двойного смысла и различные функции интерпретации» [9, с. 333]. *Задача философской герменевтики же — чётко прочертить демаркационную ли-*

нию сферы применимости возможных методов понимания. В результате понимания многозначных высказываний мы одновременно начинаем лучше понимать самих себя, а это уже рефлексия, которая, в свою очередь, начинает по-новому выстраивать свою экзистенцию и соответственно производить перемены в собственной жизни. Поэтому и нет одной единственно верной версии, которую можно было бы сделать бесспорным эталоном теории интерпретации.

Зачастую бывает и так, что философ не принадлежит к данному направлению (в экзистенциализме, кроме Ж.-П. Сартра, все остальные отказывались называть себя экзистенциалистами!), но проблема интерпретации представлена в системе тем или иным способом. Так, например, Ю. Хабермас герменевтике уделял значительное внимание, ибо невозможно реконструировать всеобщие предпосылки языковой коммуникации, а именно, это пытается сделать философ в своей «универсальной прагматике», и обойти стороной теорию интерпретации. В категорическом императиве Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства» [6, с. 349] увидел Хабермас прообраз своей идеи о коммуникативном разуме («чистый» и «практический» разум был у И. Канта, «исторический» – у В. Дильтея, «цинический» – у П. Слотердайка), ибо через коммуникацию мы можем прийти к консенсусу, где каждый голос имеет право «вето», и достаточно одного несогласного, чтобы запретить действия всех! И далее, подлинный консенсус в будущем может обеспечить создание рациональных и понятных, прозрачных форм общественной жизнедеятельности: «...единство практического разума можно сделать значимым только во внутренней связи тех самых форм коммуникаций, в которых условия разумного коллективного формирования воли принимают форму объективного образования» [11, с. 30]. Теперь понятно, почему Ю. Хабермас отдаёт предпочтение не репрезентативной функции языка, что было характерно для модели картезианского, долингвистического мышления, а его коммуникативной функции.

И если К. Маркс историю понимает как процесс рационализации производительных сил, то Ю. Хабермас её описывает как процесс рационализации действия, ориентированного на взаимопонимание. И в этом случае герменевтика выступает как инструмент критики «ложного согласия», извращённых, искажённых форм коммуникации и помогает вскрыть, что приводит к регулярным сбоям в коммуникации, её постоянным нарушениям.

Если герменевтика занята экспликацией смысла, который несёт в себе дотеоретическое знание, то «универсальная прагматика» нацелена на воссоздание родовой компетенции. Для того чтобы построить грамматически правильное предложение, достаточно всего лишь знать языковые правила, а для взаимопонимания ещё необходимо, чтобы это предложение было не только понятным, но и соответствовало контексту ситуации коммуникации, а именно было истинным, правдивым и правильным: «Моделью коммуникативного действия для Хабермаса служит речевое взаимодействие, где существуют акторы – субъекты речевого взаимодействия, которые стремятся достичь согласия, процесс речевого взаимодействия и взаимное признание притязания на истинность, на правильность и правдивость высказывания» [7, с. 127]. Соответственно, возникает крайний релятивизм, ограничивающий все притязания на владение абсолютной истиной лишь полем понимания контекста ситуации, где разворачивается тема.

Или, к примеру, работа М. Фуко «Герменевтика субъекта», которая впрямую не принадлежит герменевтической традиции, но весьма любопытна с точки зрения экспликации смысла символа и истины: «В каких символах мысли объединились в западной античности субъект и истина?» [10, с. 284]. И уже можно было бы предвосхитить, что сейчас пойдёт речь о всепроникающем и едином логосе, ибо именно он кажется, в первую очередь, символом смысла классической античности. Но оказывается, что таким благом является забота о себе, в то время как «познание самого себя» есть лишь частный случай этой самой заботы, не говоря уже об общественном благе и активной гражданской позиции! Таким образом, ни о каком неделимом и всеобщем эйдосе речи не идёт, а автор настаивает только на своде частных, духовных практик постижения собственной, единичной истины, ибо «истина – это то, что озаряет субъект. ... в самой истине, в её познании заключается нечто, что позволяет осуществиться самому субъекту, что реализует само его бытие» [10, с. 287].

Можно отметить и другие влияния, так или иначе касающихся герменевтической проблематики, но такое пристальное рассмотрение только уведёт нас в сторону. Суть дела в данном случае была лишь в демонстрации того факта, что задача философской герменевтики сегодня – определить, насколько уместна, употребима, адекватна та или иная версия интерпретации, ибо это прописывается уже не сухим сводом законов смыслообразований, а чувствованием разности контекста,

а может даже экзистенции, способов порождения, открывания, истины. Таким образом, философскую герменевтику вполне можно считать удачной попыткой релевантного описания двойственности мира.

1. Августин, А. Монологи [Текст] / А. Августин. СПб., 1998. С. 313–372.
2. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Х.-Г. Гадамер. М., 1991. С. 266–323.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. М., 1988. 704 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Философия и герменевтика [Текст] / Х.-Г. Гадамер. М., 1991. С. 9–15.
5. Дильтей, В. Описательная психология [Текст] / В. Дильтей. СПб., 1996. 160 с.
6. Кант, И. Критика практического разума [Текст] / И. Кант. М., 1997. С. 277–749.
7. Огурцов, А.П. Этнос науки и риторика (От нормативного разума к коммуникативной рациональности) [Текст] / А.П. Огурцов // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Выпуск 3 (27). С. 107–135.
8. Рикер, Поль. Герменевтика. Этика. Политика [Текст] / П. Рикер. М., 1995. 159 с.
9. Рикер, Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикер. М., 2002. 624 с.
10. Фуко, М. Герменевтика субъекта [Текст] / М. Фуко // СОЦИО-ЛОГОС. Выпуск 1. М., 1991. С. 284–311.
11. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью [Текст] / Ю. Хабермас. М., 1995. 252 с.
12. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. М., 1997. 451 с.
13. Хайдеггер, М. Путь к языку [Текст] / М. Хайдеггер. М., 1993. С. 259–273.

References

1. Avgustin Avrelij *Monologi* [Monologues]. St.Petersburg, 1998, pp. 313–372 (in Russian).
2. Gadamer H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Actuality of beautiful]. Moscow, 1991, pp. 266–323 (in Russian).
3. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and method. Bases of philosophic hermeneutic]. Moscow, 1988, 704 p. (in Russian).
4. Gadamer H.-G. *Filosofija i germenевtika* [Philosophy and hermeneutic]. Moscow, 1991, pp. 9–15 (in Russian).
5. Dil'tej V. *Opisatel'naja psihologija* [Descriptive psychology]. St.Petersburg, 1996, 160 p. (in Russian).
6. Kant I. *Kritika praktičeskogo razuma* [Practical intellect criticism]. Moscow, 1997, pp. 277–749. (in Russian).
7. Ogurcov A. P. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*, 2005, T. VII, vypusk 3 (27), pp. 107–135 (in Russian).
8. Riker Pol'. *Germenевtika. Jetika. Politika* [Hermeneutic. Ethics. Politics]. Moscow, 1995, 159 p. (in Russian).
9. Riker Pol'. *Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевtike* [Conflict of interpretations. Essays about hermeneutic]. Moscow, 2002, 624 p. (in Russian).
10. Fuko M. *SOCIO-LOGOS*, vypusk 1, Moscow, 1991, pp. 284–311 (in Russian).
11. Habermas Ju. *Demokratija. Razum. Nравstvennost': Moskovskie lekcii i interv'ju* [Democracy. Intellect. Morality: Moscow lectures and interviews]. Moscow, 1995, 252 p. (in Russian).
12. Hajdegger M. *Bytie i vremja* [Existence and time]. Moscow, 1997, 451 p. (in Russian).
13. Hajdegger M. *Put' k jazyku* [Way to language]. Moscow, 1993, pp. 259–273 (in Russian).

UDC 141.201

HERMENEUTIC AS AN ATTEMPT OF RELEVANT DESCRIPTION OF THE WORLD'S DUALITY

Ashimova Viktoriya Anatolyevna,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Ural Institute of Administration (Branch),
Associate Professor of the Chair
of Philosophy and Political Science,
Candidate of Philosophy,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the brief references to the major approaches to philosophic hermeneutic as the methods describing universe. Classic hermeneutic becomes an adequate solving-description and set the right guiding line in algorithms of understanding sense in postmodern context.

Key concepts:

duality,
hermeneutic,
relevance,
understanding,
description.

УДК 316.752 + 808.5

РАСШИРЕНИЕ СМЫСЛА ПОНЯТИЯ «ПАТРИОТИЗМ» В ИНФОРМАЦИОННО- ФАСЦИНАТИВНОМ ОТКЛИКЕ НА ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО Ю. ГАГАРИНА

Омельченко Елена Витальевна,

Челябинский государственный
педагогический университет,
доцент кафедры русского языка и МОРЯ,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.

Обжорин Алексей Михайлович,

Челябинский филиал РАНХиГС,
ст. преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации,
кандидат филологических наук,
г. Челябинск, Россия.

Аннотация

Статья посвящена анализу «наращивания» смысла понятия «патриотизм» в информационно-фасцинативном отклике на письмо Ю. Гагарина в представлении россиян (по материалам комментариев интернет-пользователей на текст прощального письма первого космонавта). Рассмотрены воздействующие средства текста письма и процесс расширения понятия патриотизма в информационно-фасцинативном отклике. Описаны современные представления россиян о понятии патриотизма.

Ключевые понятия:

патриотизм,
фасцинация,
информационно-
фасцинативный отклик.

Социологический опрос, проведённый в конце 2013 года на тему «Патриотизм в представлении россиян», показал, что для большинства опрошенных (жителей России) «быть патриотом» означает «любить свою страну», «защищать свою страну от любых нападков и обвинений» и «стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее». При этом подавляющее большинство опрошенных считают себя патриотами [9].

Целью данной статьи является анализ «наращивания» смысла понятия «патриотизм» в информационно-фасцинативном отклике на письмо Ю. Гагарина, опубликованное 12 февраля 2014 г. в СМИ, в представлении наших современников [7].

Остановимся на ключевых понятиях и концепциях исследования.

Патриотизм в различных литературных источниках понимается следующим образом:

– «любовь к родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства» [3];

– «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» [1];

– «эмоциональное отношение к родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов» [10];

– «нравственный принцип, нравственная норма и нравственное чувство», которое формируется в процессе общения с представителями старших поколений на базе культурных традиций того или иного социума. При этом уточняется, что «патриот – человек, выражающий и реализующий в своих поступках глубокое чувство уважения и любви к родной стране, её истории, культурным традициям, её народу» [2].

Понятие патриотизма вызывало интерес также и у писателей и философов. Приведём некоторые примеры.

– «Самые большие подвиги добродетели были совершены из любви к отечеству» (Руссо Ж.-Ж.).

– «В человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, – сколько возможно больше и сколько возможно лучше» (Добролюбов Н. А.).

– «Патриотизм – это не значит только одну любовь к своей родине. Это гораздо больше... Это – сознание своей неотъемлемости от родины и неотъемлемое переживание вместе с ней её счастливых и её несчастных дней». (Толстой А. Н.).

– «Патриотизм, чей бы то ни был, доказывается не словом, а делом» (Белинский В.Г.).

– «Историческое значение каждого русского человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма» (Чернышевский Н.Г.).

Резюмируем вышесказанное: патриотизм — это *чувство* (любви, преданности, привязанности), *эмоциональное отношение* (переживание), *принцип*. Обратим внимание, что во всех определениях отмечается такой компонент (атрибут) данного чувства, как *действие* (готовность к действию, служение, защита, труд, стремление, желание делать добро).

Следующим базовым понятием исследования является **фасцинация** — это коммуникативное явление, имеющее глубинную нейрофизиологическую, воздействующую природу. Как коммуникативный процесс, фасцинация представляет собой воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации слушателем [8].

Идея фасцинации и отдельные её аспекты рассматриваются рядом исследователей. Укажем ключевые, на наш взгляд, моменты развития данной концепции:

– у истоков идеи лежит философия диалогизма коммуникации, развитая М.М. Бахтиным (участники диалога должны стремиться «добраться до творческого ядра личности» [5]);

– Ю.М. Лотман установил и доказал существование канала автокоммуникации;

– Ю.В. Кнорозов предложил концепцию о соотношении информации и фасцинации (учёный заговорил впервые о фасцинации в аспекте коммуникации);

– А.А. Брудный в работе «Семантика языка и психологии человека» (1973) предложил понятие семантической фасцинации;

– Н.Л. Мухомелов и Ю.А. Шрейдер доказали, что адресату важна не столько поступающая к нему фактическая информация, сколько побуждающие находить новую информацию (новые знания) факторы («восприятие сообщения определяется не столько его реальным содержанием или информацией, сколько свойствами самого сообщения — его привлекательностью или фасцинацией» [14]);

– обобщающими трудами по теории фасцинации являются исследования В.М. Соковнина — учёный рассматривает феномен фасцинации в лингвокультурологических, социально-философских, психолингвистических аспектах, описывает роль фасцинации в разных сферах человеческого общения [15];

– в исследовании О.А. Прохвятиловой под фасцинацией понимается привлекательность сообщения, создающая готовность адресата воспринимать содержание сообщения [11];

– в диссертации А. Сафаргалиной фасцинация определяется как воздействие с целью привлечения / развлечения реципиента [12];

– В.Д. Шишов включает фасцинацию в педагогический процесс и определяет её как совокупность средств, позволяющих создать благоприятный фон коммуникации, усилить информацию [13].

Под **информационно-фасциновым откликом** на текст (высказывание) мы имеем в виду ответный текст (высказывание) с наличием языковых единиц (маркеров), подтверждающих проявление автокоммуникации (термин Ю.М. Лотмана), — показателей информативности и аналитичности, аргументированности, личностности, самостоятельности, рефлексивности, эмоциональности, эмпатичности, оригинальности, креативности высказывания [8].

Свяжем понятие фасцинации и информационно-фасциновым отклика с процессами коммуникации, передачи информации. Представим описательную модель процесса коммуникации с фасциновым (воздействующей) составляющей.

Изначально адресат получает порцию информации от адресанта; эта информация такова, что она затрагивает личностные структуры воспринимающего сообщения (фоновые пресуппозиционные знания, интересы, потребности и пр.), имеет для адресата личностный смысл (по А.Н. Леонтьеву). На этом этапе происходит перекодирование информации, она подвергается дополнительной обработке. Это осуществляется уже в иных рамках — в канале общения Я-Я. Сообщение внедряется в сознание слушающего. Будучи обработанной «личностными ферментами», эта информация приобретает новое качество. При таком типе передачи информации её ответственность — и логическая, и эмпатическая — возрастает. Обработка информации в сознании слушающего связана с ростом экзистенции, рефлексии, изменением тезауруса личности адресата. В канале общения с возможным развитием автокоммуникации (канал Я-Я) информация затрагивает слушателя более существенно и интенсивно. Ответственность связана с утверждением личностного мотива познания, расширением интерпретационного поля, подключением скрытых личностных творческих резервов. Это порождает новые смыслы информации, символизирует рождение нового знания, реализует принцип майевтичности [8].

Беспрепятственному прохождению информации сквозь фильтры и барьеры коммуникации и служит фасцинация, придающая информации семантическую значимость — привлекательность, релевантность, пертинентность, релевантность.

Изменение, гармонизация формы и содержания информации, введение в неё фасцинативного кода (стратегически внедряемых воздействующих средств и приёмов восприятия сообщения) обуславливает развитие автокоммуникации.

Фасцинативными сигналами могут быть события, явления, личности, художественные и интеллектуальные продукты деятельности и пр. Чем более ярок фасцинативный сигнал, тем шире резонанс слушателя, свидетельствующий о подключении канала автокоммуникации. Другими словами, если информация захватывает слушателя, то он включается в процесс активной переработки сообщения и создает ответное высказывание (информационно-фасцинативный отклик). Обратим внимание и на то, что данный отклик может быть осуществлен в рамках внутренней речи (своего рода внутренний диалог с адресатом – говорящим, автором и т.д.) и может быть вербализован в ходе экстерииоризации внутренней речи слушателя.

Резонансность, широкое интерпретационное поле, стремление к диалогу являются знаками информационно-фасцинативного отклика, тогда как повышенное внимание, заинтересованность, увлечённость, захваченность, страстность являются нейрофизиологическими признаками фасцинативности.

Таким образом, мы выделяем информационный (когнитивный, логический) и фасцинативный (эмоциональный, эмпатический) потоки восприятия сообщения в коммуникационном процессе.

Для достижения поставленной цели мы провели исследование информационно-фасцинативного отклика на текст прощального письма Ю. Гагарина, проанализировав комментарии интернет-пользователей к тексту, опубликованному в СМИ 12 февраля 2014 г.

Отношение русского человека к личности первого космонавта трудно переоценить. «Полёт Гагарина давно уже стал частью истории. А сам творец этого подвига, как и положено историческому деятелю, превращается в монументальную фигуру» [6].

Легендарная личность не остаётся без внимания и за рубежом. К примеру, современный немецкий исследователь К. Андинг говорит о том, что «в ГДР на Гагарина равнялись все пионеры» и отмечает тот интересный факт, что улицы имени Юрия Гагарина по сей день не переименовываются (в отличие, например, от улиц К. Маркса и Р. Люксембург) [4].

Текст письма представляет собой информацию, читающий является адресатом, воспринимающим сообщение. Исследовательской задачей являются фиксация и анализ следующих моментов:

а) наличие фасцинативных средств и приёмов в тексте;

б) восприятие информации, развитие автокоммуникации, проявляющейся в фасцинативно-информационном отклике (вербализован в репликах-комментариях);

в) приращение смысла информации, углубление эмпатичности, экзистенциальности (на примере расширения ассоциативно-семантического поля понятия «патриотизм»).

В тексте используется развернутая антитеза – сопоставляется простой земной человек с его каждодневными, будничными заботами и великий герой, несущий огромную ответственность за выполнение важной государственной задачи.

В рамках этой антитезы определяется тональность текста и прослеживается его идейно-содержательная направленность.

1. Уверенность в успехе и человеческое волнение.

«В технику я верю полностью. Она подвести не должна. Но бывает ведь, что на ровном месте человек падает и ломает себе шею. Здесь тоже может что-нибудь случиться. Но сам я пока в это не верю. Ну а если что случится, то прошу вас и в первую очередь тебя, Валюша, не убиваться с горя».

2. Значимость настоящего момента и заботы о будущем

«Через день я должен стартовать. Вы в это время будете заниматься своими делами. Очень большая задача легла на мои плечи. Хотелось бы перед этим немного побыть с вами, поговорить с тобой. Но, увы, вы далеко. Тем не менее я всегда чувствую вас рядом с собой».

«Береги, пожалуйста, наших девочек, люби их, как люблю я. Вырасти из них, пожалуйста, не белоручек, не маменькиных дочек, а настоящих людей, которым ухабы жизни были бы не страшны. Вырасти людей, достойных нового общества – коммунизма. В этом тебе поможет государство».

3. Человеческая простота, искренность и готовность к решению глобальной задачи, целеустремленность.

«Решил вот вам написать несколько строк, чтобы поделиться с вами и разделить вместе те радость и счастье, которые мне выпали сегодня. Сегодня правительственная комиссия решила послать меня в космос первым. Знаешь, дорогая Валюша, как я рад, хочу, чтобы и вы были рады вместе со мной. Простому человеку доверили такую большую государственную задачу – проложить первую дорогу в космос! Можно ли мечтать о большем? Ведь это – история, это – новая эра!».

4. Чувства отца, мужа и сына.

«Надеюсь, что это письмо ты никогда не увидишь, и мне будет стыдно перед самим со-

бой за эту мимолётную слабость. Но если что-то случится, ты должна знать всё до конца.

«Валечка, ты, пожалуйста, не забывай моих родителей, если будет возможность, то помоги в чём-нибудь. Передай им от меня большой привет, и пусть простят меня за то, что они об этом ничего не знали, да им не положено было знать. Ну вот, кажется, и всё. До свидания, мои родные. Крепко-накрепко вас обнимаю и целую, с приветом, ваш папа и Юра».

5. Чувства героя-патриота.

«Я пока жил честно, правдиво, с пользой для людей, хотя она была и небольшая. Когда-то, ещё в детстве, прочитал слова В.П. Чкалова: «Если быть, то быть первым». Вот я и стараюсь им быть и буду до конца. Хочу, Валечка, посвятить этот полёт людям нового общества, коммунизма, в которое мы уже вступаем, нашей великой Родине, нашей науке» [7].

Интенциональная направленность текста — духовное завещание, которое написано перед ответственным и рискованным шагом. В тексте имеются имплицитные содержательные фрагменты — гордость за Отечество, уверенность в силе и могуществе Родины, в том, что страна не предаст, не бросит в беде, в том, что всё будет хорошо именно потому, что каждый в ответе за выполнение своего дела и гражданского долга.

Анализ информационно-фасцинирующего отклика, представляющего собой 147 высказываний, позволил разделить их на семантические группы.

1) Оценка личности и человеческих качеств Ю.А. Гагарина.

- Какой чистой души человек!
- Насколько он весь лучистый человек был, душа!
- Скромность и достоинство!
- Какой человек был Гагарин! Он тот, которым можно гордиться без оговорок, он — настоящий!
- Человек — легенда!

2) Оценка свершившегося события сквозь призму личности Гагарина и советской эпохи.

- Революция 1917 года дала нам Гагарина... У нас было счастливое детство, юность.
- Дорогие русские люди! Это наш праздник! Простой русский человек побывал первым в мире в космосе! Слава Гагарину! Слава нашей Родине!
- Юрий Гагарин и те советские учёные, которые причастны к полёту, — герои на все времена! Жаль, что у нас мало поводов гордиться страной!
- Может, хотя этот праздник нас объединит, делает снова людьми. Гагарину — слава!

– Юрий Гагарин — настоящий человек настоящей страны, наша гордость и слава. Хотя от той страны остались обломки.

3) Оценка времени, действительности, страны.

– Юрий Гагарин своим подвигом открыл и озаменовал собой эпоху Вдохновения 60-х.

– Мы все помним те светлые дни нашего Отечества.

– Как радовались, как горды были и за полёт Гагарина, и за страну, в которой жили!

– Как хочется вернуться в то время! Какое счастливое и светлое оно было!

– Это великая советская история.

Воздействующим фасцинирующим сигналом текста письма, вызывающим информационно-фасцинирующий отклик, является, на наш взгляд, именно патриотическая направленность, представленная в виде образа за простого русского человека, искреннего и любящего, и одновременно бесстрашного героя, не боящегося пожертвовать жизнью ради Родины.

В данном случае представлены следующие фасцинирующие явления:

- личностность (значимость исторического события для каждого члена общества);
- концептуальность (основанность текста на концептах «Родина», «любовь», «подвиг» и проч., вызывающих резонанс и иницилирующих интерпретационные возможности адресата);
- прецедентность (Гагарин — герой великой страны);
- экзemplификация (судьба Гагарина как пример и образец патриотизма);
- метафоричность (первенство страны в покорении космоса).

Все это проецируется на базовое понятие, организующее текстово-содержательную структуру, — «патриотизм». Фасцинация обуславливает особое эмпатическое прочтение текста письма и индуцирует когнитивные категории и эмоции, связанные с поиском идеала русского человека.

Фасцинирующие, воздействующие факторы позволили углубить информационное и эмоциональное восприятие текста, что повлияло на стимуляцию автокоммуникации в процессе личностного восприятия информации. Это, в свою очередь, способствовало возникновению ассоциаций, расширению понятийного поля, наращиванию смысла понятия, в семантическое поле которого вошли смежные понятия — простота, настоящее героичество, ответственность, вера в Родину, мужество. То есть в восприятии большинства россиян патриотизм включает и личностные черты, и конкретную ситуацию, в которой они проявляются, и сочетание, казалось бы,

амбивалентных черт личности — простоты и доступности с высотой и величием образа, ориентированность духовности и нравственности одновременно на жизненные бытовые ситуации и на свершение великого подвига (отеческая забота о семье и осознание своей великой миссии). В представлениях об образе патриота чётко прослеживается связь трепетной любви к Родине, к своему народу с действиями и волей (готовность пожертвовать своей жизнью).

Не претендуя на полноту, исследование показывает, что в концептуальной мировоззренческой картине мира русского человека понятие «патриотизм» приобретает особый национально-ментальный смысл. «Надстройка» этого смысла, отражаемая в информационно-фасцинативном отклике, обнаруживается как следствие развернутой интерпретации этого понятия и эмоциональной его оценки.

В конкретном случае для индуцирования личностного, духовно-креативного потенциала и последующего углубления смысла понятия «патриотизм» приобретает значение следующее:

- понимание ценности исторических событий прошлого (полёт в космос, обусловивший первенство и славу СССР);

- подтверждённая временем исключительная характеристика национального героя (Ю.А. Гагарин — первый космонавт, патриот, истинно русский человек);

- проявление человеческих качеств, фиксируемых как положительные в коммуникативном портрете русского человека (простота, скромность, доброжелательность, способность любить, ответственность, надежность, жертвенность, мужественность).

Анализ информационно-фасцинативного отклика позволил сделать ряд выводов, связанных с достижением цели исследования:

- фасцинативные явления в тексте позволяют повысить его воздействие;

- фасцинация обуславливает ориентированность текста на читателя, повышает эмпатичность восприятия сообщения;

- читатель реагирует на текст особым образом, появляется резонанс, свидетельствующий о повышенном внимании, интересе, эмоционально-личностном восприятии информации;

- в ходе автокоммуникации осуществляется интерпретация и наращивание смыслов и базовых понятий текста, что, в свою очередь, влияет на становление категориальных личностных структур адресата.

Таким образом, для повышения ответственности информацией необходимо, чтобы она была семантически значимой (привлекательной, адекватной, лично важной). Воздействие концептуальных понятий

и их волновая программа расширяется, если в качестве примера используются факты, явления, биографии личностей, оставивших след в истории, — реализуется принцип прецедентности. Значимыми для ответственности оказываются такие фасцинативные явления, как личностность, экземплификация, метафоризация. Отмечая расширение семантического поля понятия «патриотизм» в пространстве фасцинативной информации, подчеркнём, что для большинства россиян это понятие не является абстрактным, не отвергается императивно, не стимулируется извне (например, рекламными слоганами), а связано с конкретным историческим периодом, характерными его чертами (чувство коллективизма, единения на основе равенства и общей идеи, сплочённость, доброжелательность атмосферы, проявление гордости за успехи страны) и конкретными героями эпохи и их деятельностью на благо Родины.

1. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. — URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 11.03.2014).

2. Большой толковый словарь по культурологии [Текст] / Б.И. Кононенко. — М.: Изд-во Вече, 2003. — 512 с.

3. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: СПб., 2000.

4. Володина, Э. Кевин Андинг: В ГДР на Гагарина равнялись все пионеры [Электронный ресурс]. — URL: <http://dw.de/p/10rqs> (дата обращения: 30.01.2014).

5. Диалогичность как понятие герменевтики [Электронный ресурс]. — URL: http://с3.ru/book1100_51.shtml (дата обращения: 12.03.2014).

6. Коробатов, Я. Что Гагарин писал бы сегодня в Интернете [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kp.ru/daily/26204/3090339/> (дата обращения: 2.02.2014).

7. Милкус, А. Перед полётом Юрий Гагарин написал жене и детям прощальное письмо [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kp.ru/daily/25667/828449/> (дата обращения: 20.02.2014).

8. Омельченко, Е.В. Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса: монография [Текст] / Е.В. Омельченко. — Челябинск: Изд-во Челябин. гос. пед. ун-та, 2013. — 223 с.

9. Патриотизм в представлениях россиян // Левада-центр. Аналитический центр Ю. Левады [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/19-11-2013/patriotizm-v-predstavleniyakh-rossiyan> (дата обращения: 10.03.2014).

10. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф. пол. наук И.И. Санжаревский [Электронный ресурс], 2010. — URL: <http://glos.virmk.ru/> (дата обращения: 5.02.2014).

11. Прохвятилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи [Текст] / О.А. Прохвятилова. — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. — 362 с.

12. Сафаргалина А.Ш. Фасцинация как нарушение нормы в «качественной» прессе [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.Ш. Сафаргалина. — Уфа, 2008. — 26 с.

13. Ширшов, В.Д. Педагогическая fascinacija [Текст] / В.Д. Ширшов // Педагогика: научно-теоретический журнал; ред. В.П. Борисенков, А.Я. Данилюк. – 2006. – № 9. – с. 29–34.

14. Шрейдер, Ю.А. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации [Текст] / Ю.А. Шрейдер, Н.Л. Мухелишвили // Fascinacija. Коммуникация. Общение; сб. под ред. В. Соковнина. Екатеринбург, 2010. – С. 35–53.

15. Fascinology.ru. Персональный сайт Владимира Соковнина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fascinology.ru/Avtor.htm> (дата обращения: 01.02.2014).

References

1. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969–1978. – URL: <http://slovari.yandex.ru> (accessed: 11.03.2014).

2. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii. – M.: Izd-vo Veche, 2003. – 512 s.

3. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. A.M. Prohorov. Izd. 2-e, per-erab. i dop. – M.; SPb., 2000.

4. Volodina, Je. Kevin Anding: V GDR na Gagarina ravnjalis' vse pionery [Kevin Anding: In GDR All pioneers align their selves with Y. Gagarin]. – URL: <http://dw.de/p/10rqs> (accessed: 30.01.2014).

5. Dialogichnost' kak ponjatje germenevtiki. – URL: http://c3.ru/book1100_51.shtml (accessed: 12.03.2014).

6. Korobatov, Ja. Chto Gagarin pisal by segodnja v internete. – URL: <http://www.kp.ru/daily/26204/3090339/> (accessed: 2.02.2014).

7. Milkus, A. Pered poletom Jurij Gagarin napisal zhene i detjam pro-shhal'noe pis'mo. – URL: <http://www.kp.ru/daily/25667/828449/> (accessed: 20.02.2014).

8. Omel'chenko, E.V. Fascinativnaja komunikativnaja strategija v raz-lichnyh tipah diskursa: monografija [Fascinative communicative strategy in different types of discourse: monograph]. – Cheljabinsk: Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta, 2013. – 223 s.

9. Patriotizm v predstavlenijah rossijan // Levada-centr. Analiticheskij centr Ju. Levady. – URL: <http://www.levada.ru/19-11-2013/patriotizm-v-predstavleniyakh-rossijan> (accessed: 10.03.2014).

10. Politicheskaja nauka: Slovar'-spravochnik. sost. prof pol nauk I.I. Sanzharevskij, 2010. – URL: <http://glos.virmk.ru/> (accessed: 05.02.2014).

11. Prohvatilova O.A. Pravoslavnaja propoved' i molitva kak fenomen sovremennoj zvuchashhej rechi [Orthodox sermon and prayer as modern sound speech phenomenon]. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 1999. – 362 s.

12. Safargalina A.Sh. Fascinacija kak narushenie normy v «kachestvennoj» presse: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Fascination as violation of the norm of "qualitative" press: abstract of diss. ... PhD]. – Ufa, 2008. – 26 s.

13. Shirshov, V.D. Pedagogicheskaja fascinacija // Pedagogika: nauchno-teoreticheskij zhurnal; red. V.P. Borisenkov, A.Ja. Daniljuk [Pedagogical fascination. Pedagogy: scientific journal]. – 2006. – №9. – с. 29–34.

14. Shrejder, Ju.A. Avtokommunikacija kak neobhodimyj komponent kom-munikacii // Fascinacija. Kommunikacija. Obshhenie; sb. pod red. V. Sokovnina. Ekaterinburg, 2010. – S. 35–53.

15. Fascinology.ru. Personal'nyj sajt Vladimira Sokovnina. – URL: <http://www.fascinology.ru/Avtor.htm> (accessed: 01.02.2014).

UDC 316.752 + 808.5

EXTENSION OF THE MEANING OF THE CONCEPT "PATRIOTISM" AT INFORMATIONAL AND FASCINATIVE RESPONSE TO THE FAREWELL LETTER OF Y. GAGARIN

Omelchenko Elena Vitalyevna,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
Associate Professor of the Chair
of Russian Language
and Methods of Russian Language
Teaching,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.

Obzhorin Aleksey Michailovich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Senior Lecturer of the Chair of Linguistics
and Professional Communication,
Candidate of Philological Sciences,
Chelyabinsk, Russia.

Annotation

The article deals with analysis of extension of the meaning of the concept «patriotism» at informational and fascinative response to the farewell letter of Y. Gagarin in Russians' understanding. The research is based on material of internet commentaries of users to the text of the farewell letter of the first cosmonaut. The authors study expressive means of the letter and the process of extension of the concept «patriotism» at informational and fascinative response. Modern understanding of Russians about patriotism is described.

Key concepts:

patriotism,
fascination,
informational and fascinative response.

УДК 81'42:316.752

ТЕКСТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРА И ЦЕННОСТНЫЙ ОТБОР

Беляцкая Анастасия Александровна,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, кандидат культурологии, доцент, г. Саранск, Россия.
E-mail: sajenina@list.ru

Аннотация

В статье представлено лингвофилософское осмысление текста как фактора социальной эволюции. Текст показан средством осуществления восходящей эволюции человека и формой репрезентации лингвокультуры. Представлено авторское определение лингвокультуры как вершины социальной эволюции, высшей формы речемыслительной деятельности человека по сохранению, передаче и синтезу социокультурного опыта.

Ключевые понятия:

лингвокультура, текст, восходящая эволюция, концепт.

Социально-эволюционная роль текста: актуализация проблемы

Мы исходим из того, что лингвокультура – это высшая форма речемыслительной деятельности человека по сохранению, передаче и синтезу социокультурного опыта. Текст является средством осуществления, репрезентации лингвокультуры, оформляя, редуцируя и опредмечивая этот опыт. Освоение текстовой лингвокультуры является необходимым условием «восходящего» эволюционного развития человечества.

В современных условиях возникает проблема осмысления текста как носителя культурного опыта. Выработанные исторически механизмы культурного чтения позволяют оценивать текст на основании заключённых в нём концептных единиц и их систем. Но сама способность человека к «культурному различению» текста должна быть обеспечена актуальной методологией, позволяющей верифицировать культурно-познавательную и социально-эволюционную значимость текста.

Количество создаваемых человеком текстов становится сегодня непостижимой величиной. При этом, однако, по-прежнему мало внимания уделяется качественному содержанию передаваемых текстов.

Определение культурно-познавательного потенциала текста необходимо на современном этапе социальной эволюции. Проблема в том, что идеи и знания о мире, заключённые в толще текстов, нуждаются в серьёзной культурной верификации.

Сегодня внутри социогуманитарной научной парадигмы по отношению к тексту существует методологически некорректное противопоставление, текст принято рассматривать как источник весьма абстрактного, гуманитарного знания безотносительно его включённости в реальные социальные структуры. Но если текст исследовать как «фабрику смыслов» (В.А. Лекторский), то противоречие снимается. И тогда можно понять, что в сознании читателя в момент соприкосновения с текстом происходит активизация концептов, с последующей культурной расшифровкой заключённых в них значений, а через них – и опредмечивание культурного опыта. Отсюда следует важный вывод. Смыслы, формируемые посредством текста в сознании читателя, накладывают «онтологические обязательства» (Н.М. Смирнова) на язык. Поэтому писатель должен осознавать важность каждого слова и нести ответственность за форми-

рование у читателя духовных, культурных образов и представлений о мире.

Лингвокультурологическое исследование текста позволяет интегрировать существующий в гуманитарных науках опыт интерпретации текста и пропустить его результаты через «социокультурный фильтр» с целью выявления социально одобренных значений, содержащихся в текстовых концептах и составляющих основу эволюционно значимого социального опыта.

Культурное различие текста как «ценностный отбор»

Человек обладает априорной способностью к культурному различению текста. Эта способность в соединении с социализирующим контекстом формирует своеобразную «культурную оптику» (Л.А. Поелуева), под которой мы понимаем специфические познавательные навыки, позволяющие (во многом интуитивно) воспринимать тот или иной текст как культурный или некультурный («докультурный», «псевдокультурный» по О.С. Анисимову). В условиях гипермасштабного хаотического разрастания речевой деятельности на основе информационных технологий критерии и признаки текстовой «культурности» оказались «затерянными», раздавленными огромными объёмами речевых сообщений зачастую «дотекстового» (Ю.М. Лотман) уровня. Последовавшее обрушение традиционных культурных онтологий и иерархий серьёзно деформировало критериальные основания культурно-познавательных процедур, и то, что полагалось, как «само собой разумеющееся», самоочевидное (следовательно, неосознаваемое) при культурной оценке текстовой деятельности, продемонстрировало тенденцию к деградации, фальсификации и вульгаризации. Мы оказались сегодня перед проблемой формирования осознанной, отрефлексированной методики культурной дифференциации текстов. Она предполагает, во-первых, преодоление ценностного релятивизма в отношении сущности культуры, а во-вторых, выведение неосознаваемых познавательных процедур оценки текстов в область понимания, предполагающего знание точных критериев культурности и духовности, исторически создаваемых и оберегаемых человечеством.

Пример, подтверждающий насущность данного тезиса, демонстрирует ситуация, возникшая вокруг проекта по повышению

культуры речи и проверке знаний в области русского языка «Тотальный диктант». В рамках проекта, объявленного его авторами всероссийским, всем желающим предлагается написать под диктовку текст современного писателя и проверить собственную грамотность и культуру речи. В Ульяновской области в минувшем году общественность потребовала от губернатора отказаться от текста диктанта, предложенного организаторами проекта, мотивируя отказ несоответствием содержания текста требованиям русской культуры. В то же время в ряде других регионов России, в том числе в Москве, многие участники проекта написали диктант «в версии организаторов», вероятно, не найдя в их тексте ничего предосудительного.

Этот случай, вызвавший резонанс в прессе и недовольство организаторов проекта, на самом деле обнажил остро стоящий перед современной аудиторией вопрос: всякий ли текст может быть отнесён к сфере культуры, точнее – к сфере текстовой лингвокультуры? В её сфере текст является репрезентатом культуры, обеспечивающим широкое культурное понимание социального опыта, восприятие общезначимых высших этических и эстетических начал социального единства человечества.

Проблема культурного различения текста актуальна и в связи с различными интерпретациями культурной нормы языка, отсутствием чётких критериев того, что называется «культурой речи», «культурный текст». Задача современного гуманитарного знания – выявить систему критериев, по которым происходит культурное различение текстов, вывести критериальный комплекс из области интуиции в область сознательного, определить понятие «текстовая культура».

Погружение в речевую деятельность может иметь различные последствия для читателя. Результатом может явиться его социальная деградация или культурная эволюция, обеспечиваемая передачей социально значимых смыслов культуры. Определение критериев культурного различения современных текстов и передаваемых ими систем знаний необходимо для определения «степеней свободы» в выборе «нормативной» траектории развития культуры из множества путей динамики культуры и осуществления осознанного выбора эволюционного, восходящего направления культурной стратегии человечества. «Жизнедеятельность каждого живого ор-

ганизма есть не уравнивание его со средой и с падающим на него со стороны потоком стимулирующих воздействий (как думали И.П. Павлов и его последователи), а активное преодоление среды, определяемое... моделью потребного ему будущего» [5, с. 421].

Лингвокультура – вершина социокультурной эволюции

В данном разделе мы попытаемся изложить нашу концепцию текстовой лингвокультуры, необходимую для обоснования роли текста в социальной эволюции. Используемый нами культурфилософский подход позволяет выявить нормативную функцию текстовой деятельности человека и лингвокультурную стратегию каждого текста, конструирующую модель идеальной реальности как воплощение «рефлексии над предельными основаниями культуры» (В.С. Степин).

Мы считаем, что способность текста быть «зеркалом культуры» преломляется в его концептной системе, которая, благодаря способности вмещать глубинные смысловые структуры, содержит большие объёмы социокультурной информации. Благодаря таким свойствам концептной системы текста в нём отражается, в том числе, и эволюционный путь человека, и проекция реальности будущего человечества. При этом, однако, не всякая текстовая информация может быть отнесена к сфере культуры. Текст становится фактом культуры только в случае содержания системы референций к высшим общезначимым культурным реалиям; только тогда текст достигает своего культурно-познавательного предела – сферы лингвокультуры. Познавательный предел текста пролегал в стремлении к языковому воплощению абсолютных ценностей, являющихся вершиной социальной эволюции. Непрерывность передачи социально значимого опыта и культурных ценностей, целостного и чёткого представления о мире и месте человека в нём наделяет текст социально-эволюционной значимостью.

Для установления культурно-познавательной значимости текста необходимо выявить внутритекстовые референции к культурным ценностям – красоте, любви, добру. Следовательно, возможно зарегистрировать в тексте это «движение» к культурно-познавательному пределу – к сфере лингвокультуры – через анализ организации концептного

пространства текста. Текстовые концепты содержат информацию о своей культурно-эволюционной значимости и своём месте в эволюции человеческой культуры.

Культурно-значимые речевые значения концептов формируют смыслы человеческой эволюции, следствием чего является расширение картины мира, её уплотнение, более подробное членение и категоризация её объектов в единую картину мира. Концептный анализ текста, таким образом, актуализирует определённый уровень онтогенетического развития человеческого мышления.

Мы считаем, что направление лингвокультурогенеза, да и всей эволюционной стратегии человечества, возможно определить по содержанию концептов «мир» и «человек», содержание которых определяет, осуществляют эволюционно заданную программу социальной эволюции. Аксиологическая интерпретация семантических связей, образующих текстовое концептное пространство «мир и человек», необходима для фиксации качества системных связей между элементами лингвокультуры. Организованные в текстовом пространстве в целостности и взаимосвязи, связанные общезначимыми культурными коннотациями, концепты «мир» и «человек» выстраивают сферу лингвокультуры и осуществляют «восходящую» эволюционную программу человеческого познания и речемышления. Отсутствие в тексте целостной упорядоченной концептной системы с референциями к культурным ценностям приводит к выводу о недостроенности сферы лингвокультуры вследствие нарушения эволюционно-культурных оснований.

Совершенной формой репрезентации лингвокультуры в тексте и познавательным пределом концептного пространства текста является метафора, которая обладает максимальными культурно-познавательными характеристиками. Неповторимая, уникальная по своей форме, метафора позволяет хранить и передавать из поколения в поколение ярко, объёмно и точно всю культурнозначимую информацию, все общезначимые высшие этические и эстетические идеалы человечества. Текст, концептная система которого выстроена на метафоре, содержит высокий культурно-познавательный потенциал, становится фактом лингвокультуры и двигателем социокультурного развития. Можно сказать, что лингвокультура «рождается» через метафору. Текст, выстроенный на метафоре, становится фактом культуры и фактором

социальной эволюции, обретая своё культурное значение благодаря «ценностному отбору» автора.

Текст как фактор эволюции: аспекты методологии

Выявление в тексте социально значимого опыта, его эволюционной роли предлагается осуществлять посредством концептного анализа текста. Ключевым аспектом лингвокультурологического анализа текста, необходимым для исследования его культурно-познавательного потенциала и эволюционно-прогностических функций, является изучение концептных систем текста и интерпретация их мировоззренческих и прогностических характеристик.

Лингвокультурологический интерес в изучении концепта представляют два момента: 1) выявление языковой формы концепта как результата вербально-гносеологической редукции; 2) определение культурно-познавательного значения концепта, т.е. его ценности для развития эволюции познания. Если первый вопрос является достаточно освещённым в исследованиях лингвокультурологов и лингвоконцептологов последних десятилетий (В.С. Степанов, В.Н. Телия, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), то второй – совершенно не разработан ни теоретически, ни методологически.

Принципом формирования критериальной базы исследования текстовой лингвокультуры как фактора социальной эволюции предлагается считать антропокосмизм как включённость человека в единую универсальную систему (человек – общество – природа – вселенная), при котором определяющим фактором эволюции является создание высшей формы биосферы – «ноосферы» (В.И. Вернадский), а необходимым условием достижения уровня ноосферы становится ответственность за речевую (и, в частности, текстовую) деятельность.

Признаки включённости в ноосферу содержатся в текстовых концептах. Концепт является универсальной структурой мышления, воспроизводящей эволюционный «проект реальности» человека: «Каждая из структур, вовлечённых в эволюционный процесс, достигая определённого уровня сложности и отделившись от целого, стремится воспроизвести в себе в наибольшей полноте характеристики исходного целого» [9, с. 224]. Концепт, воспроизводящий целостную (интерсубъективную, универсальную) систему мировоззрения, обла-

дает весомой значимостью в культурной эволюции человека.

Ключевыми мировоззренческими концептами, регистрирующими признаки высшей ступени эволюции – ноосферы, являются концепты «мир» и «человек». «Встроенность» данных концептов в общекультурные смысловые связи означает включённость текста в социальную эволюцию и характеризует его высокий культурно-познавательный потенциал. Вне системы моральных ценностей, составляющих существенные бытийные смыслы реальности, эти концепты не достраиваются в универсальную целостность. Вне аксиосферы концепты «мир» и «человек» утрачивают свою культурную значимость, теряют бытийный смысл и обнаруживают энтропийные свойства и культуроразрушающие признаки.

Анализ содержания текстовых концептов позволяет регистрировать неповторимые системы представлений и образов (культурный опыт), которые отражают определённый тип мировоззрения автора текста – целостный, универсальный, или хаотичный, фрагментарный.

Лингвокультурологический анализ концептов позволяет определить формируемые современной текстовой лингвокультурой речевые значения, сужающие или, напротив, расширяющие, или, может быть, в корне меняющие представления современного читателя о мире и вырабатывающие определённые стратегии будущего. Лингвокультурология текстового концепта позволяет объяснить, как ценности «включают» регулятивную функцию языка и обуславливают процесс лингвокультуробразования – вербальную передачу культурно-значимого опыта.

Эволюция современной лингвокультуры: ценностный ли отбор?

Современное содержание концептосферы текстовой лингвокультуры значительно отстаёт от культурных идеалов социальной эволюции. В современной текстовой публичной сфере не регистрируются концепты, свидетельствующие об осознании социально значимого опыта.

Вопрос эволюции концептосферы текстовой лингвокультуры коррелирует с проблемой осознанных и неосознаваемых речемыслительных процессов. Мы полагаем, что лишь осознание высших ценностей человеком, но-

сителем и творцом лингвокультуры, способно запустить силовой механизм эволюции, который функционирует как «ценностный отбор, осуществляемый обществом» [11, с. 193].

Ценностный отбор концептов представляет собой филогенетическое развитие способов концептуализации действительности в направлении от предметного речемышления, от неосознаваемых формулировок культурных значений, бесцельных описаний свойств предметов и явлений к абстрактному, осознаваемому, связанному мышлению о мире. «На протяжении многих веков человечество, приобретая определённый жизненный опыт, трансформирует его в соответствующие концепты, которые, связываясь между собой логически, образуют концептуальную систему, которая непрерывно изменяется и уточняется человеком в процессе его жизнедеятельности» [8, с. 48].

Важным компонентом лингвокультурологического анализа текста является выявление осознанного характера формулировки целей создания текста, осмысленного выбора концептов и определение их абстрактных оснований, т.е. некоторого «объёма» обобщающих признаков концептов, представляющих идеальный образ мира. Наличие в тексте концептов с абстрактными признаками свидетельствует об абстрактном мышлении автора текста, т.е. о высшей ступени развития его сознания, являющейся итогом работы мысли по обобщению результатов созерцания, наблюдения, первичных описаний объекта изучения [1].

Отсутствие целостного видения мира проявляется в трудно-определимости концептов современного текстового пространства, в их фрагментарности, в присвоении концептами предметно-конкретных значений и отсутствии абстрактных значений, формирующих целостное мировоприятие. Представление о мире искажается, дробится, разрывается, фрагментируется.

Причиной искажения идеального представления о мире Ю.Д. Апресян считает сопутствующие познанию ошибки и заблуждения: «Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира ещё долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений» [2, с. 348]. Таким образом, каждый текст репрезентирует особый способ концептуализации мира, отличающийся определённым уровнем знаний о мире – целостным, частичным или даже искажённым. Как же избежать ошибок эволюции, как отличить культурный упадок от восхождения?

Безусловным признаком «восходящей» эволюции является осознанный характер текстовой деятельности.

Линейное развёртывание события, созерцание непрерывной континуальности и его неосознанное отражение, наблюдаемые в современном текстовом пространстве, не являются культурным началом. Свидетельством культуротворчества является осмысленная реакция на определённое событие, осознанный выбор этого события и выражение чёткой авторской позиции. Только осознанный «ценностный отбор» автора текста ставит его произведение на вершину социальной эволюции.

Некоторые выводы

1. Исследование текстовой лингвокультуры имеет важное теоретическое научное значение. Оценка текстовой деятельности как определённого качества речемышления, как уровня развития познавательной деятельности человека может быть дана в рамках лингвокультурологической методологии.

2. Эволюция текстовой лингвокультуры происходит в сфере обобщающих, абстрактных свойств концептов и проявляется в осознанном характере текстовой деятельности, целенаправленной текстуализации абсолютных социальных ценностей. Культурообразующее значение текстового концепта и его эволюционно-познавательные характеристики актуализируют определённую степень усвоения социального опыта.

3. Познавательный масштаб текстовой лингвокультуры определяется в зависимости от семантического «объёма» концептуальной системы, увеличивающегося и уплотняющегося вместе с присвоением абстрактных значений текстовых концептов и их связанности в текстовом пространстве средствами сюжета и подтекстовой имплицитики.

1. Анисимов О.С. Методологический словарь: для акмеологов и управленцев [Текст] / О.С. Анисимов. М., 2002. 436 с.

2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян. М.: Языки русской культуры, 1995. 766 с.

3. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972 [Текст] / Г. Бейтсон / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. 476 с.

4. Беляцкая А.А. Новые горизонты теории языка: антропокосмистский подход к исследованию текста / А.А. Беляцкая // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования: научный журнал. 2012. №3. Саранск: Красный октябрь. С. 91–96.

5. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность [Текст] / Н.А. Бернштейн. М.: Наука, 1990. 495 с.

6. Буданцев Ю.П. Очерки ноокоммуниологии (Массовая коммуникация в ноосфере) / Ю.П. Буданцев. М.: МНЭПУ, 1995. 180 с.

7. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. Кн. 2-я. М., 1977. С. 19.

8. Зубарева Г.С. Концепт как основа языковой картины мира [Текст] / Г.С. Зубарева // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 3. С. 46–51.

9. Пелипенко А.А. Культура и глобальная эволюция [Текст] / А.А. Пелипенко // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2012. Т. 4. С. 214–235.

10. Поелуева Л.А. Художественный текст и СМИ: моделирующие возможности литературы в пространстве культуры / Л.А. Поелуева // Прагматика текста и текстовых единиц: монография / О.А. Бирюкова (отв. ред.); Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2011. 410 с. Гл. 19. С. 243–254.

11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. М.: Наука, 1993. 211 с.

12. Смирнова Н.М. О книге В.А. Лекторского [Текст] / Н.М. Смирнова // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 176–180.

References

1. Anisimov O.S. *Metodologičeskij slovar': Dlja akmeologov i upravencev* [Methodological dictionary: for acmeologists and managers]. Moscow, 2002, 436 p. (in Russian).

2. Apresjan Ju.D. *Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija* [Integral description of language and system lexicography]. Moscow, 1995, 766 p. (in Russian).

3. Bejtson G. *Jekologija razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psihologii i jepistemologii*. 1969–1972. [Mind ecology. Selected papers on anthropology and epistemology]. Moscow, 2000, 476 p. (in Russian).

4. Beljackaja A. A. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija*, 2012, no. 3, pp. 91–96 (in Russian).

5. Bernshtejn N.A. *Fiziologija dvizhenij i aktivnost* [Physiology of actions and activity]. Moscow, 1990, 495 p. (in Russian).

6. Budancev Ju.P. *Očerki nookommunikologii (Massovaja kommunikacija v noosfere)* [Essays on noocommunication (Mass communication in noosphere)]. Moscow, 1995, 180 p. (in Russian).

7. Vernadskij V.I. *Razmyslenija naturalista. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie* [Recollections of naturalist. Scientific thinking as planet phenomenon]. Moscow, 1977, p. 19 (in Russian).

8. Zubareva G.S. *Vestnik MGOU. Serija Lingvistika*, 2011, no. 3, pp. 46–51 (in Russian).

9. Pelipenko A.A. *Voprosy social'noj teorii*, 2012, v. 4, pp. 214–235 (in Russian).

10. Poelueva L.A. *Hudozhestvennyj tekst i SMI: modelirujushhie vozmozhnosti literatury v prostranstve kul'tury* [Artistic text in mass media: modeling possibilities of literature at culture]. Saransk, 2011, ch. 19, pp. 243–254 (in Russian).

11. Sepir Je. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected works on language learning and culture]. Moscow, 1993, 211 p. (in Russian).

12. Smirnova N.M. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 4, pp. 176–180 (in Russian).

UDC 81'42:316.752

TEXT AS THE FACTOR OF SOCIAL REVOLUTION: LINGUISTIC CULTURE AND VALUE SELECTION

Belyatskaya Anastasia Alexandrovna,

N.P. Ogarev Mordovia State University, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages for Professional Communication, Candidate of Culture Science, Associate Professor, Saransk, Russia.
E-mail: sajenina@list.ru

Annotation

The article deals with linguistic and philosophic comprehension of a text as a factor of social evolution. The author's definition of linguistic culture as a peak of social evolution, a supreme form of verbal and intellectual activity on preserving, transferring and synthesizing socio-cultural experience are presented. Text is considered as a means of embodying and representing linguistic culture, forming and reducing this experience.

Key concepts:

linguistic culture (linguoculture), text, «rising» evolution, concept.

УДК 1(091)+16

ЯДРО ДИАЛЕКТИКИ – ЗАКОН ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ И ЕГО МОДЕЛИРОВАНИЕ В АЛГЕБРАИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ*

Лобовиков Владимир Олегович,
Российская академия наук,
Уральское отделение,
Институт философии и права,
главный научный сотрудник,
доктор философских наук,
профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется точная формулировка диалектического закона взаимопроникновения противоположностей, который рассматривался Энгельсом как основной закон диалектики. На историко-философском материале демонстрируется, что лишь (примерно) в середине XX века этот основной закон диалектики был назван «законом единства и борьбы противоположностей». Впервые в мировой философской литературе: дискретная математическая модель закона взаимопроникновения противоположностей сопоставляется с дискретной математической моделью закона единства противоположностей. Впервые в мире то, что эти законы формально-аксиологически эквивалентны друг другу и, следовательно, их названия взаимно заменимы в формально-аксиологическом отношении (но не вообще), доказывается путём «вычисления» соответствующих ценностных таблиц в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии.

Ключевые понятия:

Энгельс,
диалектический закон,
единство противоположностей,
взаимопроникновение-
противоположностей,
алгебра формальной аксиологии.

By "dialectics" Engels said that he meant the laws of all motion, in nature, history, and thought. He named three such laws: the law of the Transformation of Quantity into Quality, the Law of the Mutual Interpenetration of Opposites, and the Law of the Negation of the Negation. These dialectical principles or laws were supposed to represent the most general patterns of matter in motion.

Loren R. Graham [8, p.52]

То, что цитата, вынесенная в начало статьи, представляет собой англоязычный текст, может вызвать у незнакомого с английским языком русскоязычного читателя недоумение или даже раздражение. Возникает вопрос: не лучше ли было поместить в этом месте перевод с английского на русский? Ответ: в каком-то отношении это действительно было бы лучше; но в каком-то другом отношении это было бы хуже; и именно второе отношение нас в данной работе интересует.

В вышеприведённом «эпиграфе» сосредоточим внимание на следующем предложении: "He named three such laws: the law of the Transformation of Quantity into Quality, the Law of the Mutual Interpenetration of Opposites, and the Law of the Negation of the Negation". В этом предложении упоминаются три основных закона диалектики. Риск неадекватного перевода названий первого и третьего законов невелик: буквальный перевод здесь вполне адекватен. А вот что означает словосочетание "the Law of the Mutual Interpenetration of Opposites"? На первый взгляд, с некоторой точки зрения, этот вопрос кажется тривиальным: почти всякий, основательно изучавший диалектику в советском вузе, сразу же ответит, что речь здесь идёт о «зако-не единства (тождества) и борьбы противоположностей». Но ведь не каждый читатель (например, сегодняшний или завтрашний студент) основательно изучал диалектику в советском вузе. Обычно кое-что при переводе «вычисляется» из контекста, но у разных групп читателей контексты разные и, более того, они изменяются. В таком случае было бы хорошо уменьшить зависимость от неопределённости контекста, порождающей неопределённость перевода. Буквальный перевод, если он почти не расходится с содержанием

* Данная статья – продолжение статьи [4]. Поэтому в данной статье не повторяются многочисленные точные определения используемых понятий и ценностные таблицы, приведённые ранее в [4]. Но для понимания настоящей статьи все эти определения и таблицы необходимы. Это примечание отсылает заинтересованного читателя к [4], где все необходимые разъяснения, глоссарии, таблицы и дефиниции даны. Система используемых обозначений (символов искусственного языка) в данной статье точно та же, что и в статье [4]. Такая отсылка к [4] необходима, чтобы не нарушить рекомендуемый редакцией предел объёма статьи: если в ней снова повторить все необходимые дефиниции и таблицы, то текст будет неприемлемо большим. Теперь же он находится в пределах рекомендуемой меры, и при желании, в принципе, может быть понят точно и полностью, если и только если привлечь для этого статью [4].

текста (его «духом»), – самое эффективное средство уменьшения зависимости от неопределённости контекста, но, к сожалению, оно не универсально: в некоторых случаях буквальный перевод неадекватен, поэтому, необходим анализ конкретной ситуации. От этих общих теоретико-лингвистических соображений перейдём к интересующему нас конкретному вопросу – что получится, если осуществить *буквальный* перевод словосочетания “the Law of the Mutual *Interpenetration* of Opposites”? Не может ли он также оказаться вполне адекватным (как и в случае первого и второго законов)? Самый важный и самый проблемный пункт в переводе обсуждаемого словосочетания – значение слова “penetration”. При *буквальном* переводе оно (вероятнее всего) означает «проникновение». Если с этим согласиться, то *буквальным* переводом словосочетания “the Law of the Mutual *Interpenetration* of Opposites” будет словосочетание «Закон *Взаимопроникновения* Противоположностей».

Совпадает ли семантическое значение этого словосочетания с семантическим значением словосочетания «Закон *Единства* и *Борьбы* Противоположностей»? Являются ли слова «единство» и «борьба» синонимами слова «взаимопроникновение»? Строго говоря, в каком-то смысле нет. Тогда является ли *сложное* (составное) слово «единство-и-борьба» синонимом слова «взаимопроникновение»? На мой взгляд, строго говоря, в каком-то смысле нет: Если использовать обсуждаемые слова в самом широком их смысле или учитывать существование качественно различных значений этих слов, то можно заметить, что в некотором важном отношении они синонимами не являются, хотя *какая-то важная связь между ними, я уверен, существует*, но какая именно? – ответ неясен: вопрос нуждается в тщательном изучении. Поэтому воздержимся от абсолютного отождествления закона *взаимопроникновения* противоположностей и закона *единства* и *борьбы* противоположностей: будем обсуждать и моделировать эти, наверное, как-то связанные друг с другом законы диалектики по отдельности (независимо друг от друга) до выяснения имеющейся между ними взаимосвязи.

Данная статья посвящена исследованию дискретной математической модели диалектического принципа *взаимопроникновения* противоположностей. Но не идём ли мы на поводу у Лорена Грэхэма, который занимался систематическим изучением и критикой диалектического материализма в связи с историей естествознания? Что, если его критика есть результат предубеждения в сочетании с плохим знанием предмета? Не искажает ли он историко-философские факты? Хоро-

шо ли он знает источники: труды классиков марксизма-ленинизма и советскую учебную литературу по диалектике? Возникновение таких вопросов естественно, так как нередко печатная продукция советологов оказывалась некачественной: или из-за их нечестности, предвзятости, или из-за неаккуратности аргументов и незнания фактов. Однако в данном конкретном случае нужно признать высокое качество научной работы Грэхэма: он хорошо знает предмет своих исследований, в частности, труды классиков марксизма-ленинизма и, в особенности, работы Энгельса. Если обратиться к «Диалектике природы», то можно найти в ней следующие два фрагмента. Цитирую:

«[НАБРОСОК ОБЩЕГО ПЛАНА]...

... 3. Диалектика как наука о всеобщей связи. Главные законы: превращение количества и качества – *взаимное проникновение полярных противоположностей* (Курсив мой. – В.Л.) и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности, – развитие путем противоречия, или отрицание отрицания, – спиральная форма развития» [7, с. 343].

«ДИАЛЕКТИКА

(Развить общий характер диалектики как науки о связях в противоположность метафизике).

Таким образом, история природы и человеческого общества – вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления. По сути дела они сводятся к следующим трём законам:

Закон перехода количества в качество и обратно.

Закон взаимного проникновения противоположностей (Курсив мой. – В.Л.).

Закон отрицания отрицания» [7, с.384].

В последней цитате название второго из трёх основных законов диалектики, перечисленных Энгельсом, представляет собой буквальный перевод на русский язык англоязычного названия второго из трёх основных законов диалектики, перечисленных Грэхэмом. Следовательно, в приведённом в самом начале статьи англоязычном тексте Грэхэм не искажает наследие классиков марксизма-ленинизма, рассуждает аккуратно и честно, исходит из текстов классиков, в частности из работ Энгельса, в особенности из «Диалектики природы». Примечательно, что второй

из процитированных нами выше фрагментов из «Диалектики природы» Энгельса был процитирован также в посвящённой диамату первой части учебника «Диалектический и исторический материализм», изданного в 1934 г. под ред. М.Б. Митина в разделе «Закон единства противоположностей» главы «Законы материалистической диалектики» [5, с. 140]. Автор упомянутого раздела писал далее: «Перейдем теперь к рассмотрению основного закона материалистической диалектики – закона единства противоположностей» [5, с. 140]. Здесь следует особо подчеркнуть, что этот текст был издан в 1934 г. В СССР 20-х, 30-х и 40-х годов было лингвистическим обычаем, статистической нормой (привычкой словоупотребления) именовать основной закон («ядро») диамата «Законом единства противоположностей»: слово «борьба» в название закона тогда ещё не входило [5, с. 140–157]. При этом часто в 20-х, 30-х и 40-х годах в качестве синонима для словосочетания «Закон единства противоположностей» использовалось словосочетание «Закон взаимопроникновения противоположностей» [5, с. 140, 146, 147–150]. Это можно подтвердить, например, следующими цитатами: «Материалистическая диалектика Маркса–Энгельса–Ленина видит в единстве (взаимопроникновении) противоположностей основной закон диалектического развития» [5, с. 146]. «Взаимоотношение – взаимопроникновение и борьба – противоположных, противоречивых сторон, заключённых в предмете, определяет его жизнь, даёт ему импульсы к самодвижению, к развитию. Вот почему закон единства, взаимопроникновения противоположностей является основным, важнейшим, решающим в диалектике» [5, с. 147]. «... Закон единства противоположностей есть *основной* закон диалектики... Если Энгельс в «Анти-Дюринге» приводил в интересах *популярного* изложения ряд примеров этого закона, в то же время рассматривая взаимопроникновение противоположностей как наиболее общий закон развития, то Плеханов сводит этот всеобщий закон к *частным* его случаям и проявлениям...

Поэтому в материалистической диалектике крайне важно правильно понять, в чём состоит *взаимоотношение* между противоположностями. Единство противоположностей есть одновременно их взаимное проникновение, их *тождество* и их взаимное исключение, отрицание, *борьба* [5, с. 147].

Позднее (например, в 60-х, 70-х и 80-х годах XX века) лингвистическим обычаем (привычкой словоупотребления) в СССР стало именовать основной закон («ядро») диамата «Законом единства и борьбы противоположностей» [1; 2, с. 142, 144, 146]. Разговор

о «взаимопроникновении противоположностей как *основном* законе материалистической диалектики» стал в это время уже чем-то *экзотическим, необычным* (нарушающим обычай словоупотребления). В последние десятилетия существования СССР обычай (статистическая норма словоупотребления) настолько изменился, что стало уже вполне уместным и даже целесообразным включение в новую учебную литературу по диамату *напоминания* о том, что «Энгельс ... называл закон единства и борьбы противоположностей *законом взаимного проникновения противоположностей*» [6, с. 311]. Но уже и в 1934 г. в СССР аспект борьбы противоположностей стал выходить на первый план, оттесняя аспект их взаимопроникновения (на второй план, а затем и на третий). Ссылаясь на Ленина, автор обсуждаемого раздела учебника 1934 г. [5] писал об *относительности взаимопроникновения* противоположностей и об *абсолютности борьбы* между ними. Цитирую: «Они не понимают, что в каждом различии заложено уже противоречие, они *ограничивают*, подобно Плеханову, всеобщий характер закона противоречивого развития. Между тем Ленин, наоборот, подчеркивает *условный, временный, относительный* характер единства, тождества, взаимопроникновения противоположностей и *абсолютный* характер их взаимного отрицания, взаимоисключения противоположностей, их *борьбы*, являющейся *источником развития*».

Определённое единство противоположных сторон, тенденций в предмете каждый раз не носит абсолютного характера, оно имеет относительное значение. Но если временно, относительно преходящее единство противоположностей, которые также не остаются неизменными, как и самый предмет, то абсолютна *борьба* их...

И в релятивном, относительном есть абсолютное, говорит в другом месте Ленин. И во взаимопроникновении противоположностей мы должны видеть *их борьбу*: самое тождество, взаимопроникновение противоположностей мы должны рассматривать как *проявление их борьбы*, – и в этом заключается глубочайший смысл ленинских слов о переходе от одного к другому как «самом важном» [5, с. 150].

«Тождество противоположностей, их взаимопроникновение, их взаимопереход одной в другую Ленин считает *самым важным* для понимания сути диалектики. В то же время он подчеркивает *условный* характер этого тождества противоположностей, возможность его лишь при определённых условиях, то обстоятельство, что единство противоположностей относительно, а борьба их абсолютна» [5, с. 148].

Теперь, рассмотрев диалектический принцип взаимопроникновения противоположностей и с логико-лингвистической, и с историко-философской точек зрения, перейдём к его абстрактно-теоретическому исследованию и дискретному математическому моделированию в самом общем виде.

Многие критики объективной диалектики считают обсуждаемый принцип логически противоречивым проявлением мистики или просто бессмыслицей (плохим синтаксисом). Некоторые критики полагают, что и до Маркса и после него в философской литературе не было, и до сих пор нет достаточно ясного и точного определения значения слова «закон (или принцип)» в знаменитом словосочетании «основные законы (принципы) диалектики» [8]. Существование таких критиков оправдано тем, что очень многие формулировки принципа взаимопроникновения противоположностей, данные в естественном языке, действительно не выдерживают критики из-за нечёткости (расплывчатости) и многозначности используемых языковых средств. Однако, по моему мнению, вопреки неблагоприятной историко-философской традиции, все-таки можно сформулировать обсуждаемый принцип точно, ясно и логически непротиворечиво, если и только если использовать для этого искусственный язык дискретной математической модели диалектико-материалистической философии как системы ценностных функций от некоторого конечного числа ценностных переменных. На мой взгляд, принцип взаимопроникновения противоположностей адекватно моделируется следующей парой уравнений двузначной алгебры формальной аксиологии, существенно использующих определенную в [4] бинарную операцию C_2 .

1) $Ba = + = C_2Zaa$: бытие a есть (бытие a в (противоположности a)).

2) $BZa = + = C_2aZa$: бытие (противоположности a) есть (бытие (противоположности a) внутри a).

Система уравнений 1 и 2 формально-логически непротиворечива и представляет собой точную формулировку принципа взаимопроникновения противоположностей. Проверка этих уравнений путём «вычисления» соответствующих ценностных таблиц с применением соответствующих дефиниций понятий (из статьи [4]) – конкретный пример того, как, согласно Г.В. Лейбницу, можно было бы заменить эмоциональное уверение спокойным «счётом» [3, с. 491–497].

Приведём ещё один пример эвристически и дидактически ценной замены агрессивного эмоционального уверения на спокойный «счёт». Выше в данной статье мы решили воздержаться от абсолютного отождествле-

ния семантических значений слов «единство» и «взаимопроникновение», а также от априорного признания этих слов синонимами, так как, согласно содержательной лингвистической интуиции, в каком-то отношении, значения этих слов не полностью тождественны. Однако упомянутая интуиция не исключает возможность существования некой очень важной связи и даже эквивалентности значений обсуждаемых слов в каком-то отношении, делающей эти слова взаимозаменяемыми, т.е. синонимами, в этом (и только в этом!) отношении.

Рассмотрим «взаимопроникновение противоположностей». Используя искусственный язык алгебры метафизики, это словосочетание можно заменить на «взаимопроникновение a и Za ». Здесь Za – противоположность для (чего) a . Устраним из выражения «взаимопроникновение a и Za » оставшиеся элементы естественного языка, чтобы получить «формулу». Для этого нужно «перевести» слово «взаимопроникновение» на искусственный язык алгебры метафизики. Это можно сделать следующим образом. С содержательной точки зрения, «взаимопроникновение a и Za » естественно отождествляется с «объединением (проникновения a в Za) и (проникновения Za в a). С содержательной точки зрения, «проникновение некоего x в какой-то y » означает бытие (нахождение) x внутри y .

Это наводит на мысль, что адекватным переводом выражения «взаимопроникновение a и Za » на искусственный язык алгебры метафизики будет формула $K_2C_2aZaC_2Zaa$. Теперь от словосочетания «взаимопроникновение противоположностей» обратимся к словосочетаниям «единство противоположностей» и «тождество противоположностей». Их переводами на искусственный язык алгебры философии будут формулы K_2aZa и T_2aZa , соответственно. Являются ли формулы K_2aZa , T_2aZa и $K_2C_2aZaC_2Zaa$ формально-аксиологически эквивалентными друг другу? Давайте «посчитаем»! В результате «вычисления» ценностных таблиц для этих формул оказывается, что при любых значениях переменной a они имеют значение p , т.е. представляют собой формально-аксиологическое противоречие и, следовательно, они формально-аксиологически эквивалентны друг другу, т.е. в исследуемой алгебраической системе диалектики имеют место следующие уравнения.

$$3) K_2aZa = + = T_2aZa.$$

$$4) T_2aZa = + = K_2C_2aZaC_2Zaa.$$

$$5) K_2aZa = + = K_2C_2aZaC_2Zaa.$$

Это значит, что в точно определенном в [4] формально-аксиологическом отношении (a не в любом отношении вообще) словосочетания «закон взаимопроникновения противоположностей» и «закон единства про-

тивоположностей» являются взаимно заменимыми. В конечном счёте, к этому же выводу о взаимной заменимости обсуждаемых терминов марксисты-ленинцы, в конце концов, и пришли (руководствуясь содержательной революционной интуицией). Но какой ценой! К сожалению, цена вопроса была слишком высока. То, что постепенно, медленно, долго вызревало в результате ожесточённых споров больших групп марксистов-ленинцев между собой, сопровождавшихся взаимными оскорблениями, обвинениями и репрессиями (вплоть до расстрела), можно в целом ряде важных случаев сделать значительно быстрее, спокойнее, экономнее (без растраты невозможных ресурсов), если серьёзно отнестись к призыву Лейбница «Давайте посчитаем!». Для этого можно воспользоваться эвристическими и дидактическими возможностями предложенной в [4] простейшей (двухзначной) *дискретной математической модели диалектического материализма как формально-аксиологической системы*.

1. Дудель, С.П. Закон единства и борьбы противоположностей [Текст] / С.П. Дудель, Г.М. Штракс. М.: Высшая школа, 1967. 247 с.

2. Кессиди, Ф.Х. Гераклит и диалектический материализм [Текст] / Ф.Х. Кессиди // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 142–146.

3. Лейбниц, Г.В. Соч. в 4 т. [Текст] / Г.В. Лейбниц. Т.3. М.: Мысль, 1984. 734 с.

4. Лобовиков, В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате» [Текст] / В.О. Лобовиков // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138.

5. Митин, М.Б. (Ред.) Диалектический и исторический материализм. Ч. 1: Диалектический материализм [Текст] / М.Б. Митин. М.: Патриздат, 1934. 354 с.

6. Орлов, В.В. Основы философии. Ч. 1: Диалектический материализм [Текст] / В.В. Орлов. Пермь: Изд-во Томского ун-та (Пермское отделение), 1991. 448 с.

7. Энгельс, Ф. Диалектика природы [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Издание второе. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. 827 с.

8. Graham Loren R. Science and Philosophy in the Soviet Union. N.Y.: Knopf, 1972. 584 p.

References

1. Dudel' S.P., Shtraks G.M. Zakon edinstva i bor'by protivopozlozhnostej [Law of the unity and struggle of opposites]. Moscow, Vysshaja shkola, 1967, 247 p. (in Russian).

2. Kessidi F.H. Voprosy filosofii, 2009, no. 3, pp. 142–146 (in Russian).

3. Lejbnic G.V. Soch. v 4 t. T.3 [Works in 4 volumes]. Moscow, Mysl', 1984, 734 p. (in Russian).

4. Lobovikov V.O. Socium i vlast', 2014, no. 1, pp. 127–138 (in Russian).

5. Mitin M.B. Dialekticheskij i istoricheskij materializm. Ch.1: Dialekticheskij materializm [Dialectic and historic materialism. Part I: Dialectic materialism]. Moscow, Patrizdat, 1934, 354 p. (in Russian).

6. Orlov V.V. Osnovy filosofii. Ch.1: Dialekticheskij materializm [Basis of philosophy. Part I: Dialectic materialism]. Perm', Izd-vo Tomskogo un-ta (Permskoe otdelenie), 1991, 448 p. (in Russian).

7. Jengel's F. Dialektika prirody [Natural dialectics]. K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izdanie vtoroje. T.20. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1961, 827 p. (in Russian).

8. Graham Loren R. Science and Philosophy in the Soviet Union. N.Y., Knopf, 1972, 584 p. (in English).

UDC 1(091) +16

THE DIALECTICAL LAW OF INTERPENETRATION OF OPPOSITES AND ITS REPRESENTATION IN THE ALGEBRAIC SYSTEM OF FORMAL AXIOLOGY

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Ural Branch

of Russian Academy of Sciences,

Institute of Philosophy and Law,

Chief Research Scientist,

Doctor of Philosophy, Professor,

Yekaterinburg, Russia.

E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

The paper submits investigating a precise formulation of the dialectical law of interpenetration of opposites which was considered by Engels as the main law of dialectics. As exemplified by the material of history of philosophy it is demonstrated that (approximately) in the middle of XX century the main law of dialectics was labeled «the law of unity and struggle of opposites». For the first time in the world literature a discrete mathematical model of the law of interpenetration of opposites is compared with a discrete mathematical model of the law of unity of opposites. Moreover, for the first time in the world literature, a formal-axiological equivalence of the two laws and hence their mutual interchangeability in the formal-axiological relation (but not in general) is proved by «computing» corresponding evaluation-tables in two-valued algebraic system of formal-axiology.

Key concepts:

Engels,
dialectical law,
unity of opposites,
interpenetration of opposites,
algebra of formal axiology.

УДК 101.1 + 101.8

ПРАВОМЕРНЫ ЛИ АБСТРАГИРОВАНИЕ ОТ ИСТОРИИ И «ОЦИФРОВКА» ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Брянник Надежда Васильевна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
профессор кафедры онтологии и теории
познания,
доктор философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vastas07@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся контраргументы в адрес идей проф. В.О. Лобовикова, касающиеся природы диалектического материализма («диамата») и перспектив его формализации и «оцифровки». Ставится под сомнение поиск внеисторической сути «диамата». «Диамат» – уникальное по своему содержанию философское творение, подобным которому история философии не знала. Он есть продукт социально-политического развития Западной Европы сер. XIX в., а принципы материализма и диалектики были предназначены для выражения социально-классовых интересов пролетариата. Возможность соединения несоединимого – научности и идеологичности – обосновывалась тем, что пролетариат в истории человечества представляет собой единственный класс, призванный своим экономическим и политическим положением выражать общечеловеческие интересы. Для основоположников марксизма «диамат» – незаменимое мировоззренческое и методологическое средство, без которого невозможны теоретические построения в науке. Мировоззренческо-методологическая составляющая «диамата», отвечавшая переходу от классической стадии науки к постклассической, сохраняет своё значение, поскольку важнейшие открытия новейшей стадии науки нуждаются в философском анализе и построении научной картины мира.

Ключевые понятия:
диалектический материализм,
творческий марксизм,
наука, идеология,
философский анализ.

Заявленная тема спровоцирована полемической статьёй В.О. Лобовикова и желанием разобраться с вопросом о том, является ли та научная школа – школа М.Н. Руткевича и И.Я. Лойфмана [1], к которой я себя безоговорочно причисляю, лишь достоянием историко-философских архивов или у неё есть будущее. Завершившие свой жизненный путь в последнее десятилетие М.Н. Руткевич и И.Я. Лойфман до конца дней своих отстаивали в философии принципы творческого марксизма, ядром которого они считали диалектический материализм. Ошибочно считать, что они придерживались данной позиции лишь по привычке, заложенной в эпоху советской философии, отстав от философских новаций двухтысячных. На удивление, и Руткевич, и Лойфман были хорошо знакомы с новейшими достижениями как в отечественной, так и за рубежной философии, но отстаивали именно «диамат». Для ответа на поставленный вопрос в данной конкретной ситуации надо обратиться к идеям проф. В.О. Лобовикова.

Я вовсе не против «оцифровки» диамата, но у меня есть возражения против той его трактовки, которую предлагает Владимир Олегович.

1. Владимир Олегович считает возможным существование «диамата» не в марксистском варианте («... логически возможно существование такой конкретной системы диалектического материализма, которая исторически никак не связана с марксизмом-ленинизмом, а также... социально-политически независима от интересов пролетариата и беднейшего крестьянства, не связана с ними необходимо» [2, с. 128]). Данный тезис, основополагающий в рассуждениях моего визави, представляется мне спорным. Если обратиться к составляющим принципам диалектического материализма (материализму и диалектике), то нельзя не учитывать ряд существенных факторов, без которых рассуждения на тему «диамата» попросту бьют мимо цели.

Так, само деление на материализм и идеализм было необходимо для того, чтобы, в т.ч. и в философии, можно было произвести размежевание на партии, обосновать идеологичность философии. Это размежевание было изобретено именно марксизмом. Сначала Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» обнаруживает, что вся предшествующая философия вращалась вокруг т.н. основного вопроса философии, решение которого было возможно с позиций либо материализма, либо идеализма. А затем Ленин в «Материализме

и эмпириокритицизме» заявляет, что философия, как и две тысячи лет тому назад, партийна, и в ней можно выделить линии Демокрита и Платона – материализм и идеализм. Но кто сегодня всерьёз возьмётся доказывать, что Демокрит – материалист, а Платон в решении основного вопроса философии (он ещё и не знал о его существовании) – идеалист. Смысловые проблемы философии не улавливаются этой грубой схемой.

«Принять абстракцию от истории» [2, с. 128], как предлагает Владимир Олегович, не получится, потому что «диамат» – это детище конкретных обстоятельств и конкретных личностей. Логическое рассмотрение, если только оно не задаётся целью, вознести нас в какие-нибудь «возможно/невозможные» миры, а остаётся вместе с нами на грешной Земле, с неизбежностью вырастает из исторического исследования. Единству исторического и логического нас учит тот же «диамат». Вне исторического логическое превращается в фантастическое, мифическое и т.п.

Следовательно, принцип материализма как основоположение «диамата» имеет под собой прежде всего социально-классовую подоплеку, трансформированную в области философской теории в партийно-идеологический фактор. Подтверждением тому служит афористично звучащий в «Манифесте коммунистической партии» тезис: «Пролетариат находит в философии духовное оружие. Философия находит в пролетариате материальное оружие».

Принцип материализма в «диаменте», как считали его творцы, имел уникальное содержание, которое не могло появиться в предшествующей им философии. В конце жизни Энгельс, оценивая достигнутое им и Марксом в области философии, приходит к выводу, что разработанный ими материализм впервые в истории философии приобрёл последовательный характер в том смысле, что «диамат» означает не только материалистическое понимание природы, но и человеческой истории. Поэтому «диамат» в своем завершённом виде включает в себя и «истмат». Трактовка человеческой истории как естественно-исторического процесса оказалась возможной потому, что Маркс и Энгельс в области философии обосновали решающую роль во всемирной истории класса, создающего материальные условия жизни общества.

Принцип диалектики как второе основоположение «диамата» также был предназначен для выражения социально-классовых интересов «материального оружия» марксизма – пролетариата – и был

органически связан с принципом материализма. Обоснование здесь такое. Маркс и Энгельс рассматривали жизнь социума как саморазвивающуюся систему. Для этого надо было обнаружить источник саморазвития. В качестве такового они признавали противоречия, которые сначала возникают в экономических отношениях, составляющих базис общественной жизни. Не раскрывая всего механизма саморазвития, отметим схематично, что сам процесс саморазвития протекает как смена экономических формаций; и подчиняется эта смена закону отрицания отрицания, поскольку на стадии коммунистической формации происходит возврат к общественной собственности на средства производства, которая господствовала на ранних этапах. Смена качественных состояний общества происходит в ходе революций, ведь «социальные революции – локомотивы истории». Революции есть не что иное, как открытое проявление социально-классовых противоречий – источника саморазвития любого социума.

Прорисовывается блок категорий диалектики, который радикально отличается не только от аристотелевской или, скажем, кантовской системы категорий, но даже от гегелевской. Эта последняя упомянута лишь потому, что в адрес основоположников марксизма неоднократно высказывались обвинения в том, что они выстроили свою философию, пользуясь в качестве подпорки «гегелевскими костылями» – законами диалектики.

2. Поиск вне исторической сути «диамата» понадобился Владимиру Олеговичу не случайно, ведь его цель – формализовать «диамат», а средством формализации выбрана формальная аксиология. Он считает, что «такой разворот событий (формально-аксиологическая ре-интерпретация диамата) не просто спасителен, но ещё и очень выгоден для диалектико-материалистической философии. Она приобретает защищённость и независимость от развития логически организованной системы фактов опытной науки. Поэтому глупо отказываться от возможности успешно адаптировать диалектический материализм к современным условиям путём истолкования его как формально-аксиологической системы» [2, с. 130–131].

В цитированном фрагменте заявлена оригинальная позиция самого проф. Лобовикова, в отношении которой у меня есть вопросы и возражения.

Во-первых, если даже в первом приближении выяснить, что собой представляет аксиологическая интерпретация (будь то формальная или содержательная), то мы неизбежно должны будем признать при-

вязку интерпретируемого объекта к ценностям. Автор и не отрицает этого, а, напротив, подчеркивает данный момент, когда пишет: «... в сущности диалектический материализм есть не что иное, как некая специфическая система ценностных функций...» [2, с. 131]. Но ведь Владимир Олегович вознамерился понять суть «диамата» без его ценностных ориентаций, без его привязанности к интересам пролетариата и беднейшего крестьянства. Выходит, что он готов допустить некие абстрактные ценностные установки, непонятно к кому относящиеся (он говорит об «оценивающем субъекте», о некоем «оценщике» [2, с. 131]. И тогда вся сфера человеческой жизнедеятельности пропускается им через рамки только «хороших» и «плохих» поступков, чем заметно упрощается и примитивизируется, становится тривиальной. В.О. Лобовиков пишет: «Двузначная алгебра формальной этики строится на множестве любых поступков, являющихся либо хорошими (добром), либо плохими (злом) с точки зрения некоторого оценивающего субъекта...» [2, с. 131]. Но ведь уже греческие софисты, раскрывая неоднозначность нравственно-правового мира, показывали, сколь сложна человеческая жизнь – в ней насущным является требование справедливости (а не только свершения хороших и плохих поступков). А справедливость по природе своей релятивна и только релятивна, поскольку справедливое для бедняка абсолютно не удовлетворит богатого и наоборот (Фразимах); убедиться в этом несложно и сегодня.

В этих оценках человеческого существования марксизм, конечно, ближе к Фразимаху, чем к проф. Лобовикову. И когда Владимир Олегович замечает в выводах, что «ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни их многочисленные сторонники и противники не могли даже предположить, что диалектический материализм имеет серьёзные формально-аксиологические основания, которые могут быть адекватно представлены на уровне алгебры ценностей...» [2, с. 135], в сознании читателя возникает несостыковка формализации просто «хороших или плохих» поступков с кричащими и многозначными противоречиями современного глобализирующегося мира. Законы и принципы «диамата» в философской форме как раз и схватывали сложность и запутанность западно-европейского типа цивилизации, который они квалифицировали как капиталистический путь развития (буржуазный способ производства), с позиций одного «оценивающего субъекта» – пролетариата.

3. Нельзя не остановиться ещё на одном аргументе проф. Лобовикова, который заставляет нас обратиться к фактору науки. Он полагает, что философия «диамата» за счёт формализации «приобретает защищённость и независимость от развития логически организованной системы фактов опытной науки» [2, с. 130]. Если уточнить, то «логически организованная система фактов опытной науки», по сути дела, и есть то, что называется наукой. Тогда выходит, что наш профессор уверен в негативном влиянии науки на «диамат». Но с этим трудно согласиться.

Для любого, знакомого с произведениями основоположников марксизма, очевидно, что тексты Маркса и Энгельса наполнены уважительным отношением к науке, признаки научного отношения к миру стали мерилом для создания «диамата» как философской теории. Так, нельзя не принять во внимание, что «Капитал» Маркса являет собой своеобразную вершину достижений в области социально-экономических наук, начиная с 40-х годов XIX столетия. При подготовке «Капитала» Маркс обстоятельно погрузился в освоение высшей математики и возможностей её приложения, попытавшись выяснить философскую природу дифференциального и интегрального исчисления. «Диалектика природы» Энгельса не только демонстрирует основательное знакомство её автора с новейшими открытиями в области естественных наук и математики, но и стремление мыслителя обнаружить среди них такие, которые радикально повлияли на смену научной картины мира. Так, Энгельс проводит диалектико-материалистический анализ трёх великих открытий – закона сохранения и превращения энергии, дарвиновской теории эволюции и естественного отбора, а также теории клеточного строения растительного и животного мира. А такие его произведения, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» по меркам сегодняшнего дня могут быть отнесены к междисциплинарным исследованиям на стыке антропологии, анатомии, физиологии, этнографии, истории, экономики, языкознания и др. Нельзя не принимать во внимание и многочисленные работы по проблематике политических наук.

Творцы «диамата» не только не пасовали перед наукой, но имели твёрдое убеждение в необходимости философского анализа результатов, полученных на стадии эмпирических исследований. Другими словами, для основоположников марксизма «диамат»

незаменимое мировоззренческое и методологическое средство, без которого в науке невозможны теоретические построения, без принципов «диамата» научные исследования превращаются в «ползучую» эмпирию.

Именно в таком ключе трактуют «диамат» основатели научной школы «диалектика и теория познания» – И.Я. Лойфман и М.Н. Руткевич. Они признают неисчерпанным мировоззренческий и методологический потенциал «диамата» и считают необходимым творчески развивать марксизм, поскольку важнейшие открытия новейшей стадии науки нуждаются в философском анализе и построении научной картины мира. При этом главная проблема заключается в отсутствии в современной отечественной и зарубежной философии категориального инструментария для исследования того, что происходит в постклассической науке. Тогда как «диамат» задает вполне определённую целостную рамку для восприятия и оценки научных открытий. «Диаматовская» категориальная сетка нацеливает на раскрытие особенностей организации объектов, способов их функционирования и развития. Какие бы радикальные перемены ни происходили в научных представлениях о мире, ни один из трёх указанных аспектов не может быть упущен.

Расматривая статус диамата в отношении науки, недостаточно констатировать его включённость в научную парадигму. Соответствие «диамата» критериям научности своего времени объясняется и внешними по отношению к науке факторами. В советский период всегда подчеркивалось органическое единство научности и идеологичности философии марксизма. Возможность подобного соединения несоединимого – научности (= объективности и истинности) и идеологичности /партийности – обосновывалась тем, что пролетариат в истории человечества представляет собой единственный класс, призванный своим экономическим и политическим положением выражать общечеловеческие интересы, поскольку не заинтересован в сохранении себя как класса. Другими словами, и научный аспект «диамата» неразрывно связан с социально-политической установкой основоположников марксизма.

Связь марксистского понимания научности с социально-политическими явлениями – это не просто советская интерпретация событий 40–90-х гг. XIX в. У основоположников марксизма почти повсеместно определения науки сопрягаются с оценкой её реальной социальной значимости. Её природа и смысл раскрываются в системе капиталистического производства, например, таким образом: «капитализм создаёт систему всеобщей полезности; даже наука выступает лишь в ка-

честве носителя этой системы всеобщей полезности» [3, с. 386]. При этом логика «диаматовского» подхода нацелена на оценку всех явлений с позиций пролетариата, что приводит их к признанию даже в существенных определениях науки того, что она становится чуждой, враждебной и господствующей по отношению к труду силой.

В системе капиталистического способа производства наука – её важнейший фактор, а по отношению к рабочему она есть не что иное, как «фактор отчуждения». Намеченные в ранних «Экономическо-философских рукописях 1844 года» формы отчуждения человека труда наука дополняет ещё одной формой: «происходит отделение науки как науки, примененной к производству, от непосредственного труда ...» [4, с. 556], а «труд, не требующий от рабочего знания ... не позволяет развертывать в процессе труда ему (рабочему) свою духовную энергию» [4, с. 556].

Выводы по науке как фактору отчуждения те же, что и в отношении всех остальных форм отчуждения: «в таком труде, где человек лишён интеллектуального начала (представленного теперь, в первую очередь, наукой), он утрачивает себя как родовое существо» [3, с. 556].

Признавая высокую освободительную миссию науки, вытекающую из её сущностного предназначения, Маркс одновременно показывает, что при буржуазном строе происходит кардинальное изменение этой миссии, её полное оборачивание: «практически естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь ... и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обесчеловечение человеческих отношений» [5, с. 595].

Прихожу к выводу, что диалектический материализм – уникальный по своему содержанию философское творение, подобных которому история философии не знала в силу того, что по сути своей диалектический материализм есть продукт социально-политического развития Западной Европы середины XIX в. Многофакторное ценностно-смысловое наполнение диамата вряд ли позволяет «оцифровать» его средствами формальной аксиологии, дифференцирующей поведение людей лишь в призме «хороших» и «плохих» поступков. Вместе с тем, как нам представляется, мировоззренческо-методологическая составляющая диамата, отвечавшая переходу от классической стадии науки к постклассической, сохраняет своё значение в условиях обрушившейся лавины научных открытий, требующих пересмотра на уровне принципов научной картины мира.

1. Бряник, Н.В. Научная школа в области философских наук «Диалектика и теория познания»: основатели М.Н. Руткевич и И.Я. Лойфман, руководитель В.В. Ким [Текст] / Н.В. Бряник // Эпистемы. Екатеринбург, 2012. С. 4–15.

2. Лобовиков, В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате» (дискретная математическая модель логически непротиворечивого формально-аксиологического учения о противоречивости материи) [Текст] / В.О. Лобовиков // Социум и власть. 2014. № 1 (45). С. 127–138.

3. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–59 гг. [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т.46. Ч. 1. XXIV. 559 с.

4. Маркс, К. Экономические рукописи 1861–63 гг. [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Издание второе. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Соч. Т. 47. XX. 659 с.

5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Издание второе. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. VIII. С. 517–642.

References

1. Brjanik N.V. Nauchnaja shkola v oblasti filosofskih nauk «Dialektika i teorija poznanija: osnovateli M.N. Rutkevich i I.Ja. Lofman, rukovoditel' V.V. Kim [Scientific school in philosophy "Dialectic and the cognitive theory": founders M.N. Rutkevich i I.Ja. Lofman, leader V.V. Kim]. Jepistemy (Episteme). Ekaterinburg, 2012, pp. 4–15 (in Russian).

2. Lobovikov V.O. Socium i vlast', 2014, no. 1(45), pp. 127–138 (in Russian).

3. Marks K. Yekonomicheskie rukopisi 1857–59 gg. [Economic manuscripts 1857–59]. Marks K., Yengel's F. Sochineniya. Izdanie vtoroje (Marks K., Engels F. Essays. 2nd ed.). Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1955, t. 46. ch. 1, XXIV, 559 p. (in Russian).

4. Marks K. Yekonomicheskie rukopisi 1861–63 gg. [Economic manuscripts 1861–63]. Marks K., Yengel's F. Sochineniya. Izdanie vtoroje (Marks K., Engels F. Essays. 2nd ed.). Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1955, t.47, XX, 659 p. (in Russian).

5. Marks K. Yekonomicheskko-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844 year]. Marks K., Yengel's F. Iz rannih proizvedenii. Izdanie vtoroje (Marks K., Engels F. Early works. 2nd ed.). Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1956, VIII, pp. 517–642 (in Russian).

UDC 101.1 + 101.8

ARE ABSTRACTION FROM HISTORY AND DIGITALIZATION OF DIALECTIC MATERIALISM VALID

Bryanik Nadezhda Vasilyevna,

Ural Federal University
named after the First Russian President
B.N. Yeltsin,
Professor of the Chair
of Ontology and Theory of Cognition,
doctor of Philosophy,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vastas07@mail.ru

Annotation

The article deals with counterarguments to the ideas of prof. V.O. Lobovikov referring to the nature of dialectic materialism and prospective of its formalization and digitalization. The author questions the validity of ahistoric essence of dialectic materialism. Dialectic materialism is a unique in its substance philosophic creation still unknown for philosophic history. It is the product of social and political development of Eastern Europe in XIX century and the dialectic principals were to express social and class interest of proletariat. The possibility to connect unconnected – scientific and ideological characters – is proved by the fact that proletariat is the only class intended to express universal interests with its economic and political stature. For Marxism founders dialectic materialism is essential methodological and world outlook means for theoretic construction. Methodological and world outlook constituent of dialectic materialism, correspond to transition from classical stage of science to postclassical, saves its significance as the most important discoveries of the newest scientific stage require analysis and construction of scientific worldview.

Key concepts:

dialectic materialism,
creative Marxism,
science,
ideology,
philosophy analysis.

УДК 314.7

МИГРАЦИИ В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ПОЛИТИКА, ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

О книге «Миграция в России.
2000–2012»

Абылкаликов Салават Иргалиевич,

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Лаборатория социально-
демографической политики
Института демографии,
младший научный сотрудник,
г. Москва, Россия.
E-mail: abykcalikov@yandex.ru

Аннотация

Рецензия на хрестоматию в 3-х томах «Миграция в России. 2000–2012», составленную авторским коллективом ведущих отечественных исследователей миграции населения. Многотомная хрестоматия способна дать полное представление о дискуссиях, ведущихся в научной и политической среде в миграционной сфере за последние десятилетия в нашей стране.

Ключевые понятия:

миграция,
население,
Россия,
демография.

Начиная с последней четверти XX века всё более увеличивающийся дисбаланс демографического развития и глобально-го рынка труда, увеличивающийся разрыв в экономическом развитии между странами и отдельными регионами, а также глобальные геополитические сдвиги способствовали резкому увеличению интенсивности миграционных процессов. Миграция в настоящее время стала одним из важнейших глобальных явлений, значительно влияющих на экономическое, политическое и демографическое развитие стран. Большое внимание в экономически развитых странах уделяется регулированию нелегальной миграции, выполнению гуманитарных обязательств, связанных с приёмом вынужденных мигрантов. Миграционные процессы имеют тесную связь с демографическими. С одной стороны находятся страны Севера, со стареющим, депопулирующим населением, с другой – страны Юга (прежде всего, азиатские и африканские) с очень высокой долей молодого населения. Из глобального Юга на Север направлены значительные и всё более возрастающие миграционные потоки.

Растёт доля мигрантов в населении многих государств, причём численность населения некоторых западных стран увеличивается только за счёт мигрантов, в случае нашей страны миграция частично компенсирует естественную убыль населения. Для России являются актуальными проблемы как иммиграции, так и эмиграции (в особенности «утечки умов»), обустройства беженцев и внутренних переселенцев, репатриации бывших соотечественников, вопросы трудовой и образовательной миграции. Несмотря на то, что Россия на протяжении столетий была перекрёстком миграционных процессов, вопросы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, снижения градуса нетерпимости и ксенофобии, а также преодоления дискриминации приходится учиться решать заново. В этом может пригодиться и международный опыт.

Российский совет по международным делам подготовил труд, посвящённый наиболее «международной» демографической тематике – миграции населения. Хрестоматия «Миграция в России. 2000–2012» является систематизированным сборником статей по теме миграции населения, опубликованных за первые 12 лет нового столетия. В хрестоматию включены статьи отечественных и зарубежных учё-

ных, публицистов, российских политиков. Кроме того, хрестоматия содержит обзор проводимой политики и законодательства в области миграции (второй том), а также библиографию российских публикаций по миграционной проблематике за 2000–2012 годы (третий том). Начинается хрестоматия с программной статьи президента России В.В. Путина, посвящённой национальному вопросу, истории и культуре России, проблеме межнациональных отношений и интеграции мигрантов. В разделе «Миграционная ситуация» анализируются миграционные процессы в современной России, объясняется, зачем нам нужны мигранты вообще, а также обсуждаются альтернативы миграционной стратегии и возникающие при этом сложности. Большое внимание в хрестоматии уделено влиянию миграции на демографическое развитие страны, особенно роли преодоления депопуляции и обезлюдивания обширных территорий.

Миграционные и демографические процессы в стране тесно связаны с глобальным перемещением мирового Юга на мировой Север. Так, по мнению А.Г. Вишневого, Россия объективно является частью глобального Севера, однако имеет свои особенности: огромную слабозаселённую территорию с депопулирующим населением, что вызывает необходимость притока мигрантов, в особенности для преодоления наступающего дефицита трудовых ресурсов, но и в то же время усиливается противодействие миграции, в частности, со стороны общественного мнения.

Конечно, миграция связана не только с выгодами, но и значительными рисками, в том числе и с национальной безопасностью. Тем не менее, не все опасения являются обоснованными. К сожалению, в современном миграционном дискурсе намеренное искажение цифр и фактов является вполне обыденной практикой. Об этом подробно написано в работе О.С. Чудиновских «Зачем манипулировать цифрами?» и в других статьях раздела «Миграция и безопасность».

Главными партнёрами России в области миграции стали постсоветские страны. Так, И.В. Ивахнюк помимо Североамериканской, Европейской, Ближневосточной, Азиатско-Тихоокеанской и Южнойамериканской, выделяет Евразийскую миграционную систему в качестве одной из крупнейших в мире. Естественно, что такие масштабы и взаимозависимость оказывают

значительно влияние на интеграционные процессы в рамках региона.

Возвращаясь к теме внешней миграции, необходимо отметить важность процессов репатриации. Поток соотечественников, направлявшийся в Россию, на протяжении длительного времени отдававшей население союзным республикам, наметился уже в конце советского периода. Вскоре после распада Советского Союза был зафиксирован всплеск репатриации, затем она пошла на убыль. Конечно, некоторое время назад принята государственная программа по переселению соотечественников, но её эффективность оказалась крайне низкой, и проблему она не решила. Также в издании уделено внимание приграничным и трансграничным миграциям, отдельный раздел посвящён миграциям из Китая.

В рецензируемом издании рассматриваются вопросы женской миграции, в том числе вопросы гендерных контрактов, связи миграционного опыта с формированием и функционированием семей и репродуктивным поведением. Составители хрестоматии не обошли вниманием вопросы социальной уязвимости и сексуальных рисков женщин-мигрантов.

Помимо прочего, миграции вызывают дополнительную нагрузку на системы здравоохранения и образования. Считается, что мигранты распространяют инфекционные болезни, их дети плохо знают русский язык и поэтому неспособны учиться в школах. Профессиональному ответу на эти вопросы выделены соответствующие разделы рецензируемой хрестоматии.

В рецензируемом издании есть раздел, посвящённый глобальным перемещениям интеллектуальных ресурсов, который соседствует с разделом об эмиграции. И это неудивительно, так как Россия на данный момент в глобальной «охоте за головами» скорее проигрывает, теряя не только состоявшихся учёных, но и выпускников вузов.

Не обошли стороной авторы и внутреннюю миграцию. Так, в хрестоматию включены статьи Н.В. Мкртчяна «Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее», Ю.В. Андриенко, С.М. Гуриева «Разработка модели внутренних и внешних миграционных потоков населения для регионов Российской Федерации», а также специальная глава, посвящённая этому вопросу – «Внутренняя территориальная мобильность населения».

Обращение к проблемам миграции было бы неполным без рассмотрения воп-

росов адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, толерантности и ксенофобии, а также этнических конфликтов. Помимо этого, исследовательский интерес авторов направлен на оценку политики мультикультурализма, влияние рыночной экономики на этническую среду, а также возможной геттоизации Москвы.

В хрестоматии имеются статьи, посвящённые теоретическим подходам к изучению миграции, а также прогнозам и моделям миграции. Рассматриваются вопросы влияния миграции на развитие. Большое внимание уделено изучению глобального кризиса сквозь призму миграционных процессов. Так, семь лет назад заголовки СМИ пестрели пугающими предсказаниями того, что мигранты, оставшись без работы, массово начнут совершать кражи, грабежи и разбои. Мало кто хотел слышать голоса экспертов о том, что мигранты всегда предпочитают переждать кризис в своих родных странах. В итоге правы оказались эксперты. В издании ряд статей посвящены теме отображения проблем миграции в СМИ.

Временной охват хрестоматии, несмотря на название, не только первое десятилетие нового столетия, так как есть такие разделы, как «Современная миграция в историческом контексте», «Принудительные миграции советского прошлого», уже упоминавшийся раздел «Прогнозы и модели миграции» и отдельные статьи, охватывающие более широкий временной промежуток.

Во втором томе анализируется накопленный опыт и меры миграционной политики, проводимой в России, её отдельных регионах и в зарубежных странах, а также деятельности по защите прав мигрантов. В этом томе содержатся материалы об основных этапах становления и развития законодательства и политики в миграционной сфере в России. Так, миграционная политика на протяжении постсоветского времени испытывала периоды то ужесточения, то либерализации, колеблясь подобно маятнику. Вопросы национальной безопасности, выполнения гуманитарных обязательств и потребности отечественного рынка труда, по мнению отечественного законодателя, во многих случаях противоречат друг другу. Тем не менее, в последние годы набирает силу прагматичный подход, выражающийся в том, что привлечение иностранных работников является необходимым для дальнейшего экономического развития страны, особенно в условиях грядущего дефицита рынка труда вследствие демографических сдвигов.

Большой упор делается на вывод миграции из теневой экономики и повышение прозрачности трудовых отношений, а также есть специальный раздел, где рассмотрены вопросы социальных и трудовых прав мигрантов. Авторы хрестоматии не обошли стороной и проблемы переселяющихся россиян – отдельная статья посвящена барьерам внутрироссийской миграции. В заключительном разделе проанализирован и обобщён опыт зарубежных стран, в первую очередь Европы (Германии, Франции, Европейского Союза в целом) и США. В приложении к тому выложены основные нормативно-правовые документы, регулирующие вопросы миграции.

В третьем, библиографическом томе, состоящем из двух частей (печатные издания и электронные ресурсы), обобщены и систематизированы по темам российские научные публикации по миграционной тематике за 2000–2011 годы, с краткими аннотациями. Справочная и учебная литература, а также монографии, сборники и брошюры выделены отдельно, а научные статьи систематизированы по близким темам. В части, содержащей электронные ресурсы, даны краткие характеристики и ссылки на исследовательские центры и институты, проекты в области миграции и отдельные издания.

Осенью 2013 года вышла и англоязычная версия хрестоматии, призванная ознакомить зарубежную аудиторию с позицией российских учёных, экспертов и государственных деятелей. В англоязычную версию вошли лишь самые основные работы, она состоит из одного тома объёмом 320 страниц [2].

Огромная удача, что всю эту библиотеку удалось собрать в одном месте. Из-за того, что первые два тома хрестоматии представляют собой сборники статей, выдержки из книг, статьи в журналах, интервью, выступления, доклады, возникает некая разнородность, но тексты объединены общей тематикой, а в каждом разделе есть специально написанные для хрестоматии вводные статьи, выполненные на том же высоком уровне, что и остальные материалы. Дополнительным плюсом издания является то, что его можно начинать читать с любого места.

Дискутируя о таком сложном и многоаспектном явлении, авторы порой противоречат друг другу, являясь предста-

вителями противоположных взглядов. Но они говорят на одном языке, представляя широкий спектр мнений о миграции и сопутствующих вопросах. В хрестоматии отражены взгляды представителей разных наук – демографии, экономики, географии, политологии и других. По каждому вопросу представлены работы наиболее известных специалистов.

Таким образом, этот монументальный многотомник способен предоставить полное и объективное представление о дискуссиях, ведущихся в научной и политической среде в бесконечно многообразной миграционной проблематике с начала нового столетия в нашей стране. Издание может стать незаменимым подспорьем для практиков и исследователей в сфере миграции.

Общий объём хрестоматии составляет 3832 страницы (из них 2768 страниц – первый том, состоящий из 3 частей). На взгляд рецензента, изданию не хватает электронной версии (на CD, официальном сайте РСМД или иной вариант). Большую часть статей можно найти по отдельности, в том числе в специализированных ресурсах в Интернете, но большим преимуществом именно хрестоматии является весьма удачная подборка текстов и ценные вступительные статьи к разделам.

1. Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Российский совет по международным делам; Гл. ред. И.С. Иванов; отв. ред. Ж.А. Зайончковская; сост.: Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова. М.: Спецкнига, 2013. 3832 с.

2. Migration in Russia. 2000–2013 / Ed. by I.Ivanov. RIAC. Moscow: Spetskniga, 2013. 320 p.

References

1. Migration in Russia. 2000-2012. Chrestomathy in 3 volumes. Russian International Affairs Council, Ch. Ed. IS Ivanov, Br. Ed. Zh.A. Zayonchkovskaya, comp. N.V. Mkrtychyan, E.V. Tyuryukanova. Moscow, Spetskniga [Special book], 2013, 3832 p. (in Russian).

2. Migration in Russia. 2000–2013, Ed. by I.Ivanov, RIAC. Moscow, Spetskniga, 2013, 320 p. (in English).

UDC 314.7

MIGRATION IN RUSSIA: CURRENT ISSUES, POLICIES, INFORMATION SOURCES. ABOUT THE BOOK "MIGRATION IN RUSSIA. 2000–2012"

Abylkalikov Salavat Irgaliyevich,

National Research University
High School of Economics,
Laboratory of Social
and Demographic Politics,
Institute of Demography,
Associate Scientist,
Moscow, Russia.
E-mail: abylkalikov@yandex.ru

Annotation

The article is the book review on chrestomathy in 3 volumes «Migration in Russia. 2000–2012» of collective of leading researchers of population migration. The book can give the total view on discussions at scientific and political spheres on the problem of migration in recent decades in Russia.

Key concepts:

migration,
population,
Russia,
demography.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19,100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «AntiPlagiат» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.